

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

№ 13 МАРТ 1979

Первая борозда в Кулундинской степи.

Фото А. Гостева

Совхоз «Мичуринский», Кустанайской области.

ПРАЗДНИК НА БОГАТЫР

ПЕРВОЦЕЛИННИКИ ПОКАЗАЛИ ВЫСОКИЕ НРАВСТВЕННЫЕ КАЧЕСТВА СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ, ОНИ ПО ПРАВУ СТАЛИ ПРИМЕРОМ БЕЗЗАВЕТНОГО СЛУЖЕНИЯ РОДИНЕ, ДЕЛУ КОММУНИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА. И ЭТИ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ ПРИУМНОЖАЮТСЯ НОВЫМИ ПОКОЛЕНИЯМИ ЦЕЛИННИКОВ.

Л. И. БРЕЖНЕВ.

Из приветствия труженикам сельского хозяйства, ученым и специалистам, партийным, советским, профсоюзным и комсомольским работникам, всем участникам освоения целинных и залежных земель.

Фото В. Давыдова

Трудящиеся Барнаула встречают Л. И. Брежнева, 1972 год.

СКОЙ ЗЕМЛЕ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

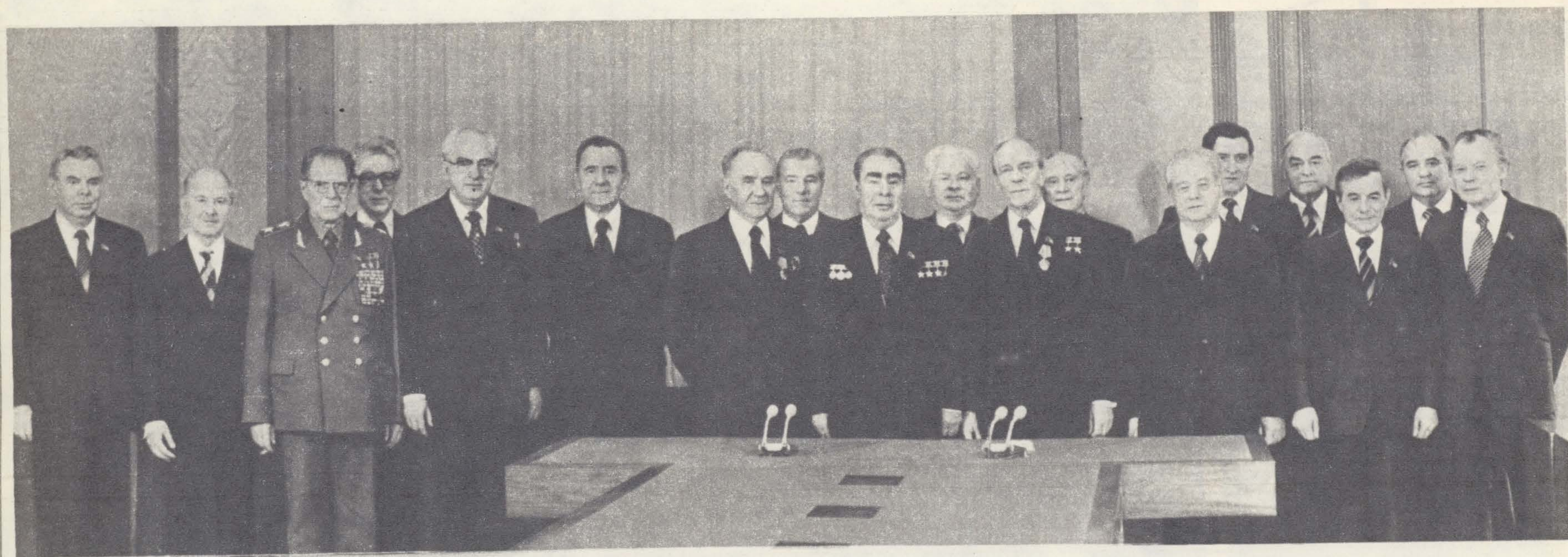
ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 13 (2698)

24 МАРТА 1979

Руководители Коммунистической партии и Советского государства при вручении наград товарищам А. Я. Пельше и А. Н. Косыгину.
Фото В. Мусаэльяна и Э. Песова (ТАСС)

ВРУЧЕНИЕ ВЫСОКИХ НАГРАД РОДИНЫ

Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев вручил 19 марта в Кремле высокие награды Родины члену Политбюро ЦК КПСС, председателю Комитета партийного контроля при ЦК КПСС А. Я. Пельше и члену Политбюро ЦК КПСС, Председателю Совета Министров СССР А. Н. Косыгину.

В зале присутствовали товарищи Ю. В. Андропов, А. А. Громыко, А. П. Кириленко, Д. Ф. Устинов, К. У. Черненко, П. Н. Демичев, Б. Н. Пономарев, М. С. Соломенцев, Н. А. Тихонов, И. В. Капитонов, В. И. Долгих, М. В. Зимянин, К. В. Русаков, М. С. Горбачев, а также секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. П. Георгадзе.

При вручении наград выступил тов. Л. И. Брежнев.

— Мне доставляет большое удовольствие,— сказал он,— вручить вам, нашим давним друзьям и товарищам по Политбюро ЦК, высокие награды Родины.

Арвиду Яновичу Пельше я должен вручить вторую золотую медаль «Серп и Молот» и орден Ленина...

Дважды Герой Социалистического Труда Алексей Николаевич Косыгин удостоен ордена Октябрьской Революции...

От всего сердца поздравляю Вас, Алексей Николаевич, и Вас, Арвид Янович, с заслуженными наградами Родины. Желаю вам хорошего здоровья и больших успехов в вашей ответственной деятельности.

С ответным словом выступили тов. А. Я. Пельше и тов. А. Н. Косыгин.

Присутствовавшие на вручении партийные и государственные деятели сердечно поздравили награжденных, пожелали им доброго здоровья и плодотворной деятельности на благо советского народа и социалистической Родины.

ПРАЗДНИК НА БОГАТЫРСКОЙ ЗЕМЛЕ

Николай БЫКОВ

В биографии советского народа немало легендарных страниц, и каждая из них начинается с красной строки: Смольный, Перекоп, Днепрострой, Магнитка, Турксиб, Курская дуга, Братск, Байконур, Самотлор, БАМ... Этапы исторического пути! В ряду позывных многих поколений романтиков, воителей и созидателей гордо звучит—ЦЕЛИНА. Одним-единственным словом, звонким и острым, как лемех плуга, навеки окрестил народ события, всколыхнувшие страну двадцать пять лет назад. И те памятные события, и порыв молодых, ответивших делом на призыв партии распахать непахавшиеся степи, и хлебное поле размером в сорок два миллиона гектаров, и четверть века упорного освоения новой в стране житницы — все это спрессовано в одном слове.

Целина — ее поднимали, засевали, обстраивали, ее покоряли, к ней приспосабливались люди, в характерах которых достало и стойкости, и долготерпения, и охоты к перемене мест, и счастья первопроходцев.

Мчались, помню, эшелон за эшелоном — на восток, на восток. От Казанского вокзала Москвы, с Украины и Кубани, из Прибалтики и Закарпатья. На красных полотнищах было начертано: «Даешь целину! Партия сказала — надо, комсомол ответил — есть!» Эшелон за эшелоном... В бескрайние степи Казахстана, Сибири, Оренбуржья, Поволжья... В вагонах пели к долгой дороге наспех придуманную песню: «Едем мы, друзья, в дальние края, станем новоселами и ты, и я». И казалось, нет песни лучше. Потому что нехитрая музыка и голоса сливались с ударами сердец и перестуком колес.

Не забыть холодного солнечного мартовского дня и вагона, переполненного голосами поющих и спорящих, звуками баяна и гитар. Тот эшелон из Донецка я перехватил в урочный час на маленькой станции незадолго до Москвы, куда на первый свой великий сбор в Кремле спешили добровольцы с Украины. Подсел к парню в гимнастерке, показалось, что он вроде за старшего и менее других возбужден всем происходящим, таким невероятным для юношей и девушек из Дружковки, Константиновки, Краматорска. Парня звали Иваном, фамилия — Рудской. Профессия — тракторист. Комсомолец. Недавно из армии. Улыбнулся: «И снова как мобилизация. Надо, забодай его комар...» Первое интервью, можно теперь сказать, ни о чем. Пятьдесят строк в газету — главное, чтобы вовремя. И чтобы обязательно конкретное имя, так сказать, живого целинника. Ничего удивительного, если бы и забыл того парня из комсомольского эшелона. Забыл бы наверняка, если б не время. Время — великое испытание, оно ставит все на свои места. Не все, о ком писали в ту пору, прошли борозду до конца. Имя Ивана Рудского никак нельзя было забыть: работа на целине, каждодневный героизм степных пахарей, первожителей совхозов и дальних колхозных отделений, плохо оборудованных для жилья, не позволили забыть. Шли годы. И все громче звучали по всей стране имена самых первых, тех, кто стал знаменосцем планеты Целина. Среди них — имя вожака комсомольско-молодежной бригады из Джаркульской МТС Кустанайской области Ивана Рудского, Героя Социалистического Труда, члена ЦК ВЛКСМ.

И сразу обрела большой смысл та короткая встреча в вагоне проходящего через столицу комсомольского эшелона. Нет, она не была случайной. Герои были среди самых скромных, упрямых, совестливых и безотказных. Такими оказались мои друзья из кокчетавского совхоза «Толбухинский», таким был скромнейший Григорий Косьма и совсем еще молодой, опаленный войною полный кавалер солдатского ордена «Слава» Михаил Яровой. Таким был и паренек среди посланцев легендарной Красной Пресни Аркаша Салмин. Теперь Григорий Александрович — Герой Социалистического Труда, управляющий отделением одного из кустанайских совхозов. Герой Социалистического Труда и Михаил Саввич — опытнейший хлебороб боровской степи. Аркадий Семенович теперь один из лучших механизаторов ордена Ленина совхоза «Краснопресненский», кавалер ордена Ленина, сам-восьмой в большом семействе.

«Люди растили хлеб на земле — земля растила людей»,— так оно и было, как пишет в книге «Целина» товарищ Л. И. Брежнев. Да, богатырской нивой обернулась древняя, трудом целинников преображенная степь. Освоенная, приведенная в порядок, благоустроенная, теперь уже бывшая целина придала устойчивость нашему сельскому хозяйству, обеспечила гарантированные сборы зерна, особенно в благоприятные годы. Известно, что облик некогда малолюдных степей приобского Алтая, Заволжья, Оренбургской и Омской областей, Северного и Восточного Казахстана, а также Кулунды, Затоболья и Тургая — всюду, где четверть века назад была проведена первая борозда, облик степей теперь радостно изменился. Прекрасные поля, лесополосы, асфальтовые дороги, зеленые поселки сотен новых совхозов, элеваторы, фабрики, перестроенные города... Но главное — хлеб! Среднегодовое производство зерна в основных районах бывшей целины возросло почти в три раза. Сейчас каждый третий пуд хлеба стране дает целина. За двадцать пять минувших жатв здесь намолотили почти полтора миллиарда тонн зерна!..

Тепло поздравил с праздником всех хлеборобов-целинников, всех участников освоения целинных и залежных земель Леонид Ильич Брежнев. В ознаменование 25-летия с начала освоения целины, в честь всенародного подвига целинников учреждена настольная памятная медаль. На ее оборотной стороне под гербом СССР слова Л. И. Брежнева: **«Освоение целинных и залежных земель представляет собой одну из самых ярких страниц в летописи созидательного труда советского народа».**

...На целине — весна! Близится время большого сева — двадцать шестого по счету. Земле целинной еще набирать и набирать силу.

НАШ ПОСТОЯННЫЙ КУРС

Юрий ПОПОВ

В это время года в северной Индии обычно начинается жара. Но, казалось, сама природа приготовила на этот раз приятный сюрприз. Стояла ясная, нежаркая погода с голубым, прозрачным небом и ярким, сверкающим солнцем, когда самолет с советскими опознавательными знаками совершил посадку на делийском аэродроме Палам, украшенном государственными флагами Советского Союза и Индии. Индия тепло и радостно встречала члена Политбюро ЦК КПСС, Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина, прибывшего сюда с официальным дружеским визитом.

Встречи государственных деятелей двух стран, переговоры между ними по важнейшим вопросам, касающимся двусторонних отношений, и международным проблемам стали уже традиционными, и они играют большую роль в укреплении наших отношений. Особое место занял визит в эту страну в 1973 году Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Леонида Ильича Брежнева. В результате этого визита советско-индийские отношения поднялись на более высокую, качественно новую ступень.

В ходе своего визита в Индию А. Н. Косыгин провел немало часов за столом переговоров с Премьер-Министром Индии Морарджи Десаи и другими руководящими деятелями страны, побывал в различных частях страны, встречался с простыми рабочими и крестьянами. И все эти встречи и беседы проходили в обстановке самой искренней дружбы. Вспоминается поездка в город Ранчи, находящийся в штате Бихар на востоке страны. Сейчас здесь неподалеку от старого города с его мечетями, индуистскими храмами, пестрыми базарами, возник новый город, обязанный своим рождением заводу тяжелого машиностроения, построенному в сотрудничестве с Советским Союзом. Он вошел в строй в 1963 году и за эти полтора десятка лет произвел свыше 400 тысяч тонн доменного, прокатного, кранового и другого оборудования, стоимость которого составляет примерно четыре миллиарда рупий.

Но не только в этой сумме дело. Завод явился поистине кузницей квалифицированных кадров для индийской промышленности, и здесь были подготовлены сотни высококвалифицированных рабочих, которые управляют сейчас сложными станками и механизмами. Характерно и то, что продукция завода широко используется для расширения других предприятий государственного сектора и Индия, таким образом, избавляется от дорогостоящего импорта промышленного оборудования.

Предприятий подобного рода уже несколько десятков. Как отмечал в своем выступлении на обеде в честь А. Н. Косыгина Премьер-Министр Индии Морарджи Десаи, «высокое качество и плодотворность нашего сотрудничества в сфере экономики сыграли важную роль в создании инфраструктуры промышленной базы Индии, особенно в металлургической и тяжелой промышленности и в производстве электрооборудования. Бхилайский металлургический комбинат, металлургический завод в Бокаро, завод тяжелого машиностроения и государственная фармацевтическая корпорация — вот вечные памятники индийско-советскому сотрудничеству»,— сказал премьер-министр.

Предприятия, построенные в ходе осуществления советско-индийского сотрудничества, составляют ядро государственного сектора экономики страны, объединяющего в общей сложности 140 крупных предприятий и объединений, находящихся в ведении центрального правительства. Помимо этого, сотни более мелких предприятий государственного сектора контролируются правительствами отдельных штатов. О том, какое влияние оказывает этот государственный сектор на экономику страны, говорит хотя бы такой факт: в прошлом году на его долю пришлось две пятых всей промышленной продукции страны.

Стабильность и прочность советско-индийских отношений привели в 1971 году к заключению между двумя странами Договора о мире, дружбе и сотрудничестве. Он послужил основой для дальнейшего укрепления связей и явился важным фактором укрепления процесса разрядки. Наше сотрудничество планируется на многие годы вперед. В результате визита главы Советского правительства в Индию были подписаны новые документы, касающиеся наших отношений на современном этапе. «Ключевым моментом визита,— писал индийский еженедельник «Блитц»,— стало подписание долгосрочной программы экономического, торгового и научно-технического сотрудничества».

И документы, подписанные в Дели, и характер встреч и переговоров, которые имел А. Н. Косыгин в Индии, вновь показали, что наши отношения продолжают развиваться в благоприятном для обеих стран направлении. Вместе с тем итоги визита свидетельствуют об общности взглядов и по целому ряду важнейших международных проблем. В совместном коммюнике, подписанном в Дели, отражена убежденность Советского Союза и Индии в том, что сейчас более чем когда бы то ни было человечество не имеет альтернативы разрядке международной напряженности.

В коммюнике выражено решительное осуждение вооруженного нападения Китая на Социалистическую Республику Вьетнам, и в нем содержится требование немедленного, безоговорочного и полного вывода китайских войск с территории Вьетнама. В этих словах — свидетельство глубокой заботы о судьбах мира на земле, в котором заинтересованы обе наши страны и все миролюбивые люди нашей планеты.

Дружбе с Индией наша страна придает особое значение. Как сказал Л. И. Брежнев, «тесное политическое и экономическое сотрудничество с Республикой Индией — это наш постоянный курс».

ДЕЛИ — МОСКВА.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

ПРЕСТУПЛЕНИЯ АГРЕССОРОВ

Весь мир осудил преступную войну, развязанную Пекином против Социалистической Республики Вьетнам. По поступившим сообщениям, сейчас на территории СРВ не осталось крупных частей китайских войск. Но остались свидетельства бесчинств, творимых захватчиками, актов жестокости и вандализма, совершенных пекинскими агрессорами на вьетнамской земле.

Леонид КРИЧЕВСКИЙ, корреспондент Советского радио и телевидения в Ханое

После нескольких пасмурных дней сквозь тяжелые серые облака над горами сначала робко, потом все увереннее пробивалось солнце. Оно быстро рассеяло пелену утреннего тумана. Два дня мы провели в уездном центре Донгмо, примерно в тридцати километрах от Лангшона. Несколько раз пытались проехать в город, но вынуждены были поворачивать назад, так как дорога интенсивно обстреливалась китайскими артиллеристами. Орудия молчали, когда дорога была пустой, но как только появлялись машины, начинался обстрел. Отводя свои войска из района Лангшона, китайское командование оставило в горах вдоль дороги несколько огневых точек. С высоты была отчетливо видна каждая машина, которая пересекала небольшой мост перед въездом в город.

И вот третья попытка. Мы выехали рано утром. Видимость была прекрасной, до самого горизонта. Не было даже утренней дымки. На большой скорости проезжаем мост. Один за другим позади нас раздаются несколько взрывов, и все стихает. Лавируя между воронками на дороге, наконец, въезжаем в Лангшон.

Много дней сообщения о боях в этом районе занимали ведущее место в сводках, передаваемых Вьетнамским информационным агентством. Здесь шли самые упорные, самые ожесточенные бои.

Много раз приходилось мне раньше бывать в Лангшоне. Знакома каждая улица, каждый перекресток. В городе проживало более 50 тысяч населения. Невысокие двух- или трехэтажные здания, выкрашенные в светлые тона, скрывались под зелеными кронами развесистых деревьев. Город делится на две части — северную и южную — рекой Кикунг. В центре Лангшона был мост, по которому проходили и шоссе и железная дорога, ведущая от Ханоя к китайской границе.

И вот новая встреча с Лангшоном. Светило яркое солнце, было около одиннадцати часов дня. Город совершенно пуст. Время от времени по улицам проходят вооруженные вьетнамские патрули. Население Лангшона эвакуировалось в первые же дни китайской агрессии. Мы шли по городу. Слева и справа — руины. Лангшон изуродован до неузнаваемости. Уцелевшие дома, казалось, безмолвно кричали о боли, о ранах. В результате обстрела китайской артиллерии разрушено большинство административных зданий, в руины превращен вокзал, разбит центральный провинциальный госпиталь. Китайские интервенты взорвали мост через реку Кикунг. Почернели от пожаров деревья.

Израненный город. Такое впечатление производит сегодня Лангшон, переживший вторжение китайских агрессоров.

Накануне в Донгмо, в помещении недостроенной школы, где временно размещается народный комитет провинции, я встретился с беженцами. Они заполнили весь первый этаж, двор и подсобные помещения. Люди стелили на пол циновки и укладывали спать детей. На небольшом очаге, сложенном из двух кирпичей, варили рис, тихо беседовали между собой при свете крохотных керосиновых ламп, еле-еле освещавших их лица. Кончался еще один день их нелегкой жизни. Они вынуждены были покинуть родные места. В основном это женщины, старики, дети. Послышался негромкий детский плач. Ребенку что-то приснилось. Он испугался, и крик его стал пронзительным. Как ни успокаивала его мать, рыдания ребенка ста-

Вьетнам. Бойцы отряда самообороны.

Митинг ханойской молодежи.
В ответ на обращение ЦК Компартии Вьетнама к соотечественникам и бойцам весь народ выразил готовность встать на защиту родины.

Этот снимок сделан в городе Лангшон.

Агрессоров на вьетнамской земле ждет бесславный конец.

новились все громче. Рядом на маленькой скамеечке сидела женщина. К ней прижимались трое ребятишек. Зыонг Тхи Тхюи вместе с семьей жила в деревне в десяти километрах от границы. 17 февраля рано утром они услышали разрывы снарядов. Все жители деревни, схватив детей, кто в чем был, бежали из родных домов. На попутном грузовике Зыонг Тхи Тхюи удалось вырваться из района нашествия. Ее муж, ополченец, в первый день вступил в бой с врагами и погиб. Дорогу, по которой двигались беженцы — пешком, на машинах или на автобусах,— обстреливала китайская артиллерия.

— Погибло много детей, женщин, стариков. Они не успевали скрыться, когда начинался обстрел,— говорит Зыонг Тхи Тхюи.— Я видела, как был обстрелян автобус, который шел из Лангшона. Погибло тридцать семь человек. Интервенты не пощадили и машину «Скорой помощи», которая везла раненых в госпиталь.

Подобные рассказы слышали мы и в других провинциях, которые подверглись китайской агрессии. Разрушены города Лаокай и Каобанг, пострадали промышленные предприятия, сожжены многие деревни.

Китайская агрессия во Вьетнаме — это тяжкое преступление правителей Пекина, совершенное против народа социалистической страны. Оно готовилось давно.

«Каждый день, кроме военных занятий, у нас проводилась политическая работа. Нам внушали, что мы должны быть готовы сражаться с «вьетнамскими гегемонистами»,— рассказывает попавший в плен танкист из 42-го армейского китайского корпуса Чжан Хайцзе. Его танк был подбит под Каобангом.— Нам говорили, что Вьетнам осмелился обмануть великий Китай и поэтому его надо наказать. Мы должны также спасти тысячи людей китайской национальности, которых якобы угнетают во Вьетнаме.

В январе,— продолжает пленный,— наш корпус вплотную подошел к границе. Мы вступили на вьетнамскую территорию на третий день после начала вторжения, 19 февраля. У нас было указание убивать каждого вьетнамца, которого мы встретим на своем пути. В тот же день мой танк был подбит, и меня взяли в плен. С нами обращаются гуманно. Теперь я начинаю понимать, что нас обманывали».

«У нас был приказ во что бы то ни стало захватить город Каобанг,— рассказывает другой пленный, Хоан Фунинь, политкомиссар одной из китайских рот.— Нам было дано указание ликвидировать рис и другое продовольствие у вьетнамцев, забирать у них буйволов и свиней».

Они действовали на вьетнамской территории как оккупанты и мародеры.

Вооруженные силы Вьетнама дали решительный отпор. Агрессорам не удалось добиться поставленных целей. Именно поражение в ходе агрессивного вторжения, а также могучее движение солидарности с вьетнамским народом, развернувшееся по всему миру, вынудили пекинских правителей заявить о выводе своих войск с вьетнамской территории. Однако этот вывод проходил очень медленно. Его явно затягивали. Китайские власти резервируют за собой какое-то вымышленное ими «право» снова нанести удар по Вьетнаму. Поэтому народ Социалистической Республики Вьетнам вынужден предпринимать шаги по обеспечению своей безопасности. В стране объявлена всеобщая мобилизация, укрепляются вооруженные силы и отряды самообороны.

Коммунистическая партия и правительство

Фото ВИА — ТАСС,
В. Бабкина (ТАСС)

Вьетнама призвали народ превратить страну в прочный бастион сопротивления. Каждое предприятие и кооператив, каждый город и уездный центр, каждый вьетнамец сегодня — это боец за свободу и независимость родины. В Ханое и других городах северных провинций тысячи людей выходят на рытье траншей и сооружение убежищ. Индивидуальные убежища возле своих домов должна построить каждая семья.

Вьетнамский народ полон решимости дать отпор захватчикам. Он глубоко заинтересован в сохранении мира, в развитии дружественных отношений со всеми соседними народами, в том числе с народом Китая. Проявляя добрую волю, Социалистическая Республика Вьетнам стремится к мирному решению всех вопросов во взаимоотношениях с Китаем. Она готова идти на переговоры, но лишь в том случае, если все китайские войска будут выведены за пределы исторически сложившейся границы между Вьетнамом и Китаем. Это справедливая позиция.

Специально для «Огонька»
Лангшон — Ханой, по телефону.

ПЕКИН: ПРЕДАТЕЛЬСТВО СОЦИАЛИЗМА

Владимир КАТИН,
политический обозреватель АПН

ПЕРЕРОЖДЕНЦЫ

В дни китайской агрессии против СРВ весь мир следил за сводками с этого фронта. Многие люди задают вопрос: как могло случиться такое, что страна, называющая себя социалистической, напала на другую социалистическую страну?

Но этот вопрос сразу же рождает другой: что общего с социализмом имеет режим, совершивший агрессию против социалистического государства и призывающий, по сути, весь капиталистический мир объединиться для борьбы с СССР, со странами социалистического содружества?

Очевидно, налицо факт перерождения китайской верхушки, в которой всегда существовали и проявляли себя в той или иной форме мелкобуржуазные тенденции. По-видимому, эти тенденции постепенно взяли верх, что находит новое подтверждение не только в чуждой природе социализма агрессивной внешней политике Пекина, но и во внутренних «преобразованиях».

Мы имеем в виду курс на капиталистическую реставрацию не только отдельных частнособственнических предприятий, но и целых отраслей промышленности. В Китае сейчас вытаскивают на свет божий еще уцелевших бывших предпринимателей, компенсируют им причиненный революцией «ущерб». Такая политика размывает и подрывает социалистические завоевания китайского народа, который держат в неведении о том, что творит перерождающаяся верхушка.

Вернемся к вопросу о том, почему же все-таки Китай напал на своего многострадального соседа.

Кое-где на Западе бытует мнение, инспирированное самим Пекином, будто военные действия Китая против Вьетнама связаны с «кампучийским вопросом». Однако это далеко не так. Все дело в том, что после образования Социалистической Республики Вьетнам Пекин попытался установить свой политический контроль над страной и навязать ей свою, китайскую, модель общества. Когда это не удалось, китайская верхушка избрала тактику натравливания на Вьетнам кампучийского режима Пол Пота, который фактически вел необъявленную пограничную войну против Вьетнама. Бесспорно, что падение антинародного марионеточного режима Пол Пота вызвало ярость у китайских руководителей. Чтобы как-то выкрутиться из этой ситуации, Пекин утверждает, что все, дескать, подстроено вьетнамцами. Отсюда и заявления, что Китай хотел, видите ли, «примерно наказать Вьетнам», дать ему «хороший урок».

Однако на самом деле этот предлог—всего лишь бутафория, за которой скрывается нечто более серьезное — стремление Китая быть владыкой в Юго-Восточной Азии. Замыслы Пекина прибрать Вьетнам к рукам в политическом и экономическом отношении вынашивались очень давно. Поэтому открытая агрессия является лишь кульминационным выражением глобального курса на владычество с применением оружия. Пекин никогда не хотел видеть соседний Вьетнам сильным и самостоятельным. И это относится, кстати, к любой стране Юго-Восточной Азии. Китайское руководство, имея территориальные претензии ко всем без исключения своим соседям — большим, средним и малым, проводит коварную политику ослабления этих государств, сталкивания их между собой. Расчет таков: слабую страну проще прибрать к рукам, то есть попытаться насильственно присоединить к Китаю.

Таково общее направление китайской политики в Юго-Восточной Азии. Если правительства соседних стран не разделяют китайской политики и китайского образа жизни, то Пекин пускает в ход силу. Так, кстати, уже было в 1962 году, когда Мао, мстя Индии за отказ идти у него на поводу, захватил у индийцев обширный кусок территории в 36 тысяч квадратных километров.

Действительная причина китайской агрессии состоит в том, что Вьетнам отказался ориентироваться на Пекин, отказался подчиняться его инструкциям, как строить свое общество, свою экономику, свою внешнюю политику. Известны факты пятнадцатилетней давности, когда китайцы требовали от Хо Ши Мина разрыва с Советским Союзом, отказа от его помощи. Это делалось с целью изоляции Вьетнама от СССР, чтобы легче было с ним расправиться и включить его в «великую китайскую империю». Ведь неспроста в китайских учебниках для высших школ на карте страны значатся как «утраченные Китаем земли» Вьетнам, Лаос, Кампучия, Таиланд, Бирма, Малайзия, Непал, Бутан, Корея, Монголия, части Индии, Японии и СССР.

Глобальная стратегия китайских руководителей со времен Мао состоит в том, чтобы любыми средствами, включая насилие, превратиться в державу, господствующую над всеми народами мира. От господства в Азии до мирового господства — вот к чему стремился Мао и к чему рвутся его нынешние наследники. В этой стратегии используется широкий набор средств: от заигрывания с Западом для подъема своего военного потенциала до открытой вооруженной агрессии, подобной той, которая происходит сейчас во Вьетнаме.

ОХОТА ЗА ЗАПАДНЫМ ОРУЖИЕМ

Не так давно в международном политическом лексиконе появился термин «китайская карта», на которую западные державы делают солидную ставку, предполагая использовать ее против социалистических стран. Дело, конечно, не в терминологии, заимствованной из азартных игр. Вопрос стоит гораздо серьезнее, нежели партия в политический покер.

Мир стал свидетелем крутого изменения политического курса Пекина — от многолетней берложьей самоизоляции к интенсивному сотрудничеству с внешним миром. Осталась по-

зади много лет лихорадившая Китай «культурная революция», забыт принцип «опоры на собственные силы». Запад, в свою очередь, также заново открывает для себя Китай.

Установление нормальных отношений Запада с Китаем, развитие сотрудничества — все эти явления сами по себе естественны. Никто не спорит, что страны должны торговать и что народы должны поддерживать связи. Другой вопрос — на какой основе это происходит, какие цели при этом ставятся. Сближение Китая с Западом совершается в обстановке, проникнутой духом милитаризма, в период, когда Пекин выступает в роли агрессора.

Как и в былые времена «золотой лихорадки», наперегонки ринулись в Пекин деловые люди из западных столиц, обуреваемые теми же страстями, которые влекли когда-то в Клондайк искателей счастья из Нового Света. Кто только не перебывал здесь за последнее время! От министра финансов США до коммивояжеров из Люксембурга. С традиционной восточной вежливостью и неизменной улыбкой китайцы просматривают рекламные каталоги, образцы товаров и откладывают их в сторону. Нет, их интересуют не изделия легкой промышленности, не бытовая техника, не оборудование для заводов и фабрик мирного назначения. Китайцы вручают западным фирмам свои встречные заказы на современную военную технику и связанную с ней продукцию.

Недавно в Пекине провела несколько фаз переговоров специальная делегация «Общего рынка». Речь шла о либерализации торговли с Китаем с тем, чтобы снять все препятствия при продаже «стратегических товаров», которые категорически запрещено продавать в «коммунистические страны». Успех переговоров визитеров из «Общего рынка» в Пекине наглядно свидетельствует о том, что Запад уже не считает Китай коммунистической страной. Видимо, для этого есть достаточно оснований.

Итак, сегодня Пекин открывает для себя западный мир, который еще до недавнего времени в китайском лексиконе именовался «империалистическим бумажным тигром». Нынешние китайские руководители, кстати, занимавшие высокие посты и во времена Мао и напрочь отрицавшие тогда все достижения современной науки и техники Запада, энергично стремятся теперь к самым тесным связям и сотрудничеству с ним, особенно в военной области. В Англии китайцы срочно закупают военные реактивные самолеты «Харриер». Никогда прежде не могло бы быть и речи о продаже этих самолетов какой-либо стране, не говоря уже о социалистической...

Можно допустить, что западные предприниматели действительно получат выгодные и прибыльные для себя заказы на оснащение вооруженных сил КНР. Допускаем и то, что обозреватели в Лондоне, Париже и Риме охарактеризуют эти сделки как позитивные для западной экономики и политики. Кое-кто, очевидно, считает, что настало самое время поиграть на враждебной позиции Пекина в отношении СССР — поиграть и что-то выиграть.

По нашему мнению, такая логика весьма недальновидна и сомнительна. Прежде всего зададим вопрос: зачем Пекину понадобилось западное вооружение? Утверждается, что в целях обороны. Но неужели можно серьезно думать о том, что кто-то хочет напасть на Китайскую Народную Республику? Кто и зачем? Практика показывает, что агрессивные акции исходят от Пекина, но отнюдь не от его соседей. Неужели КНР может угрожать пятидесятимиллионный Вьетнам, совсем недавно вышедший из пекла войны и занятый массой своих проблем?

Наивно думать, что в наше время можно отсидеться в своих комфортабельных парижских или лондонских апартаментах, подсчитывая барыши от оружия, пущенного в ход Китаем. В том веке, в котором мы живем, любой локальный конфликт, где бы он ни произошел, реально чреват угрозой конфликта мирового.

Не следует забывать, что КНР — ядерная держава и что концепция великодержавного гегемонизма является генеральным курсом пекинских руководителей. Конфликт, возникший в любой точке Юго-Восточной Азии с помощью западного вооружения, может превратиться в конфликт более крупного масштаба. В этом случае уже не спасет ни дальнее расстояние, ни пограничные столбы. Ошибочно считать, что в случае такого развития ситуации западноевропейские страны окажутся где-то в стороне, а торговцы оружием будут лишь взирать на события да подбрасывать, как хворост в огонь, новые порции военной техники и боеприпасов. Такого не будет.

Советский Союз стоит на иных философских позициях в этом вопросе. Глубоким содержанием проникнут призыв Московского совещания государств — участников Варшавского Договора: «Высшая мудрость сегодня не в том, чтобы подстегивать гонку вооружений и усиливать опасность ядерной катастрофы, а в том, чтобы освободить человечество от угрозы новой войны». Это в полной мере относится к тем странам Запада, которые в погоне за прибылью сегодняшнего дня руководствуются недальновидной политикой пособничества наращиванию военного потенциала Китая.

БЛОК С МИРОВОЙ РЕАКЦИЕЙ

Страны социалистического содружества всегда и неизменно поддерживают национально-освободительные движения. Сегодня со всей объективностью мы констатируем, что Китай не только отказывает в такой поддержке народам, борющимся за свое освобождение, но полностью смыкается с империалистическими державами, выступает на их стороне.

Измена произошла не вчера, не вдруг. Еще в начале 60-х годов, когда США предприняли агрессивные действия против Кубы, Пекин аплодировал этому, выразив им полное одобрение. За прошедшие годы в китайской политике произошла определенная «эволюция»... в сторону ужесточения.

Вспомним трагедию Чили, когда все социалистические страны, все компартии в мире, все прогрессивное человечество гневно осудили фашистский переворот в этой стране. Китайское же руководство продемонстрировало до неприличия бурный восторг массовым уничтожением чилийских коммунистов. Китай был первой страной, официально признавшей клику Пиночета.

Предательство Пекином национально-освободительного движения в Африке отчетливо просматривается на примере Анголы. Китай времен Мао ничем не помогал ангольскому народу в его вооруженной борьбе против португальских колонизаторов. После его победы пекинское руководство поспешило сомкнуться с реакцией США и ЮАР, активно участвуя в оснащении оружием банд раскольников, пытавшихся свергнуть законное правительство страны.

Сердечные отношения полного взаимопонимания сложились между Пекином и Преторией. Расисты ЮАР и китайское руководство оказались по одну сторону классовых баррикад. В частности, это проявляется в развитии широкой торговли между двумя странами, что фактически приводит к срыву эмбарго, наложенного на торговлю с расистским режимом. Красноречиво заявление американской газеты «Пиплз уорлд» о том, что США, Китай и ЮАР имеют в южной части Африки общие задачи и действуют единым фронтом.

Таким образом, на этих примерах, которых, кстати, можно привести сколько угодно, становится предельно ясно, что китайское руководство отказалось от священного долга социалистической страны — всемерно поддерживать национально-освободительные движения. Пекинское руководство низкопоклонически приспосабливается к политике империализма, стараясь во всем ему угодить. Фактически в международных делах Китай стал контрреволюционной силой, которая тормозит мировой революционный процесс и выступает против строительства социализма.

Идеология и политика китайских руководителей, по сути, тождественны платформе антисоциалистических и наиболее реакционных сил мирового империализма. При такой ситуации, когда внутренняя и внешняя политика этого государства ничего общего не имеет с социализмом, встает вопрос: к какой общественной формации идет эта страна?

ПРОЛЕТАРСКАЯ СОЛИДАРНОСТЬ

60-летию основания Коммунистического Интернационала была посвящена научная конференция, которая состоялась 16 марта в Москве. Ее провели Институт марксизма-ленинизма, Академия общественных наук и Институт общественных наук. В работе конференции приняли участие видные ученые, ветераны КПСС, представители общественности Москвы.

Вступительное слово произнес кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС, академик Б. Н. Пономарев. Среди знаменательных дат в истории нашей революционной эпохи, сказал он, особое место занимает тот мартовский день, когда представители 35 коммунистических и левосоциалистических партий и групп из 21 страны Европы, Америки и Азии провозгласили создание Третьего, Коммунистического Интернационала. Началась героическая 25-летняя эпопея международной революционной организации, которая оказала большое вли-

■

«Сепаратный мир между египетским режимом и Израилем не стоит даже бумаги, на которой он будет подписан», — так охарактеризовал президент Сирии Хафез Асад готовящуюся сделку между Тель-Авивом и Каиром. Торг, который длится уже на протяжении 16 месяцев, по сообщению печати, подходит к своему концу. В общем-то никого не удивляет, что подобная сделка совершается за счет предательства интересов арабских народов, в угоду империализму. Это было ясно и раньше. Только теперь более выпукло и наглядно предстали все детали сепаратного «урегулирования».

К чему же пришли участники торга? Как сообщает печать, в соответствии с условиями

ЦЕНА

яние на все развитие рабочего движения эпохи перехода от капитализма к социализму.

Создание Коминтерна навсегда связано с именем великого Ленина, с Октябрьской революцией. Но это не значит, что Коминтерн был делом рук только партии большевиков, делом рук «Москвы», как пытаются изображать буржуазная пропаганда и правые реформисты. Основание Коминтерна «было записью того, что завоевали не только русские, не только российские, но и германские, австрийские, венгерские, финляндские, швейцарские,— одним словом, международные пролетарские массы».

Коминтерн положил начало современному коммунистическому движению. Он помог здоровым силам в международном рабочем движении воздвигнуть преграду на пути соглашательства с буржуазией, преодолеть реформизм, способствовал созданию революционных партий нового типа в международном масштабе.

С докладами выступили: директор Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, академик А. Г. Егоров, проректор Академии общественных наук при ЦК КПСС, доктор философских наук Ю. А. Красин, заведующий отделом Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, доктор философских наук А. И. Соболев.

Во время конференции.

Фото Б. Кавашкина (ТАСС)

СДЕЛКИ

Демонстрация протеста в оккупированном Израилем Иерусалиме.

сделки Израиль обещает вывести поэтапно свои войска с оккупированного им Синайского полуострова, а к концу года он должен отвести свои войска к линии, проходящей от Эль-Ариша до Рас-Мухаммеда (южная оконечность Синайского полуострова). В свою очередь, Египет обязуется установить дипломатические отношения с израильским агрессором в полном объеме и наладить торговый обмен. Договор в значительной мере ущемляет суверенитет Египта над Синайским полуостровом, поскольку он объявляет эту территорию демилитаризованной зоной и запрещает Каиру держать там свои войска.

Сепаратная сделка игнорирует справедливые требования арабских народов, обходит главные проблемы, лежащие в основе ближневосточного конфликта. Более того, она осложняет и отодвигает на неопределенный срок достижение подлинного мирного, всеобъемлющего урегулирования, и, как пишет «Вашингтон пост», договор может дать толчок к «новому пожару».

В сделке Израиля и Египта непосредственное участие принимает третья сторона — Соединенные Штаты. Отчего так заинтересованы США в этой сделке, почему так настойчиво торопят заокеанские официальные лица Каир и Тель-Авив покончить торг и прийти к согласию? В последнее время ослабли позиции США и на Ближнем Востоке: рассыпался как карточный домик военный блок СЕНТО, американцев попросили убраться из Ирана. Создать новый блок, осью которого, по замыслам США, должны быть Израиль и Египет — такова цель американской дипломатии в достигнутом «компромиссе» между Израилем и Египтом. Причем Египту в планах американских стратегов отводится роль жандарма на Ближнем Востоке. Египетские войска уже отправлены в Оман, народ которого ведет упорную борьбу с реакционным режимом султана Кабуса. Печать сообщает и о концентрации египетских войск, танков и авиации на границах с соседней Ливией.

Партнеры по сделке полностью игнорировали палестинскую проблему. Как и прежде, Израиль продолжает оккупацию значительной части захваченных арабских земель, в том числе Западного берега реки Иордан, сектора Газа и Голанских высот.

Горька судьба палестинцев. Многие из них покинули свою землю, спасаясь от преследования распоясавшихся израильских солдат. Потеряв кров, лишившись своего скудного имущества, несчастные вынуждены искать пристанище на чужбине. Сотни тысяч палестинцев ютятся в лагерях беженцев в других странах.

Те палестинцы, которые остались на оккупированных Израилем землях, оказались в положении побежденных, а следовательно — людей второго сорта. Их унижают, их лишают элементарных человеческих прав, у них отнимают дома и землю, на которой они живут и которая принадлежит им испокон веков. Конфискация арабских земель и выселение неугодных палестинцев усиленно практикуются сионистскими властями.

Оккупированная Израилем территория напоминает огромный концентрационный лагерь. На перекрестках улиц и дорог днем и ночью действуют контрольно-пропускные пункты и заставы. Вооруженные солдаты и полицейские с пристрастием обыскивают прохожих и автомашины. «Подозрительных» немедленно отправляют в ближайший полицейский участок. В каждом городе и крупном селении как символ сионистской власти возвышаются здание полицейского управления с развевающимся над ним израильским флагом и окруженная колючей проволокой тюрьма. Тысячи палестинцев томятся в израильских тюрьмах, где пытки, издевательства — обычное дело.

Правящие круги Израиля проводят политику ползучей аннексии, пытаясь закрепиться на оккупированных арабских землях. Одно за другим создаются на Западном берегу реки Иордан военизированные поселения, служащие аванпостами израильской агрессии. С каждым днем репрессии оккупантов становятся все более жестокими и беспощадными. Широко применяются такие меры, как выселение, разрушение домов динамитом, так называемые коллективные репрессии в масштабах семьи, деревни, учебного заведения. После каждой студенческой демонстрации полиция хватает наугад десятки студентов, бросает их в тюрьмы.

На сопротивление арабов этой политике Тель-Авив отвечает пулями и дубинками. Гремят взрывы, льется кровь демонстрантов. Однако борьба палестинского народа не ослабевает и ширится с каждым днем. Ни аресты, ни расправы не могут подавить законной борьбы арабского населения за свои национальные права, оно отвечает на разгул террора и репрессий дальнейшим сплочением рядов, усилением борьбы против израильских захватчиков. И все честные люди на земле верят: придет день, когда многострадальный народ Палестины вновь обретет свою родину.

В. ДУНАЕВ

Израильские солдаты на улице города Хеброна на Западном берегу реки Иордан.

Фото ТАСС

СОГЛАШЕНИЮ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОМ И КУЛЬТУРНОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ МЕЖДУ СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ И КОРЕЙСКОЙ НАРОДНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКОЙ ТРИДЦАТЬ ЛЕТ.

■

В центре Пхеньяна находится промышленно-сельскохозяйственная выставка. В павильонах станки с программным управлением и электронная техника, макеты домен и оросительных систем, знаменитый женьшень и снопы отборного риса. На открытых площадках — мощные тракторы, самосвалы, подъемные краны, электровозы. Все создано трудом и талантом народа, ставшего хозяином своей земли.

Природа щедро одарила ее: по запасам железной руды, например, КНДР относится к наиболее обеспеченным странам. А в истории этой страны — долгие годы японского господства, когда она была сырьевым придатком монополий; затем, уже после провозглашения республики,— вооруженная интервенция, уничтожившая результаты труда поколений.

Соглашение между нашими странами, подписанное 17 марта 1949 года, в истории корейского народа было первым межгосударственным договором, заключенным на принципах полного равноправия. Оно скрепило узы дружбы, закаленной в совместной борьбе за освобождение Кореи от колониального гнета. Соглашение сыграло огромную роль в становлении молодого социалистического государства — в преодолении отсталости и разрухи, в создании материальной базы независимости и процветания.

...1953 год. Советское правительство решает безвозмездно выделить корейскому народу миллиард рублей на восстановление крупнейшей ГЭС на реке Ялуцзян, на развитие черной и цветной металлургии, на строительство жилья, больниц, школ. С помощью СССР и других социалистических стран восстанавливается цементный завод в Сынхори, строится Пхеньянский текстильный комбинат, сооружаются ирригационные системы. Подготовлены тысячи учителей, врачей, агрономов, инженеров.

Год 1958-й. Из ворот Кымсонского завода выходит первый корейский трактор — собрат нашего «Владимирца». По чертежам, переданным харьковчанами, создан 75-сильный «Пхуннен» («Урожай»), ставший незаменимым на полях КНДР. На металлургическом заводе в Нампхо сданы в эксплуатацию три новых цеха. Трудовая партия Кореи объявила: в республике заложена прочная база индустриализации!

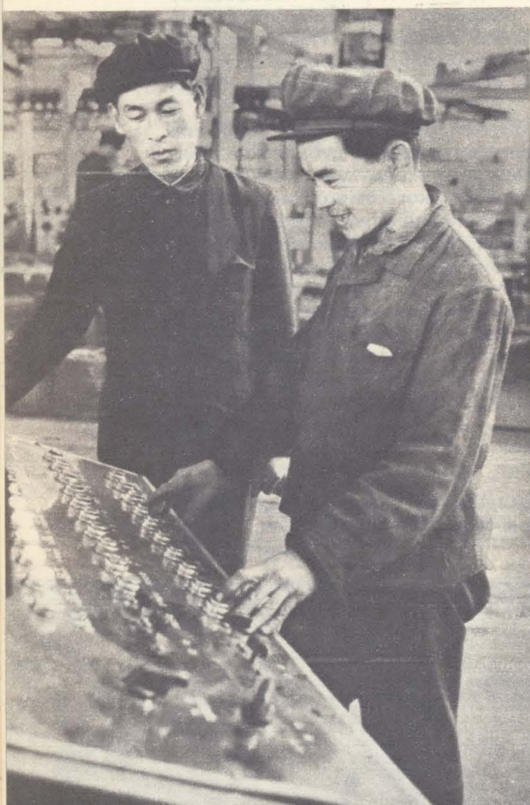
Год 1978-й. Половину чугуна, четверть стали и проката, производимых в народной Корее, выпускает Чхонджинский завод имени Ким Чака, сооруженный при техническом содействии СССР. Возводится корпус, где будет установлен присланный из Советского Союза стан холодной прокатки. В городе Пукчхан строится алюминиевый завод, первенец алюминиевой промышленности КНДР...

«...На началах сотрудничества, равноправия и взаимной выгодности»,— записано в Соглашении. КНДР поставляет в Советский Союз сталь и прокат, нерудные ископаемые и стройматериалы, изделия химической и легкой промышленности. Корейские специалисты передали советским коллегам документацию по ряду производств металлургии и химической индустрии, по выращиванию женьшеня и других культур.

Советские люди выражают неизменную солидарность с усилиями КНДР, направленными на вывод иностранных войск из Южной Кореи и объединение страны на мирной, демократической основе.

Общность интересов народов двух стран, успешно строящих новую жизнь, остается решающим фактором в развитии этого многообразного сотрудничества.

СОТРУДНИЧЕСТВО

В одном из цехов Кымсонского тракторного завода.

Фото ЦТАК—ТАСС

Б. ВАСИЛЬЕВ

СВЕТ СЕРДЦА

Среди многих произведений, увиденных в мастерской московского художника Бориса Георгиевича Коржевского, мне особенно запомнился один натюрморт. Известно, что вещи могут рассказывать о своем владельце. И в этой картине через них раскрывается ощущение жизни, свойственное живописцу,— напряженное, насыщенное бурными ритмами нашего времени. Изображен письменный стол, и будто чувствуешь, как вибрирует на нем мембрана телефонной трубки, звучат слова лежащей рядом монографии о Матиссе, из бумаг энергично выглядывают обложки журналов, а на первом плане чуть потрепанный рабочий альбом для зарисовок.

Как и этот натюрморт, искусство Коржевского разнообразно и целостно. Начало творчества живописца относится к середине 50-х годов. Молодой художник копировал полотна испанских и итальянских классиков, зачитывался Маяковским, находил желанную экспрессию, глубину и одухотворенность художественных образов в окружающем мире, который обступал его на столичных улицах, в старинных русских городах, в деревне.

Работы, нередко созданные в разные годы, образуют живописные серии, посвященные Маяковскому и революционной Кубе, московскому метро и пейзажам верхней Волги, образам современников. Задумав полотна о Маяковском, Б. Коржевский прежде всего создал скульптурный портрет поэта. Вышло не просто похоже, но главное — был передан могучий дух поэта, его революционная энергия. Теперь живописец, углубляя свой замысел, «беседовал» уже не только с книгами, с фотографиями Маяковского, но как бы с ним самим, будто случайно зашедшим в мастерскую.

На полотнах художника поэт изображен в разные минуты жизни: вот он работает в своей знаменитой комнате-«лодочке», вот энергично проходит по улице, направляясь в редакцию или на диспут в Политехнический музей, к комсомольцам Красной Пресни. Мы видим Маяковского наедине с самим собой: он всматривается в фотографию Ленина. На другой картине — его диалог с Солнцем в подмосковном Пушкине, когда был провозглашен пламенный лозунг: «Светить, и никаких гвоздей!»

Светом доброго сердца озарены образы современников, запечатленные Коржевским. Он увидел их в гуще жизни, за привычными делами, но именно благодаря их присутствию будни не выглядят монотонными, серыми.

Особенно удаются художнику женские образы — эмоциональные, непосредственные, порой сосредоточенные, покоряющие красотой духовного мира.

Не так давно в Москве состоялась персональная выставка Бориса Георгиевича. Один из зрителей признался, что художник по-новому открыл ему поэтичный мир столичного метро. Действительно, на полотнах Коржевского отразилась, кажется, вся жизнь прекрасного подземного города, его дворцов-перронов, просторных вестибюлей. Красота архитектуры, романтичность освещения, ритмы движения поездов и пассажирских потоков, и тут же неожиданно, ярко переживания людей — спешащих, задумавшихся, ожидающих встречи.

А на соседних картинах, показанных на той же выставке, высоко в небо уходили золотистые стволы сосен, отбрасывая на жемчужно-песчаную дорогу густые фиолетовые тени, цвели небесная лазурь и зелень крон. Есть у него и иные пейзажи. Их действующее лицо — дождливый вихрь, разметавший ветви, рассыпавший изумрудные капли, превративший в какую-то сказочную материю лопухи, изгороди, бревна избяных срубов. И вновь вы ощущаете дыхание свежей, здоровой и сильной жизни — близкой и дорогой человеку.

Б. Г. Коржевского влекут просторы России, ее люди, большие человеческие судьбы, которые он показывает достоверно, во всей земной, полнокровной красоте. Такова и живопись художника — энергичная, звучная, дарящая взгляду мощь цветовых аккордов и нежность полутонов.

И. КУПЦОВ

Б. Коржевский. Род. 1927. СТАНЦИЯ МЕТРО «МАЯКОВСКАЯ». Из цикла «ГОРОД».

СУЗДАЛЬ.

Б. Коржевский. ДЕВУШКА В ШУБКЕ. ЗИМА.

Вадим
КОЖЕВНИКОВ

РАССКАЗ

Рисунок
П. ПИНКИСЕВИЧА

ИВАН ЕФИМОВИЧ

Иван Ефимович Сыромятников, председатель колхоза «Заря»,— человек солидный, даже, больше того, в районных масштабах знаменитый,— стоит посреди заболоченной пойменной низменности, монументально опираясь на мерную рейку, в позе глубокой задумчивости.

На нем непромятая серебристо-серая велюровая шляпа, надежные резиновые сапоги до паха, стеганая зеленая спортивная, с погончиками куртка из синтетической непромокаемой ткани.

Лицо Сыромятникова мясистое, бурое, под крупным носом такие толстые, густые усы, что может показаться, они препятствуют ему дышать.

Рядом с ним балансирует на кочке в мокрых кедах долговязый, длинноволосый, веснушчатый, в испачканном тиной и мазутом джинсовом костюме комиссар студенческой строительной бригады Костя Волошин.

Пахнет гнилью, сыростью. Белесый туман неиссякаемо сочится дождем.

— Некрасивый у нас тут с вами, товарищ Волошин, пейзаж получается,— гулко, как бы из чрева, произносит Сыромятников.— Если на полотне запечатлеть, весьма удручающая будет картина.

— Мы взяли за исходные,— зябко ежась, бормочет Волошин,— высший уровень реки за последние сто лет, а оказалось, нынешний паводок превзошел оптимальный на семьдесят семь сантиметров. Поэтому и нет стока.

— Меня вековая статистика не интересует. Я, как говорится, эмпирик. Что в наличности, за то плачу наличными.

— Работу, на которую обязывались по договору, мы выполнили,— сказал Волошин.

— А где конечный результат? Нету конечного результата,— развел руками Сыромятников.

— Мы же не мелиораторы, мы инженеры-механики,— сказал Волошин.

— Через четыре года, а пока только в далекой перспективе,— заметил Сыромятников.

— Ну и что? Мы же просим дать нам работу с ориентацией на нашу будущую специальность. Ведь есть же у вас машины.

— У меня во всех подразделениях техники сейчас столько,— гордо заявил Сыромятников,— если, допустим, оптом продать, можно дворец из мрамора построить,— и тут же спохватился: — Но дворец что? От него производительности труда нет. А вот техника — она человеческую силу помножает неслыханно. С ней нам теперь многое доступно. То, что считалось недавно чистой мечтой — вынеси на правление, обсуди, обсчитай и действуй,— получится все в натуре,— вздохнул.— Но допускать вас к технике я себе не доверю. У меня свои механизаторы — орлы. За каждым каждая техника закреплена.— Сыромятников вновь принял властную позу, с какой он обычно оглашал постановления правления, сказал: — Главное наше богатство — земля. Она наша производственная площадь. Наш цех под открытым небом. К ней, по своей доверчивости, мы вас допустим, а что получается — стока нет!

— Нет,— уныло согласился Волошин.— Но разве мы виноваты? Исходные взяли за сто лет, как указано в инструкции, а тут сплошные ливни.

— У погоды своя инструкция,— строго объявил Сыромятников, добавил глубокомысленно: — Конечно, мы еще не достигли того, чтобы управлять погодой, но соображать по линии предвидения нам положено. Положено для культурного земледелия,— сказал с укоризной: — Вот вам и надо было с учетом того, что погода — явление неорганизованное, круче уклоны брать.

— А если б засуха? — возразил Волошин.— Тогда из-за сильной крутизны склона траншей почва останется совсем без влаги.

— А регулирующие устройства на что?— уже сердито осведомился Сыромятников.— Поступит прогноз — на сушь, мы всю воду по весне удержим.

— Это так,— покорно согласился Волошин и вдруг радостно воскликнул: — Глядите! Утки! И как много!— Волошин вытянул шею и мечтательно-увлеченно провожает взглядом летящую стаю, пока она не садится где-то совсем близко.

— И не исключено,— уже совсем сердито говорит Сыромятников,— что на следующую весну, по вашей вине, эти утки снова сюда пожалуют гнездиться,— и сурово, как приговор, произнес: — Поскольку вместо нивы здесь будет, как и была, залитая водой пойма.— И вновь требовательно заявил:— Мне что от вас надо? Чтобы был сток! Будет сток, будут вам деньги. Не будет стока, извините, договор считаю невыполненным.

— А если система будет работать нормально, вы считаете, тогда утки здесь больше гнездиться не будут?— тоскливо и встревоженно спросил Волошин.

— Вполне определенно. На сухой почве у них нет такого обычая.

Сыромятников.— Ну что ж, законом такое предусмотрено.

— Значит, можно?!— обрадовался Волошин.

Председатель задумался, потом сказал уклончиво:

— Вообще-то ныне земельную производственную площадь надо уже не на гектары считать, а на метры. Сколько с квадратного метра продукции получить можно — вот как надо подсчет вести, экономически.

Волошин напористо заявил:

— В сущности, болота можно рассматривать и как своеобразное водохранилище, и учтите, сейчас во всем мире водный дефицит!

— А у меня река рядом,— самоуверенно сказал Сыромятников.— И вообще наши земли официально считаются излишне увлажненными, поэтому и вкладываем капиталы на мелиорацию.

— Куда же тогда водоплавающим деваться?

— Полетают в окрестностях, чего-нибудь себе подходящее сыщут. Птица свое соображение имеет. Поглядит сверху и найдет,— заявил бодро.— А мы, передовики, мы за бросовые земли первыми в районе взялись, чтобы их в свой оборот ввести.

— Какие же вы передовые, если гнездовья птичьи уничтожаете? — упрекнул Волошин.

— Может, нам из-за пиявок болота сохранять? Пиявки по медицинской линии человекополезны,— иронически спросил Сыромятников, сощурился.— Я к вам всей душой, а вы меня в губители природы. Нехорошо, некрасиво. Демагогией это называется. Утка — птица красивая. Я сам бывший охотник, понимаю. А почему бывший, после фронта стрелять в живность душа не позволяет. Поглядеть на них, конечно, большое удовольствие,— мечтательно произнес Сыромятников, но тут же заявил повелительно: — Ну, поговорили, теперь пошли дальше ногами в вашей трясине вязнуть,— подтянул голенища сапог, ободряюще сказал: — Все ж кое-где у вас здесь кое-какой сток все-таки наблюдается, нешибко, конечно, но если раз в столетие на такой уровень река восходит, значит, нам пока на девяносто

— Значит, нехорошо получается,— уныло сказал Волошин.

— Куда хуже. Работали, работали. Думал, вполне, а выходит, фактически рассчитаться не могу.

Волошин хлюпнул озябшим носом, лицо его удрученно-скорбное.

— Да ладно уж,— сказал председатель.— Это я так, для формалистики. Вашей вины нет. Ежели раз в сто лет такие большие осадки, на остальные девяносто девять лет, надо полагать, нормальный слив будет,— заявил великодушно.— Значит, разочтусь с вами согласно договору.

— И ничего сделать нельзя?— удрученно спросил Волошин.

— Это в каком смысле? Насчет премиальных закидываете?— угрюмо спросил Сыромятников.

— Да нет, знаете ли, уток жалко. Может, хоть часть болота для них оставить.

— То есть какую же это часть, когда вы сами почти всю пойму траншеями, канавами ископали?

— А я поговорю с ребятами. Мы можем в самой низинке траншеи обратно засыпать.— Волошин поднял глаза на председателя, пояснил: — Бесплатно, конечно. В порядке общественного мероприятия.

— Дела охраны природы? — осведомился

девять лет ваши канавы сойдут.— И Сыромятников благодушно улыбнулся вроде как самому себе в поощрение за такие высказанные им мысли.

Сильно беспокоило Ивана Ефимовича состояние озимых хлебов. На возвышенностях, где ветер снега смел, верно, померзли, останутся проплешины.

Но еще ранней весной бригадир полеводческой бригады Изюмов, за кем была закреплена эта карта, убеждал — перепахать. «А что?— бодро говорил Изюмов.— Вполне в рамках законности. Спишем на мороз и все яровыми возьмем».

Иван Ефимович мысленно прикидывал, во что обойдется новая пахота и сев: горючее, оплата за труд, семена, амортизация техники. И не согласился.

Слабые всходы дважды поддержал подкормкой, и теперь ежедневно Сыромятников ездил смотреть. «Ну как?» — выкапывал пальцем проросшее зерно, оглядывал белые тонкие нити корешков. Нюхал, не пахнет ли гнилью.

Изюмов, следуя за ним по пятам, вещал:

— Как сейчас помню, приходит ко мне, как вы, на поле покойник Горохов и говорит: «Ежели докажешь, что в рамках законности,— пересевай, не докажешь — бери у жены фартук, подойник и ступай навсегда коров доить».

Вот я вам свое не доказал. И хорошо, что не доказал, а если б доказал — плохо получилось.

— Покойники не ходят и не говорят,— заметил Сыромятников.

— Это я из уважения, поскольку Горохов усоп, а был орденоносец из первых,— оправдался Изюмов.

Ежедневно бывая на поле, Иван Ефимович всем своим существом словно ощущал, как в земле шевелятся, напрягаются разбухшие зерна, толкая вверх зеленые побеги.

И каждый раз, выдирая из земли проросшее зеленями зерно, он испытывал уважение к крохотной плоти семя, к его малюсенькому, но прихотливому организму, обладающему такой силой и живучестью. И лицо Ивана Ефимовича обретало в такие моменты умиленное, благоговейное выражение.

Изюмов, поощренный выражением лица Сыромятникова, рассуждал:

— Это правильно. Природе только подсоблять надо. Она и отблагодарит. А вот побеждать, как некоторые призывают,— не согласен. За что? Она же не враг, а доброжелатель. Но только, конечно, умному, а не дураку. Дурак сразу себя словами обнаруживает. А умный — делом. Задали мы озимым подкормку, вот мы их и вызволили. Не дали б — взошли одни редкие рахитики бесколосые.

Весь день Иван Ефимович скитался по хозяйственным объектам.

И хотя он знал, что могли бы обойтись и без его присутствия, его указаний-советов, удерживать себя не мог. Не мог, потому что любил дело и тех, кто это дело делает. Получал удовольствие оттого, что не заглазно, со слов других, а очевидно, сам обо всем знает.

Видя хорошее, радовался. Увидя плохое, тоже радовался, что успел вовремя заметить, значит, глаз у него на упущения зоркий. Но при всех случаях лицо его оставалось деловито-холодным, голос он никогда не повышал, говорил размеренно, без нерва.

И хотя в одних случаях ему хотелось громко захохотать от удовольствия, шумно похлопать по плечу собеседника, расхвалить во всеуслышание самыми лучшими словами, но он только сдержанно улыбался и осторожно говорил, как высшую похвалу:

— В точку. Культурно. На уровне.

А когда все кипело в нем от гнева и даже ненависти, избегая глядеть в глаза виновнику, косясь в сторону, произносил ровным, тусклым голосом:

— Некультурно. Так можно и доверие к себе потерять, а оно на земле не валяется.

Конечно, Сыромятников достиг такой самодисциплины руководящего лица путем трудным и даже самомучительным. Не однажды срываясь, он тогда стыдился самого себя. Ночью не спал, вспоминая, как сорвался, почему сорвался, и вроде как устраивал себе самосуд, бередя себя каждым неверно, раздраженно сказанным словом.

Многие думают, что работа председателя только тяжела множеством хозяйских, организаторских и человековоспитательных забот. Но никто толком, кроме самих председателей, не знает, как нелегко, непросто выработать из себя человека, человека для всех. Каким, собственно, и был Иван Ефимович Сыромятников — председатель колхоза «Заря».

Домой Иван Ефимович пришел к ночи. Жена, мастер машинного доения, как нынче величают доярок, упрекнула его:

— Все никак не наловчишься свое рабочее время нормально организовать. Вот и спишут тебя раньше времени на пенсию.

— Фрося где?— спросил Иван Ефимович, усаживаясь за стол.

— А где ей еще быть?— сказала гневно жена.— Нафорсилась, нафасонилась, все лицо себе разрисовала и ушла к студентам.

Иван Ефимович долго тщательно разминал вареную картошку деревянной ложкой, потом полил сметаной, присыпал крошеным зеленым луком, затем произнес задумчиво:

— Свой инженер-механик для колхоза большая польза,— помолчал, вздохнул: — Так что все может быть.

— Тебе из районной больницы звонили,— сказала жена.— Что им надо?

— Резаться зовут,— равнодушно произнес Иван Ефимович,— фашистский металл у меня рентгеном обнаружили, вот и хотят этот клад себе достать.

— Ой, Иван, доходишься ты, отволокут тебя на «неотложке».

— Вот уберем урожай, тогда и поеду к ним на отдых.

— Ты на фронте себя не жалел, а теперь время мирное.

— Для кого мирное, а для кого нет,— сердито заметил Иван Ефимович и, горячась, объявил: — Телятники новые мы построили? Построили. Прямо-таки дворец для скота. А кто в них — дворняжки. Такие роскошные помещения для племенного, элитного полагаются. А кто в нем? Ни мясные, ни молочные. Так, сброд!

— Элитное поголовье вырастить–время надо. А скот ты наш зря обзываешь, он ненабалованный, на уход отзывчивый и молоком и привесом. Твое дело — кормами нас обеспечить, — строго заявила жена и упрекнула: — Выпасы-то запахал.

— Чтобы люцерной вас кормить,— буркнул Иван Ефимович.— Люцерна — питательный продукт. Я и клевера тоже посеял. Кроме того, прошлогоднего силоса еще много осталось, жуй — не хочу.

— Силоса!— возмутилась супруга.— Это все равно что тебя только постным винегретом кормить, сразу заскучаешь и с фигуры спадешь.

— Давай, давай, пили вдоль и поперек,— благодушно изрек Иван Ефимович.— Пришел домой, а выходит, как в правление, никакого передыха.

Вошла, щурясь, шурша шелковым платьем, Фрося, присела, морщась, сняла туфли на высоких каблуках, с облегчением вытянула блестящие, в новых чулках ноги.

— Нагулялась?— осведомился отец.

Фрося обидчиво вздернула острый подбородок, вызывающе объявила:

— Мы шефство над студентами взяли. Сначала свою самодеятельность показали, а теперь они — свою.

— Под гитару друг перед другом корчились,— ехидно сказал отец, оглянулся на жену для поддержки.— Не музыка у них, а собачий вой, не танцы, а корчи.

— А вы в свою эпоху тискались в фокстроте или еще танго — танец для выздоравливающих после больницы.

— Ты нашу эпоху не трогай,— сказал Иван Ефимович и положил на стол ладонь с отсутствующими двумя пальцами, морщинистую, как у древнего старца, со следами от порохового ожога, объявил сурово: — Вот она, эта нашего времени пометка, чем она нас от вас и отличает.

— А чем мы виноваты, что послевоенного выпуска? Родились бы раньше, тоже как бы воевали!

— Правильно, Фросечка, — заступилась мать, обратилась к мужу: — И ты не гордись, Ванечка, до того, как тебя призвали, кем ты был? На вечорках плясун, а на работе кто в подпасках колхозу служил? Ни одна основательная за тебя замуж не пошла бы.

— А чего же ты тогда за меня кинулась?— обиделся Иван Ефимович.

— Так уже за фронтовика! Выходить за фронтовиков у нас мода была,— поправилась.— И, конечно, по патриотическим соображениям.

— А у вас теперь какая на женихов...— Иван Ефимович сощурился на дочь, произнес врастяжку,— мода?

— Лично я,— с достоинством объявила дочь,— пока высшее не получу, вовсе не собираюсь. А получу, могу и за с низшим выйти, лишь бы человек был перспективный.

— А любовь у вас, что же теперь, не полагается?— встревоженно спросила мать.

— А это и есть любовь,— резко объявила дочь.— Могу выйти за кого угодно, если полюблю, а если он ниже моего уровня, смогу вытянуть его до своего.

— Ты слышишь, отец?

Иван Ефимович нарочито озабоченно поглощал пищу, не отвечал, потом после длительной паузы поднял глаза на дочь, осведомился:

— Ну, а ежели ты, допустим, уже агроном с дипломом, а он инженер с дипломом. Как у вас получится при такой ситуации? Ты к своему колхозу привязана, а он к своему заводу. Как же тогда с вашей меж собой любовью?

— Ну, кто сильнее любит, тот другому уступит,— не совсем уверенно объявила дочь.

— Ясно,— сказал отец и, обращаясь к супруге, одобрительно произнес:— Ты смотри — фигуристая она у нас, глазастенькая, а соображает принципиально!— Спросил Фросю: — Насчет Волошина у тебя какое мнение? Парень он, видать, инициативный. Уток пожалел в порядке охраны природы, добровольно болотце захотел им организовать для гнездовья, и, заметь, на общественных началах, без доплаты. Хоть и механик, а природу любит.

— Ха,— сказала дочь.— Любит?! Это у нас в клубе приезжий аспирант-болотовед выступал. Доказывал, что огульно всю площадь осушать без научного подхода, учета водного баланса и экологической среды не рекомендуется.

— Что ж, мне на переувлажненных поймах только капусту высаживать? —встревожился Иван Ефимович.— Или диких уток на них разводить, а может, еще пиявок или лягушек для экспорта?

— Болотовед масштабно к проблеме подошел. Глобально. Водные ресурсы надо сохранять и учиться управлять ими в интересах всех последующих поколений.

— Так,— сурово произнес Иван Ефимович.— По его, выходит, я должен зажимать посевные площади, а не расширять их в интересах государства и народа из-за последующих поколений, а они, эти последующие, извиняюсь, кто такие будут?

— При коммунизме все коммунистами и будут,— улыбнулась Фрося.

— Без авангарда?!— возмутился Сыромятников.

— Ты отдохни, Ванечка,— попросила супруга.— Намял мозги за день, хоть дома дай им передых.

— Отдохнешь тут, как же,— пожаловался председатель.— Приехал из города художник. Ну, я ему помещение наилучшее отвел. Прихожу, смотрю, а он портреты огурцов рисует.

— Это натюрморт называется,— сказала дочь.

— Я ему с надеждой список передовиков составил, а он — огурцы! А тут еще одно происшествие. Главный агроном известь приказал шоферу возить, а куда складировать, не указал. Ездил водитель, ездил по бригадам, никто известь на себя не берет, тогда он в нерве к дому главного агронома подъехал и на крыльцо ему всю известь свалил. С одной стороны, проявление нераспорядительности, с другой — хулиганство. Пришли оба, меня требуют — взыщи. Ну, я их помирил. Положил с агронома за горючее вычесть, а с шофера все обратно погрузить и крыльцо собственноручно вымыть.

— И напрасно ты такой мелкой ерундой занимаешься,— упрекнула дочь.

— То есть как это напрасно? Мимо мелкого пройдешь, потом оно крупным обернется. Нервы-то у людей не всегда внутри, от обиды они снаружи, заденешь — больно. Понимать человека надо. Не поймешь — потеряешь к себе доверие.— И тут Иван Ефимович с досадой вспомнил, как он в сердцах сказал утром зоотехнику: «Мужчина вы по телосложению хорошо упитанным выглядите, а скотина ваша должного привеса не дает, почему такое несоответствие, а?»

Сказал так, хотя знал: кормоцех еще не работает, оборудование смонтировали, но с наладкой затянули. Но люди уже решили, что с ручной раздачей кормов покончено, поэтому от тяжелого труда теперь отлынивают. Зоотехник — специалист понимающий, животных любит, а вот с людьми контачить не умеет... — Конфузливо поежась при этом воспоминании, Иван Ефимович сказал скорбно и так отвлеченно, словно только самому себе понятное:

— Человек к человеку должен быть участливым, теплым. Это, конечно, понимаешь, но не всегда получается.— И добавил: — Грубость — это только оружие для слабого ума.

Сегодня на долю Ивана Ефимовича легла непростая миссия. С вечера, когда время ужина, Иван Ефимович обходил колхозников в целях задушевных бесед. Ивану Ефимовичу всегда привычно и легко докладывать о тех успехах, которых достиг ныне колхоз, и особо приятно порассуждать о крупномасштабных перспективах, а тут надо было вести разговор о сугубо личном с каждым лично. Колхоз зало-

сами себя снабжаем свежей, здоровой, домашней пищей.

— Нам хватает,— решительно заявила Авдотья Никитична.

— Не нам, а себе,— поправил хозяйку Сыромятников.— Нам — это всему народу. По разделению труда. Кто при земле, тот сельхозпродукцию дает, кто на заводе — те промышленную. Закон нашей жизни.

— А наше семейство — что: не сеет, не пашет?— воскликнула обидчиво Авдотья Никитична.

— Это так,— согласился Иван Ефимович.— Только ты посмотри с умом на наше село. Могли бы мы по-городски дома многоэтажными выстроить — могли. А почему нет? Мы земледельцы, все на круг земледельцы, а это что-то да значит: все, что земля может дать, что от нее может вырасти, на себя берем, по личной к ней привязанности, поэтому и личные участки и личный скот нам к лицу и по сердцу, если ты, конечно, земледелец по призванию, и по влечению, и по уму.

— Так совестно. На себя нам хватает, а мы будем вроде как с базара еще жить,— усомнилась хозяйка.

— Почему же с базара? Сельпо покупать будет.

— А если на базар,— осведомился дед,— что ж, спекулями будем?

— Это почему же спекулями?— возразил Иван Ефимович.— Вот у Василия мотоцикл с коляской, он же на нем на станцию не ездит, чтобы пассажиров за трешники возить. У кого совесть при себе, при тех она и останется.

— А у кого ее нет?

— Значит, наша колхозная общественность слабая, если такие у нас водятся.

— Человек ты высшего качества ума, Иван Ефимович,— сказал дед.— Но я тебе прямо скажу. Хоть ты и председатель, а агитацию словами среди нас неосновательную разводишь.

— Почему же неосновательную?

— А потому. Тебе вот что надо. Взял бы грузовичок, насадил бы в него молодняка и поехал по избам. Бабы, извиняюсь, женщины, детвора и мы, ну про нас можно — мужики. Увидели бы животину в глаза, а у кого из нас сердце не размякнет — телочка есть телочка. Ну и все. Похватали б и еще запросили б. Надо фактически людям доказывать, а от слов один шум в ушах. Верно я тебе говорю. Вот Авдотья. — Дед кивнул на невестку. — Она кто? В чинах — бригадирша. Ее вся бригада трепещет, как мы перед ней в доме. А дай ей подержать в руках телочку,— засюсюкает, занежничает, вроде как с младенчиком. А вырастит корову, вроде как с членом семьи начнет считаться. Как поела, что поела. Как вот о нас забота, так и к корове у нее будет. Я говорю, а что говорю, то знаю,— самодовольно заключил дед.

И во всех дальнейших беседах с колхозниками Сыромятников убедился, как прав дед в своем совете — «фактически людям доказывать».

Но сейчас Ивана Ефимовича мучило и другое. Конечно, лучших телок он хотел оставить в общественном хозяйстве. Но если худших для единоличного пользования — народ ведь понимающий — не возьмут, а хороших отдавать жалко. Но, очевидно, придется. И от этого Ивану Ефимовичу было вроде как не по себе. Тягостно и тоскливо.

Потом его терзали также мысли о пойме. Все-таки с нее брали укосы, если лето было сухим, жарким. А теперь, после осушения поймы, устройства закрытого дренажа и других работ и затрат понадобится еще много времени на освоение, окультуривание, пока можно будет приступить к полноценному посеву пропашных культур особо доходных.

А ведь он еще взял на себя гарантию снабжать кормами скот, находящийся в личном пользовании колхозников, и это при большом увеличении поголовья общественного скота.

И он мысленно помножал гектары на кормоединицы и брал за основные самые низшие показатели неурожайного года, и эта арифметика из низших слагаемых вроде как унижала все, чего он теперь достиг, но вместе с тем иначе он обсчитывать не мог, потому что самым тяжелым для него было б ошибиться,

жил животноводческий комплекс на пять блоков с расчетом по пятьсот голов в блоке. Комплекс полностью должен быть механизированным. Получается вроде фабрики молока и мяса. Выходит, мечта наяву.

А о чем говорить, убеждать? Чтобы в каждом колхозном дворе обзаводились личным скотом.

Семейство Скурихиных сидело в полном сборе за столом и ужинало.

Чтобы расположить к себе властную хозяйку дома, Иван Ефимович сказал сразу после того, как поздоровался:

— Вот гляжу я на тебя, Авдотья Никитична, сколько лет прошло, а ты все выглядишь, как пионерка.

Но лесть не подействовала, Авдотья Никитична насупила сросшиеся брови, сказала неподатливо:

— Знаю, зачем пришел.

— Ну знаешь, тем лучше. Так как?— осведомился Сыромятников.

— Одна морока!— кратко сказала Авдотья Никитична.

— Значит, в сельпо покупать себе молоко, мясо лучше?

— Не лучше, а меньше мороки.

— Так ведь это срам колхознику из пакетов молоком пользоваться, и мясо непарное — из морозилки.

— У меня мужики-механизаторы, сам знаешь, почти рабочий класс. А им навоз убирать, за кормами бегать.

— Кормами, будьте уверены, обеспечим.

— А пасти кто? Сонька будет, так она сельхозтехникум окончила — интеллигентка.

— Личный с общественным в одно стадо сводим, на общем колхозном выпасе.

Дед Яков Гаврилович, шустрый старик, ехидно произнес:

— Нынче посредством науки и техники весь род человеческий можно одним разом спалить, аж копоти не останется. В больнице вместо ножа лучом режут, а ты куда нас, Ефимыч, толкаешь, обратно вспять — на ручной труд.

— Вот Вася для роскоши ковер купил. Под ноги нам постелил. Одно слово — механик. А ты желаешь, чтобы он курей разводил,— похвасталась Авдотья Никитична.— Витя вот школьничает. Я ему запрет на отцовский мотоцикл наложила. А он мне: «Чего вы боитесь, ведь я не на ракету прошусь». Понял, куда метит? А ты желаешь, чтобы он козу пас.

— Козы шкодливые, сады портят. Корова — это животное степенное, благородное,— нехотя сказал Сыромятников.

— Может, ты нас за приусадебный участок упрекнешь?— спросила хозяйка.— Так у нас на нем яблоньки, вишенки, ну и так огородина всякая: без земли мы жить непривычные.

— Все живое от земли пошло,— мрачно сказал Иван Ефимович,— растения, ну и, понятно, всякая живность. От общения с животными и человек добрее становится. Ну и, помимо всего, доход. А если рассуждать, помимо дохода,

не оправдать доверия людей. А кто он без этого доверия? Никто.

Иван Ефимович лежал на кровати, зажмурившись, но сон не шел. Разного рода мысли толпились, и каждая требовала ответа.

Иван Ефимович встал и вышел на крыльцо посидеть, покурить.

Патлатые, ярко освещенные луной облака медленно плыли сгустками света. Село оцепенело в тишине. Сады настойчиво, сильно пахли цветением, днем, за делами, этот нежный, ласковый запах и не признаешь.

Вышла Фрося, кутаясь в платок, подошла, присела рядом, потерлась о его плечо своим плечом, заглянула вопросительно в лицо, спросила:

— А ты все не угомонишься, папа?

— А зачем?

— Вот скоро будет двухтысячный год,— мечтательно сказала Фрося.— Интересно, какие мы тогда будем?— Большие, ясные глаза ее были задумчивы, и лицо, залитое бледным лунным светом, казалось, само светилось.

— Получше,— сказал отец.

— А сейчас мы что, похуже?

— Плохие были б, если б не хотели стать получше.

— Тебе война снится?

— Нет,— соврал отец. А ведь ему так часто снилось, как его завалило тогда в окопе и он, просунув ствол винтовки, дышал, припав губами к открытому затвору, заживо погребенный.

— В больницу когда поедешь?

— Сказал же: уберем урожай — и поеду,— и понял, что опять говорит неправду. В случае чего скажет, но не в этом году, а после следующего или после, после следующего, когда с поймы урожай получим.

Вообще-то Иван Ефимович хотел дождаться, пока дочь выйдет замуж, и одновременно не хотел этого, боялся расстаться с дочерью. Она была ему нужна, и не потому только, что она у него единственная, а потому, что благодаря ей он научился понимать нынешнюю колхозную молодежь, мог ладить с молодежью, доверять ей.

В беззвездном небе ярко светила луна, и тени от тополей черными силуэтами лежали на дороге. Все было залито чистым, белым, пронзительным лунным светом.

Может быть, от сырости и прохлады Ивана Ефимовича стала пронзать боль в том месте, где оставался осколок. Он взял руку дочери в свои ладони и прижал ее руку к тому месту, где его раздирала боль.

— Ты озяб, папа?

— Нет,— сказал отец.— Я твою руку об себя грею,— хотя именно рукой дочери он утолял свою боль и рука ее была не холодной, а теплой.

Большой, новый колхозный пруд, освещенный небом, дымился прозрачным туманом жемчужного цвета, и с пруда доносились вопли лягушек; прислушиваясь, Иван Ефимович, совсем не желая этого, вдруг прикинул, сколько центнеров разведенного в пруду карпа получит колхоз осенью и сколько это будет в пересчете на деньги. И это тоже отвлекло его от боли.

На порог вышла жена Ивана Ефимовича, спросила встревоженно:

— Вы что, очумели?— И упрекнула:— У тебя же, Иван, получается, уже почти сегодня снова хлопотный день, а ты совсем не спавший. Пошли, пошли, полуночники.

Фрося прижалась к отцу и, обернувшись к матери, попросила:

— Ну мы еще чуть-чуть, полминуточки!

— Шалопуты!— сказала мать.— Что отец, что дочь.— И уселась на ступеньки рядом с мужем, немного погодя спросила:— А ведь мы, Иван, уже лет двадцать так вот парочкой с тобой не сидели.

— Больше,— сказал Иван Ефимович.

На луну наползло облачко, стало сумрачно, зябко.

Дочь накинула на плечи отца и матери свой платок, встала.

— Ухожу, а вы сидите, сидите!— приказала она.

Мать придвинулась ближе к отцу.

— Ну вот,— сказала,— дождались.

Иван Ефимовича знобило от боли, но ему было, как никогда, хорошо, уютно, просто и счастливо.

Рабочие Волжского объединения «АвтоВАЗ» выступили с инициативой развернуть в честь 30-летия СЭВ соревнование под девизом «Заказы братских стран — в срок и с высоким качеством!». Об откликах на этот почин, об интернациональных связях вазовцев рассказывают корреспонденты «Огонька».

На главном конвейере.

-Н ВАС

Б. ЛАБУТИН
Фото Э. ЭТТИНГЕРА

На старт вышли «форды», «рено», «опели». И советская «Лада». На ней выступали мои друзья, болгарские гонщики Илия Чубриков и Калчо Хинов. Это было в прошлом году на средиземноморском ралли,— рассказывает мне слесарь-механик из Русе и мастер автоспорта Никола Станчев.— Автомобиль серийной модели «ВАЗ-21011» они купили в Софии за три дня до гонок. Представляешь? Тринадцать тысяч километров! Европа, Азия, Африка! Через альпийские перевалы и пески Сахары машина прошла, словно ее специально готовили. Болгарский экипаж занял первое место. Надежная марка! — Никола выразительно поднимает большой палец.— Я накрутил на своей «Ладе» уже 160 тысяч километров!

Никола приехал в Тольятти с группой своих коллег, работников станций технического обслуживания. Подготовка специалистов-автомехаников — тоже экспортное обязательство ВАЗа. Вместе с болгарами я отправился на главный конвейер. И увидел, как их лица засияли улыбками. «Сделано в Болгарии» — стояло на стартерах, генераторах, аккумуляторных батареях... «Как весточка из дома», — сказал Никола.

29 заводов Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, Чехословакии и Югославии поставляют ВАЗу комплектующие детали. У каждого — тоже свои предприятия-поставщики: сливенский «Динамо», например, выпускающий стартеры и генераторы, получает из Врацы отливки, из Лозницы — арматуру, из Бургаса — кабели. И

Бригада 451 в сборе. «Что напишем венгерским друзьям!»

ВЫЗЫВАЕТ ВАЗ

если проследить все эти связи, выходит, что сотни тысяч рабочих, конструкторов, инженеров, которые живут за многие километры друг от друга и говорят на разных языках, «встречаются» здесь, на главном конвейере волжского автогиганта.

— Пятьдесят государств мира покупают «Жигули» или, по заграничному паспорту, «Ладу», — говорит заместитель начальника управления по экспорту и внешним связям «АвтоВАЗа» Николай Дмитриевич Устинов. — Спрос растет, и одно это свидетельствует о том, какие результаты дает объединение усилий наших стран. Но за рубеж идет лишь треть продукции. Главная задача, которую нам помогает решать социалистическое разделение труда,— удовлетворение запросов советских покупателей. С конвейера сходит уже пятый миллион «Жигулей»!

СТРАЖИ КАЧЕСТВА

В здании управления стучал телетайп. «ПНР Свидница завод Мера-Пафаль...» — прочитал я первую строчку. Адрес привел меня к встрече с постоянным представителем польской внешнеторговой фирмы «Поль-Мот» Станиславом Пулхлопеком. Он вернулся из цеха встревоженный: полдня сегодня провел в ремонтном боксе, где остаются детали, снятые со сборочного конвейера, вместе с вазовцами выяснял, почему «зашкаливают» датчики уровня топлива, поступившие из Свидницы. Может, виновата неблизкая дорога? Пришлось отправить запрос на завод.

— Такое случается все реже, — устало опустившись в кресло, говорит товарищ Пулхлопек. — Помню, было немало хлопот с амортизаторами из Кросно. Тогда кросненские инженеры разработали другую конструкцию, совершенно новую. И картина изменилась. Мы хотим достойно ответить на почин вазовцев. Это новый стимул для поисков, для инициативы наших рабочих и конструкторов.

Три-четыре раза в год на ВАЗе собирается совет генеральных директоров заводов-поставщиков. По первому зову, если возникает необходимость, спешат на берега Волги специалисты и с отдельных предприятий-партнеров. А постоянные «стражи качества» их изделий здесь — представители внешнеторговых фирм социалистических стран. Вместе с нами в зале, где обычно и ведутся переговоры с зарубежными поставщиками, — Ангел Костадинов и Никола Милев из болгарской «Балканкаримпекс», Лайош Шипош из венгерской «Могюрт».

— Пяти моделям из шести, выпускаемых в Тольятти, присвоен Знак качества. В машине примерно десять тысяч деталей, и значит, каждая, где бы она ни изготовлялась, тоже должна иметь такой знак! — говорит Лайош Шипош. — Естественно, наши рабочие стараются не подвести, потому что видят в этом свой патриотический и интернациональный долг: выигрывают все, выигрывает каждый. Есть еще «узкие места», но в целом характерен такой пример: вчера я принимал партию приборных щитков из Будапешта, из них с дефектами оказалась всего одна десятая процента.

— Что, кроме пополнения собственного автопарка, дает вашим странам участие в коопе-

Анатолий Гень (слева) руководит бригадой, которая устанавливает в «Жигулях» приборные щитки из Венгрии. Лайош Шипош здесь частый гость — он представитель «Могюрта», внешнеторгового объединения ВНР.

рации по выпуску «Жигулей»? — спросил я.

— В каждой из стран-участниц были специально построены новые или расширены уже действующие предприятия, на которых сейчас налажено самое современное производство,— отвечает за всех Никола Милев.— В Болгарии таких заводов шесть. Это значит: благодаря кооперации в рамках СЭВ увеличивается, становится более мощным наш экономический потенциал.

...День близился к концу. Станислав Пулхлопек взглянул на часы: сегодня у сына, шестиклассника Томаша, день рождения. Томаш учится в обычной городской школе и пригласил на праздник весь класс. «Сегодня у нас дома вечер польско-советской дружбы»,— улыбается старший Пулхлопек. Товарищ Милев приглашен во Дворец спорта на торжественное собрание по случаю заводского Дня ремонтника. Лайош Шипош торопился в интерклуб «Гренада» при ВАЗе, где состоится его встреча с рабочими, занятыми на главном конвейере установкой деталей из Венгрии.

АДРЕС — ПРЕЖНИЙ

На столе фотографии, уже чуть пожелтевшие. Юрий Воробьев, слесарь-сборщик из цеха 45-3, и Виктор Мирошников, теперь председатель цехового комитета, вспоминают 1973 год, когда они были в одной бригаде и осенью гостили на будапештском заводе «ММГ».

— Вот участок, где собирают приборные щитки для «Жигулей»,— помнишь, нам тоже предложили попробовать? Тонкая работа, как на часовом заводе!

— Это мы вместе с венгерской бригадой у памятника советским солдатам. Узнаешь — вот Томола, Имре, Мария, Эржебет...

— А вот и наши «Жигули»: я специально снял их на будапештской улице!

Девять лет назад в Тольятти приехала делегация с «ММГ», завода механоизмерительных приборов. Конечно, венграм было интересно узнать, в чьи руки попадает их продукция. Это оказалась бригада во главе с молодым мастером В. Мирошниковым. И ребята попросили гостей с «ММГ» помочь установить связь с бригадой, занятой на сборке панелей. Вскоре из Венгрии пришло письмо, а потом Виктор и Юрий отправились знакомиться с партнерами лично.

— С тех пор и работать стало интереснее,— рассказывал Юрий.— Принимаешь деталь — словно привет от друзей!

В тот раз из Будапешта в Тольятти ушла открытка, на которой расписались все члены венгерской бригады. Они отправили ее вместе со своим рабочим «автографом» — вложили в контейнер с приборами, приготовленными для ВАЗа. Сюрприз удался! Когда груз прибыл в Тольятти, открытка долго переходила из рук в руки, путешествуя по главному конвейеру. Сейчас она, изрядно потрепанная, аккуратно подшита в папке вместе с письмами от друзей. Папка лежит в шкафчике мастера, рядом с рабочим инструментом, и регулярно пополняется новыми страницами.

Я читаю эти письма. «У венгров есть такая пословица: чтобы полюбить — достаточно одной минуты, а забыть — не хватит целой жизни. Так вышло и у нас». Это после первого ответного визита на ВАЗ бригады-побратима. «...Стремимся побольше узнать о вашей стране и о вашем народе. Поэтому выписали журнал «Советский Союз», который наша бригада читает коллективно». «...Организуем на заводе курсы русского языка...» Но главное в этих письмах — то, что соединило их авторов: совместная работа. «Мы считаем, между нашими бригадами сложились такие отношения, что мы обязаны сообщать друг другу и хорошее, и менее приятное. Спасибо вам, друзья, за замечания по нашим приборам. На заводе идет сейчас перестройка производства, чтобы полностью устранить брак». «...По вашему примеру переходим на бригадный метод работы... Мы стараемся делать для вас красивые, надежные приборы, чтобы каждая машина получила Знак качества».

Плывут вереницей по конвейеру белые, красные, оранжевые «Жигули», с распахнутыми дверцами и задранными кверху капотами. Вот участок, где устанавливаются панели приборов с маркой «ММГ». Только сейчас здесь работает другая бригада. Но по-прежнему идут письма по адресу «ВАЗ, цех 45-3», а отсюда — в Будапешт, на улицу Сепвельди, 41. Анатолий Гень, новый бригадир, и Валя Мельникова, одна из лучших слесарей-сборщиц, уже успели там побывать. А гостей они принимали в последний раз в конце прошлого года. И вот снова письмо.

«Мы готовимся достойно отпраздновать 30-летие СЭВа,— читает Анатолий в перерыве, когда замер конвейер и вся бригада собралась за столом.— С радостью принимаем вызов ВАЗа — участвовать в соревновании. Пересмотрели свои обязательства, которые приняли раньше. Из 120 щитков только на двух допускаются небольшие дефекты. Мы решили ужесточить эту норму вдвое. Обещаем, что заказы советских друзей выполним в срок и с высоким качеством».

ВЕЛИКОЕ ЧУДО — РУССКАЯ ПЕСНЯ

В. КУРЛЯНДСКАЯ

Сначала у Дмитрия Покровского и его друзей просто возникло желание исполнять старинные русские песни. Привлекали их музыкальность, самобытность, сложность и красота многоголосия. И вот молодые энтузиасты стали искать, пробовать себя в этом жанре.

Дмитрий Покровский рассказывает, как прошло первое выступление фольклорного ансамбля в 1973 году.

— Решили мы, музыканты-профессионалы, выступить для начала в клубе молодежного строительного отряда на концерте самодеятельности. И что же? Потерпели провал! Зал нас не понимал, даже смеялся... Быть может, мы и впрямь выглядели нелепо: вышли на сцену молодые люди и вдруг без аккомпанемента затянули на несколько голосов длинную-предлинную старинную песню — ни одного слова не разобрать... После этой неудачи мы задумались всерьез и решили, что надо менять стиль работы: надо самим четко знать, чего мы хотим. Нужна программа, теоретическая ее основа. И еще: мы обязательно должны по возможности объяснять слушателям смысл происходящего...

...Сейчас, спустя несколько лет, поражает на концертах ансамбля прежде всего особая атмосфера **единения** слушателя и исполнителей. Руководитель сумел найти необходимый ансамблю контакт с современной аудиторией. Но ведь такое взаимопонимание никогда не появляется на пустом месте: его не достигнешь эффектными трюками, и даже высокого профессионализма бывает недостаточно. Дело тут прежде всего в том, что в выступлениях ансамбля слушатели чувствуют, угадывают исключительное знание фольклора. И, конечно, большое и искреннее желание музыкантов донести красоту фольклора во всей его первозданности. Иными словами, не упрощая подчас сложную для неискушенного слушателя старинную песню, не искажая и не переделывая ее «в духе времени», ансамбль старается поднять аудиторию до восприятия народного произведения в изначальном состоянии — без всякой стилизации. Интересно, что весь коллектив считает свои концертные выступления делом как бы уже вторичным. На первом плане у них — изучение народного искусства на местах, в естественных условиях, а также стремление наиболее доходчиво передать найденные сокровища людям.

Но откуда же брали репертуар?.. В семьдесят четвертом году впервые отправились на поиск песни в Волгоградскую область — к казакам. Исследователям посчастливилось: услышали настоящее, «живое» казацкое пение в Калаче на Дону, где сразу же всех поразило неповторимое, особое звучание песни, полетность голоса... Однажды на остановке автобуса сидели провожавшие кого-то мужчины и пели свою песню. Москвичи подошли, попросили повторить. Певцы сперва посмотрели с недоверием; пришлось для объясне-

ния и убедительности самим что-то запеть. А потом уже все вместе стали петь, да несколько часов кряду!.. После тоже случалось много интересных поездок и ярких впечатлений, но первые шаги всегда на особом счету, и участники ансамбля вспоминают о них с большим удовольствием.

— Вообще тот год был для нас удачным! — говорит Покровский.— Первая поездка и первый успех... Мы выступили в Калуге, на семинаре методистов самодеятельности. Семинар организовал Дом народного творчества. Успех был для нас самих неожиданным и даже поразительным: многие слушатели плакали... Со сцены нас не отпускали до глубокой ночи... Мы и сами долго не могли успокоиться: это было признанием! Причем очень важно, что признали нас уже и профессионалы. Ведь методисты самодеятельности ближе всех других сталкиваются с народным творчеством — значит, понимают и знают его. Кстати, тогда же мы впервые использовали почти совсем забытые нынче рожки,— играть на них научились в Костромской области... А потом мы выступали перед фольклорной комиссией Союза композиторов СССР. Тогда получили одобрение уже от ученых — вот тут-то мы, пожалуй, окончательно поняли, что стоим на правильном пути... Но ведь всякий путь — это движение вперед. И раз ансамбль стал существовать официально, у нас прибавилось ответственности, прибавилось и работы...

Наконец, в 1975 году, появилась первая афиша концерта, организованного Союзом композиторов. В тот вечер Октябрьский зал Дома союзов не смог вместить всех желающих; люди стояли в проходах, сидели на подоконниках... С тех пор на концерты ансамбля, когда они бывают в Москве, попасть нелегко.

Артисты выступают без грима. Мужчины — в обычных костюмах, девушки — в скромных ситцевых платьях. Фольклор всегда рождался и развивался в естественных условиях, поэтому и участники ансамбля стараются по возможности сохранить эту дорогую для них атмосферу естественности, самобытности. Разумеется, она достигается не только за счет простоты и непритязательности внешнего вида исполнителей, но и благодаря артистичности, обязательным элементам игры, импровизации. На сцене будто стихийно возникает живая обстановка истинно народного действа. Подчас исполнители даже сами не знают, какой тон кто из них задаст очередному номеру — кто поведет песню да и других певцов за собой... Поют так же непринужденно, словно где-нибудь на околице или на лужке, — разве только голоса посильнее, да многоголосие поискуснее.

Ясно, что при таком стиле исполнения песенников подбирают не случайно. Недостаточно иметь хороший голос, знать хореографию. Нужен прежде всего характер, особый склад личности. Вот, например, Катя Козьмина... Готовясь к поездке по Архангельской области, Дмитрий Покровский просмотрел фильм о народных театрализованных представлениях; в одном из эпизодов этого фильма Козьмина удивительно правдиво исполняла «плач» — сложнейшее, быть может, явление фольклорного обрядового пения на Руси. Когда-то в народе были особенно знамениты и почитаемы женщины-«плачеи». Их звали всюду — и на свадьбу и на похороны. Искусство «плачей» передавалось из поколения в поколение. Покровского удивило, что молодая, современная девушка так блестяще исполнила столь сложный вокальный номер.

— Я тогда сразу понял,— вспоминает Дмитрий, — что она нам нужна!.. Вернее, нужен ее характер: волевой и цельный. Катя — истинная дочь Севера... И она действительно внесла новую струю в наши концерты... А вот Ира Брозговка совсем другая — на сцене она вся светится.

Окончившая ВГИК, Ирина — киноактриса, ученица Бондарчука — одухотворенна, лирична... Тамара же Смыслова — профессиональная певица. Держится в жизни очень скромно, может показаться совсем незаметной, но едва запоет — и оживает перед нами сама русская душа, могучая, богатейшая... Впоследствии я узнала, что в музыкальном мире Тамара считается «самородком», для нее пишутся сложнейшие вокальные партии... Руководитель ансамбля Дмитрий Покровский, окончив инструментальное отделение Института имени Гнесиных, стал аспирантом института языкознания. Консультант ансамбля Андрей Кабанов — старший научный сотрудник НИИ культуры РСФСР... Им всем приходится много работать — не только на репетициях и концертах, но и над изучением теории народной музыки. Причем ансамбль и этой большой концертной и научной деятельностью не ограничивается. В последнее время музыкантов приглашают озвучивать кинофильмы. Певцы снимались в фильмах «Вкус хлеба», «Отец Сергий», «Емельян Пугачев»... Сделаны радиопередачи: «Бронепоезд 14-69» Вс. Иванова, «Тихий Дон» Шолохова. С участием ансамбля снят интересный документальный фильм «Северные хороводы». Сейчас фирма «Мелодия» готовит диск-гигант для поклонников ансамбля...

На счету коллектива гастроли в стране и за рубежом, множество шефских концертов. Весной 1978 года ансамбль выдержал серьезный экзамен, выступив во Дворце съездов на фестивале «Московские звезды»...

Короче, за недолгий срок — всего пять лет существования — молодой коллектив прочно утвердился в большом искусстве.

— Несколько раз мы выезжали с концертами на БАМ... Както на БАМе нам сказали, что, мол, все приезжают только летом, а вы попробуйте зимой! И в феврале прошлого года мы приехали в пятидесятиградусный мороз. Выступили на западном участке БАМа... Для нас это была одна из самых интересных поездок!..— с удовольствием и, пожалуй, не без гордости говорит Дмитрий.

— А как вы расцениваете все достигнутое ансамблем сегодня и что думаете о завтрашнем дне?

— Кончилось детство. Кончился трудный период творческого становления. Раньше мы создавали репертуар порой интуитивно. Сейчас география наших экспедиций расширилась. В репертуар теперь включено множество новых песен — южнорусских, северных, сибирских... Думается, фольклорный ансамбль сейчас переживает период подъема, поэтому наша работа должна быть очень напряженной. Самое важное для нас — встречи с народными исполнителями на местах. Такой прямой контакт рождает новые творческие импульсы и всегда воспринимается нами как праздник... Ведь мы все сохранили детски-восторженное отношение к тому, что делаем, с чем встречаемся, отношение к песне как к великому чуду народной жизни... Но в то же время растет у нас и тревога за русскую песню. Страшно сказать, но многое утрачено навсегда. И уже невосполнимо...

Горько слышать такие слова! Судя по возрастающей популярности самых различных фольклорных ансамблей, народ любит и хочет слышать хорошую родную песню. Отмеченный печатью народного гения, песенный фольклор, прошедший проверку временем, отличается огромными художественными достоинствами. А нынче, что греха таить, эфир бывает забит песнями-однодневками, не имеющими никаких корней, часто переделанными из западных «шлягеров».

Эта расточительность, отсутствие заботы — непростительны.

Вообще-то многие научные экспедиции сейчас собирают сказания, песни, записывают частушки, уж не говоря о поисках образцов прикладного искусства: одежды, утвари, инструментов... Результаты таких исследований тщательно изучаются, пишутся научные статьи, диссертации... Но, к сожалению, вся эта работа, как правило, остается достоянием лишь узкого круга ученых; артисты от нее обычно стоят в стороне... Так не пора ли создать своеобразную творческую лабораторию — своего рода центр, объединяющий поиски людей науки и искусства, с тем чтобы драгоценные находки могли питать репертуар профессиональных и самодеятельных коллективов, влиять на творческую деятельность современных композиторов?..

— Тогда, — говорит Покровский, — народная песня не погибнет! Она с торжеством вернется к себе же, на родную землю — туда, где ее любят и ждут, где ей рады...

Участницы ансамбля Т. Смыслова, И. Брозговка и Н. Силантьева.

Руководитель ансамбля Дмитрий Покровский в гостях у «Огонька».

СВЕТЛЫЙ ПУТЬ БАШКИРИИ

интервью «огонька»

Первый секретарь Башкирского обкома КПСС, член ЦК КПСС, член Президиума Верховного Совета СССР Мидхат Закирович ШАКИРОВ беседует с корреспондентом «Огонька»

— 23 марта исполнилось шестьдесят лет первой автономии в составе РСФСР — Башкирской АССР. Какие первые слова вы хотели бы сказать по поводу этого события?

— Мои первые слова обращены к Ленину.

В 1900 году Владимир Ильич дважды посетил Уфу. Он создал здесь первый из опорных пунктов «Искры», заложил основы местной организации будущей партии. Для многих уфимцев встреча с Лениным стала определяющим моментом всей жизни. В годы первой русской революции слесарь Иван Якутов возглавил вооруженное восстание в Уфе, стал, по выражению Н. К. Крупской, «председателем республики, образовавшейся в Уфе». Александр Дмитриевич Цюрупа, связавший свою жизнь с башкирским народом, работал, как известно, заместителем В. И. Ленина в Совнаркоме и СТО. Видными революционерами стали члены семьи Кадомцевых...

— Когда Алексей Максимович Горький задумал написать продолжение «Матери» — роман «Сын», он попросил Владимира Ильича познакомить его с типичным революционером-практиком, и Ленин рекомендовал ему Ивана Кадомцева. По приглашению Горького уфимский боевик три года прожил на Капри...

— На II съезде РСДРП двое из пятидесяти семи его участников представляли социал-демократическую Уфу. Среди комитетов — учредителей новой партии был и наш, Уфимский. Уфимские большевики оставались верными бойцами ленинской партии на всех этапах борьбы за установление и укрепление Советской власти. Башкирская республика образовалась в напряженные годы гражданской войны, в борьбе с буржуазными националистами и другими противниками Башкирской автономии. Владимир Ильич возглавил эту борьбу, вникал во все стороны вопроса. Под его председательством прошло заседание Советского правительства, на котором Ленин собственноручно подписал соглашение ВЦИК и СНК с Башкирским областным Советом об организации Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики.

— И вот Советскому Башкортостану шестьдесят лет. Что наиболее характерно для республики сегодня?

— Всестороннее бурное развитие. О Башкирии дореволюционной В. И. Ленин в книге «Развитие капитализма в России» писал: «Это — такой кусочек колониальной политики, который выдержит сравнение с какими угодно подвигами немцев в какой-нибудь Африке». Нищие деревеньки, в которых жило 94 процента населения, четыре городка, девять грязных рабочих поселков — такой была Башкирия перед Октябрем. А теперь? Шестьдесят процентов населения живет в городах и поселках городского типа. Неузнаваемо изменился и облик башкирского села. В сравнении с дореволюционным объем промышленного производства увеличился у нас едва ли не в тысячу раз. Вы можете сказать, что сравнение с дореволюционным периодом сейчас уже не совсем правомерно. Так вот другая цифра: за последние сорок лет этот объем возрос в девяносто раз. Если вам и это сравнение не покажется впечатляющим, скажу, что за восьмую и девятую пятилетки основные производственные фонды промышленности возросли у нас в два с половиной раза и почти во столько же — валовая продукция. Другими словами, в республике только за десятилетие удвоен индустриальный потенциал.

Источник наших успехов — рост экономической мощи всей страны. Товарищ Л. И. Брежнев хорошо сказал об этом в речи перед избирателями Бауманского избирательного округа: «Важно подчеркнуть, что успехи Советского Союза в целом — это и успехи каждой республики».

— Один участник прошедших у нас Дней советской литературы, который хорошо знает Башкирию, не переставал удивляться тому, что у нас без шума, без трескотни делаются большие дела. И впрямь, взять хотя бы автомобили. Мало кто знает о том, что в Уфе ежедневно производится по тысяче моторов к «Москвичам», что выросла целая сеть автопредприятий, которые ощутимо влияют на выпуск «Жигулей», «Москвичей», «КамАЗов», что у нас налажено производство многотонных самосвалов...

— Вашему коллеге нельзя отказать в наблюдательности. Промышленность республики на хорошем счету у страны. Башкирия несколько десятилетий занимает ведущее место по переработке нефти, по производству ряда важнейших химических и нефтехимических продуктов. Республика добывает каждую десятую тонну нефти в стране, производит каждый десятый металлорежущий станок, каждую третью единицу нефтеаппаратуры... В последнее время мы направляем усилия на опережающее развитие машиностроения, которое по праву называют ключевой отраслью экономики. А строить у нас есть кому: в республике сложился мощнейший отряд строителей и монтажников.

— Во время поездки на нефтехимические и химические стройки республики, в которой я сопровождал вас, меня поразила концентрация монтажно-строительных подразделений, их мощь. Такую же картину я увидел на строительстве новых цехов фенола и ацетона в Уфе: в иные дни на строительную площадку завода «Синтезспирт» выходило по четыре тысячи рабочих, техников, инженеров... В связи с этим хотелось бы узнать, как сложилась такая практика. Не сказалось ли здесь то обстоятельство, что во все важнейшие стройки вникает первый секретарь обкома партии, за плечами которого большая строительная и эксплуатационная практика?

— Партийными работниками не рождаются: у каждого из нас есть рабочие профессии, навыки хозяйственной деятельности, которые мы стремимся, а точнее сказать, обязаны использовать на новом посту. В меру сил использую свой инженерный опыт и я. Но, конечно, концентрация сил на важнейших пусковых стройках — это не новый метод работы. Другое дело, как организовать такую концентрацию сил. Полагаем, что в Башкирии она организована надежно. Если вернуться к строительству новых цехов на Уфимском заводе синтетического спирта,— мы гордимся тем, что оно было отмечено приветствием Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Леонида Ильича Брежнева, который поздравил всех участников строительства с замечательным трудовым достижением и рекомендовал распространить ценный опыт стройки.

— Почти одновременно Леонид Ильич поздравил с большой победой и строителей железной дороги Белорецк — Карламан, которая значительно «сократила» расстояние между европейской и азиатской частью страны...

— Вы помните, наверное, какое воодушевление вызвали эти теплые, сердечные письма Леонида Ильича. О них интересно было бы написать специальную статью...

— Такая статья уже написана, и редакция «Огонька» публикует ее в этом номере как своего рода продолжение нашей беседы.

Фигура башкирского национального героя Салавата Юлаева на коне над бельской кручей стала эмблемой Уфы ● Сколько жилых кварталов выстроили в столице республики эти люди! На нашем снимке известные бригадиры Уфимского треста крупнопанельного домостроения заслуженный строитель РСФСР, лауреат Государственной премии СССР Михаил Николаевич Лосев, заслуженный строитель РСФСР Анатолий Григорьевич Петренко и заслуженный строитель БАССР Талха Галимзянович Хазиев ● Дом-музей В. И. Ленина в Уфе ● Один из современных кварталов города.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Нефтехимия — крупнейшая отрасль промышленности республики ● Добыча угля в Башкирии ведется открытым способом ● Бригада бурового мастера Уфимского управления буровых работ объединения «Башнефть», заслуженного нефтяника БАССР Рашита Садретдиновича Шарипова выступила инициатором по завершению пятилетнего плана к 110-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина. Коллектив вторично завоевал звание «Лучшая буровая бригада Миннефтепрома СССР».

Фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА

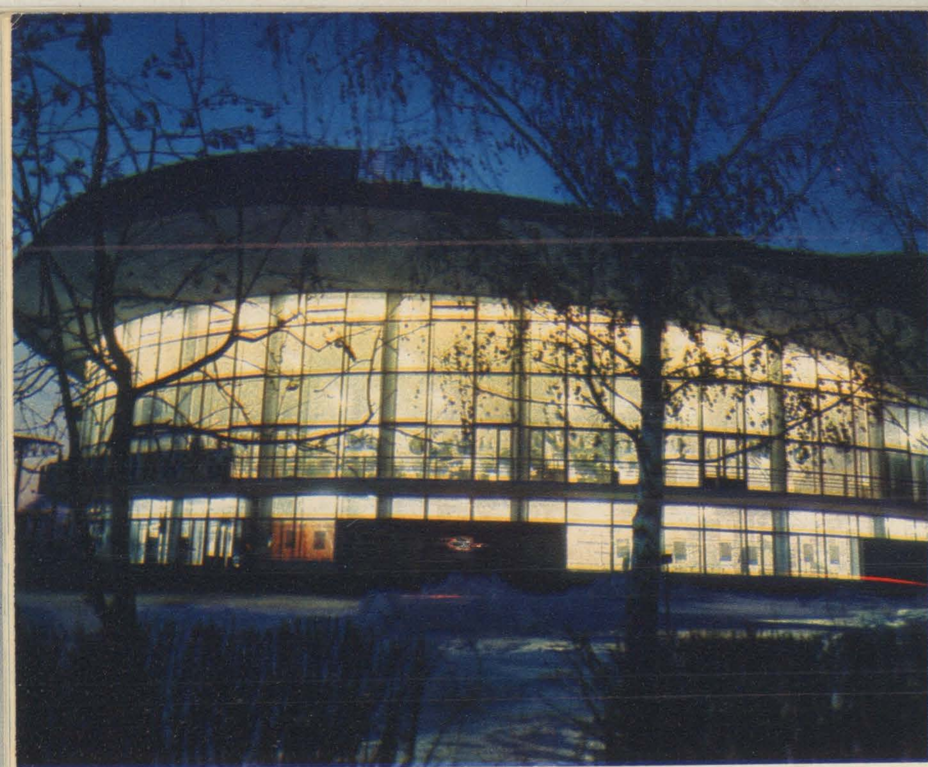

Городской цирк ● Мотогонки на льду — любимый спорт уфимцев ● Студентки филологического факультета Башкирского государственного университета имени 40-летия Октября изучают родную литературу ● Хор стерлитамакского Дворца культуры завода «Синтезкаучук» ● На сцене Дворца уфимских моторостроителей.

— Постоянное обращение партии за советом к народу, тесное общение руководителей партии, вообще партийных работников с представителями различных слоев населения — это святая традиция КПСС, показатель ее неразрывных связей с народом. Вспомните, как дорожил Владимир Ильич личными контактами. Возьмите для примера ходоков из Башкирии, которые были приглашены Лениным в марте 1921 года «для беседы,— по его же словам,— и совета по важному делу, касающемуся крестьянского хозяйства».

— Мидхат Закирович, вот вы — сугубо городской житель. Но уже десять лет в связи с избранием первым секретарем обкома партии призваны решать огромное количество новых вопросов, касающихся сельского хозяйства...

— Вряд ли нужно так отделять городского жителя от сельских забот. Хлеб — это настолько серьезное, общенародное дело, что я, например, не могу вспомнить время, когда бы не считал его своим кровным делом. В рабочих коллективах мы всегда ощущали близость сельских братьев, всегда помогали им, шефствуя над селом. И в должности первого секретаря Уфимского горкома партии я постоянно сталкивался с сельскохозяйственными вопросами. Так что село для меня давний знакомец, вернее, друг. В последнее время сельское хозяйство республики на большом подъеме. В 1976 году Леонид Ильич Брежнев поздравил хлеборобов Башкирии с крупной победой — они засыпали в закрома страны 2448 тысяч тонн зерна. А в прошлом году республика получила еще более высокий урожай зерновых: мы достигли (и даже несколько превзошли) свой давний заветный рубеж — двадцать центнеров хлеба с гектара на круг. Страна получила от нас 2802 тысячи тонн зерна. И этот успех хлеборобов заслужил высокую оценку Леонида Ильича Брежнева на ноябрьском Пленуме ЦК КПСС 1978 года.

Предъюбилейная страда оказалась весьма удачной по всем показателям. Успехи заставляют нас дерзать и дальше. Вот, скажем, Илишевский район в прошлом году взял на круг по 32,4 центнера хлеба с гектара, а ряд хозяйств — свыше сорока центнеров. А то, что сегодня под силу передовикам, завтра должно стать нормой для всех!

— В Илишевском районе очень многое делается не только для рекордных урожаев, но и для души: чествование передовиков, персональные обращения к семьям героев страды, дружеские беседы в райкоме за стаканом чая... Доброе слово, говорят здесь, пища души...

— Значит, вы настраиваете меня на разговор о такой неуловимой субстанции, как человеческая душа... Что ж, прямо скажу: для нас, коммунистов, душа — понятие немаловажное.

Возьмите старинный крестьянский сабантуй — праздник плуга, который в наших деревнях проводится после завершения сева. Это большой трудовой праздник! Мы обогатили его новым содержанием. В этот день сельские труженики чествуют лучших своих товарищей, отличившихся на севе, во многих районах принимаются обязательства — собрать добрый урожай.

А вот другой обычай наших сельчан, связанный с подготовкой к зиме. Раньше он был внутрисемейным событием. Нынче мы решили вынести его, как говорится, на улицы и площади, сделать массовым, масштабным событием. И что же? Праздник пришелся людям по душе, способствовал повышению настроения, подарил колхозникам большую радость.

Хорошее, доброе дело всегда рождает новые начинания. Мы постарались, чтобы этот народный в своей основе праздник лег в русло указаний партии, лично Леонида Ильича Брежнева, в русло повседневных забот о личном хозяйстве, повседневной помощи населению в содержании скота и птицы. А когда много скота и птицы во дворе у сельского жителя — значит, больше продуктов на рынке.

— Да, эти праздники всколыхнули не только наши села, но и города, в том числе писателей, композиторов, художников, артистов, которые принимают в них посильное участие...

— Обком партии всегда ощущает помощь творческих работников, деятелей культуры и науки. И сами мы стараемся быть максимально внимательными к их нуждам и интересам.

До революции у башкиров не было профессионального искусства, литературы. Сегодня все это у нас есть. В вузах республики готовятся кадры по ста специальностям: от инженеров по промышленной электронике до пианистов, а в системе профтехобразования — по 250 специальностям. Представляете, какой круг вопросов они смогут решить?

Говоря о работе творческих союзов и коллективов, мы должны вспомнить определенные успехи Башкирского государственного академического театра драмы, Башкирского государственного театра оперы и балета, других театральных коллективов. В их репертуарах есть произведения башкирских авторов, русская и мировая классика. У наших писателей — несомненные заслуги в области прозы, поэзии, драматургии, публицистики, о чем мы с гордостью говорим и у себя дома и со всесоюзных трибун. Все больше появляется произведений на современную тему, посвященных героическому рабочему классу, колхозному крестьянству, произведений, воспевающих дружбу народов.

— Известно, как много внимания уделяет башкирская парторганизация вопросам интернационального воспитания трудящихся, всему тому, что способствует укреплению дружбы народов нашей страны...

— Это закономерно. Всем, что у нас есть, мы обязаны этой великой дружбе. Она помогает нам в созидательном труде, она послужила залогом победы над фашизмом. Символом боевого союза народов нашей страны станет памятник бессмертному подвигу наших земляков — Александра Матросова и Миннигали Губайдуллина, над которым сейчас работает известный скульптор Лев Кербель. На фронт, на защиту завоеваний Октября ушло семьсот тысяч сынов и дочерей Советского Башкортостана, более двухсот пятидесяти из них стали Героями Советского Союза.

И какая волнующая страница истории — пребывание в Башкирии в годы войны штаба международного коммунистического движения. Здесь работал исполком Коминтерна, товарищи Димитров, Тольятти, Пик, Торез, Готвальд, Куусинен и другие руководители международного рабочего движения. А дружба всей нашей республики с округом Галле Германской Демократической Республики, дружба, которой вот уже тринадцать лет! Да и у нас, в Башкирии, одной дружной семьей живут представители ста национальностей: башкиры, русские, татары, украинцы, чуваши, мордва, марийцы...

— К нам приезжает много гостей со всех концов страны и света. И все они в один голос восхищаются чудесной природой республики: седым Уралом и красавицей Белой, раздольной степью и бескрайними лесами, отмечают красоту сел и городов, говорят много лестного о республике, ее истории и настоящем.

— Мы свято храним историю своего народа, который более четырех веков назад навсегда связал свою судьбу с великим русским народом. Мы всегда помним, что вольнолюбивые сыны Башкирии во главе с Салаватом Юлаевым рука об руку с повстанцами Емельяна Пугачева боролись за общие идеалы. Мы преисполнены гордости, что у истоков нашей партийной организации, нашей государственности стоял величайший гений человечества Владимир Ильич Ленин.

За 60 лет Советская Башкирия благодаря мудрой ленинской национальной политике, постоянной помощи всех республик великого Советского Союза достигла многого. Еще более грандиозные перспективы у нас впереди, и этим, равно как и всеми своими достижениями, мы обязаны каждодневной отеческой заботе Центрального Комитета нашей партии во главе с верным ленинцем, испытанным руководителем партии и государства Леонидом Ильичом Брежневым.

Мы преисполнены решимости выполнить все предначертания XXV съезда партии и в дружной семье народов братских республик отдать свои силы великому делу строительства коммунизма. Трудящиеся четырежды орденоносного Советского Башкортостана оправдают надежды ленинского ЦК, родного Советского правительства.

«БУДЬТЕ ЗДОРОВЫ И СЧАСТЛИВЫ!»

Рамиль ХАКИМОВ

Во время одной из поездок в Илишевский район нашей республики я натknулся на письма... Но сначала о самом районе. Полтора десятилетия Илишевский район удерживает передовые позиции по производству хлеба, по уровню культуры земледелия. И не только в Башкирии, но и в Поволжье, на Урале.

В Илишевском районе все подчинено одной всеобъемлющей страсти — дать стране как можно больше сельскохозяйственной продукции. Здесь много таких реалий, при встрече с которыми только руками разведешь — от избытка чувств и удивления. Я говорю не об одних новинках, приемах, методах в сфере производственной, но и о явлениях жизни духовной, культурной. Точно так же, как илишевцы за десятилетия упорного труда организовали целостный производственный комплекс, они создали еще и систему правил, обычаев, которые тесно переплетаются с их трудовой деятельностью, составляют с ней единое целое. Тут и меры поощрения, и новые формы общения, и свои собственные районные праздники, и многое другое, что возвышает душу человека, окрашивает будни тружеников в мажорные, оптимистические цвета...

Так вот — о письмах... Первое из них я увидел в большой коробке из-под мармелада в доме знакомого тракториста. Именно в таких коробках, а то еще в жестяных банках из-под меда или из-под леденцов хранятся в деревенских избах семейные реликвии. Содержимое

их извлекается в несуетные минуты, когда уважаемому гостю или кому-нибудь из наследников предоставляют возможность, перебирая его, углядеть основные вехи жизни семьи. Хозяин нехитрой шкатулки помалкивал, давая слово объективному свидетельству документов: умный да поймет!.. Вперемежку с пожелтевшими письмами-треугольниками военных лет лежали там благодарности Верховного Главнокомандующего, ордена и медали за ратные подвиги соседствовали с мирными наградами, тут же и паспорта, свидетельства о рождении, другие документы... И трубный глас эпохи, и крик первенца, и шепот любви и верности, преодолевший грохочущие пространства и добравшийся от низовьев Белой до окопов Сталинграда. И вот это письмо!

В письме, обращенном к жене тракториста, говорилось о том, каким большим мастером своего дела является глава семейства. И о том, как тяжело досталась ему и всему району победа на хлебном поле. О том, как сильно помогли ему внимание и понимание супруги, у которой хотя и своих забот по горло (тут и домашнее хозяйство и внуки!), но она всегда находила время, возможность поддержать в муже деловое настроение, восстановить силы и упорство в достижении заветной цели.... Теплое, очень человечное письмо. И — подпись первого секретаря райкома партии.

Потом подобные письма встречались мне в других домах, в других районах... Иной не поддающийся сантиментам прагматик на карманной ЭВМ без лишних эмоций подсчитает, что это не лишенное мудрости письмо райкома способно принести процент надбавки к урожайности полей и нагулу скота... Что же, прагматик и рационалист правы. Но я не об этом. Талгат Лутфуллович Рахматов, первый секретарь райкома партии, говорит о подобных письмах другое:

— Очень важно, чтобы человек, сделавший доброе дело, услышал в свой адрес благодарное слово. Оно окрыляет человека. А если светлый порыв души раз за разом останется без внимания, он может и заглохнуть. Мы пишем письма оттого, что действительно глубоко признательны людям, болеющим за дела района.

Доставить человеку радость!.. У нас в Башкирии знают цену доброму слову. Пословица есть такая: «Доброе слово — пища души». И потому наряду с наградами, премиями, присуждениями званий не забывают здесь и о слове, идущем от сердца. И есть в этом давнем способе человеческого общения непреходящая ценность, ничем не заменимая теплота человеческих отношений!

Надо воздать должное мудрости и человечности наших партийных руководителей, находящих время не только на то, чтобы решение вынести, но и найти незатасканные слова и обратить их прямо к душе человеческой. Письма, подписанные первым секретарем обкома партии, первыми секретарями горкомов и райкомов КПСС, вы можете увидеть и в домашнем альбоме и в заводском архиве; они занимают место среди самых дорогих реликвий семей и коллективов. А четыре с небольшим года назад, в июле 1974-го, пришло письмо жительнице глубинного аула Иштуганово, что в Мелеузовском районе, Хадисе Гималетдиновне Кинзябулатовой: «Желаю Вам, членам всей Вашей большой семьи доброго здоровья, счастья, успехов!

Л. Брежнев».

Кто же она такая, Хадиса Гималетдиновна? Пятидесятилетняя колхозница. Сполна хлебнувшая всего того, чем богато военное лихо. Пятнадцати лет стала за штурвал комбайна, помогала матери поднимать детей, которых у той было двенадцать. У самой теперь — одиннадцать. Почти все определились, на хорошем счету... Но ни на секунду не отпускает материнское сердце тревога за судьбу мира: только бы не было войны! Ищет оно человека, к которому можно обратить слова благодарности за мирное небо над головами внуков, ищет и находит. И тогда пишет Хадиса Гималетдиновна письмо в Москву. Пришли ответные слова. И были такими же теплыми, человечными, как ее собственные. Генеральный секретарь ЦК КПСС нашел необходимым поблагодарить женщину из далекого уральского аула «за высокую оценку деятельности Коммунистической партии и Советского правительства», заверить ее в постоянном внимании к судьбам женщин-матерей, их детей.

И еще одна история. У Анастасии Перфильевны Мамаевой погиб на войне младший сын; столько лет прошло, а не затихает боль в сердце девяностолетней женщины. И ищет сердце человека, которому можно доверить самые сокровенные мысли, и одним тем оно счастливо, что человек такой есть на земле. Приходит ответ:

«Дорогая Анастасия Перфильевна!

Получил и с большим волнением прочитал Ваше теплое письмо, письмо настоящей советской женщины-патриотки...»

А в конце письма: «Желаю Вам здоровья и еще долгих лет спокойной жизни, чтобы видеть, как трудятся и здравствуют Ваши внуки, как хорошеет Уфа и вся наша страна.

С наступающим Новым годом!

Глубоко уважающий Вас Л. Брежнев».

Читаю и перечитываю письма, адресованные Генеральному секретарю ЦК КПСС, Председателю Президиума Верховного Совета СССР, и ответные письма, подписанные Леонидом Ильичом Брежневым. Нет ничего удивительного, что больше всего руководителю самой гуманной в мире ленинской партии пишут матери. Но не забудем и о том, что не в каждой стране материнское сердце находит сочувствие у тех, кто наделен властью влиять на судьбы людей. Еще не выветрились из памяти мольбы американских матерей, обращенные к их президенту, смысл которых был в том, чтобы перестали посылать их мальчиков умирать бесславной смертью в заморских странах. А разве может забыть человечество поднятые к небесам руки многострадальных вьетнамских матерей? Скольким из них небо ответило свистом бомб!

Читаю и перечитываю письма, адресованные Леониду Ильичу. Добрый человек не ищет награды за дела, но, встречаясь с добротой, он боится показаться неблагодарным, и у него возникает потребность сказать сердечное спасибо. В этой потребности кроется, на мой взгляд, причина, заставляющая людей обращаться с письмами к главе государства. И как естественно вписывается обмен добрыми пожеланиями в нашу советскую действительность, в нормы отношений, установленных в нашем обществе!

Слесарь-ремонтник молочноконсервного комбината... Прямо скажем, должность не такая героическая, как у космонавтов или монтажников-высотников, и предприятие это — не КамАЗ и не БАМ, и городок — не Уфа и не Париж. Но жизнь слесаря и детей его удалась. Он ощущает себя полезным членом общества, и никого не удивит то, что рабочий решил поделиться своими чувствами с человеком, занимающим самый высокий пост в стране и партии.

Слесарь-ремонтник Степан Кудяков из Мелеуза крепчайшими узами связан с Москвой, Кремлем, и вот вам веское тому подтверждение.

«Уважаемый тов. Кудяков!

Ваше письмо вызвало у меня глубокое удовлетворение сообщением о трудовых успехах, высказанными в нем теплыми чувствами в адрес Центрального Комитета,— пишет мелеузовскому слесарю Леонид Ильич Брежнев.— Сердечно благодарю за проявление высокого патриотизма. Уверен, что он и впредь будет служить Вам надежным источником творческого, высокопроизводительного труда.

Желаю Вам и Вашим товарищам успехов в выполнении принятого встречного плана.

Будьте здоровы и счастливы.

Л. Брежнев».

Среди адресатов товарища Л. И. Брежнева нефтехимики, строители, монтажники, токари, металлурги. Четырежды орденоносная Башкирия превратилась в один из мощных индустриальных краев страны. Так что есть о чем рассказать рабочим людям республики и есть за что поблагодарить их.

Читаю письма и поглядываю в окна на лежащие внизу кварталы родной Уфы, на деревья парков и аллей. Вот улицы, каждая вроде сама по себе, а в конце концов получается город. Или — расправляются в воздухе ветви, каждая в свою сторону, а в конце концов образуется единая крона. Так и тут: вроде и нет никакой системы в этой сердечной переписке, а все же она есть! Одно к одному, из года в год, эти письма захватили в свою орбиту добрую половину городов Башкирии, важнейшие отрасли хозяйства, самые большие слои населения.

Первенец нашей нефтехимической промышленности Уфимский ордена Трудового Красного Знамени завод синтетического спирта имени 40-летия ВЛКСМ вырос в той степи, по которой в 1919 году прокатилась чапаевская лава, освободившая Уфу от белогвардейцев. Чапаевской дерзостью и отвагой отмечена чуть ли не тридцатилетняя история нового завода: всесоюзные и мировые рекорды в строительстве, монтаже, эксплуатации. Побеждали там, где отступали иностранные спецы.

В позапрошлом году взялись за строительство новой очереди по производству фенола и ацетона. Бригадир из технического треста № 21 Петр Дмитриевич Пилюков пришел на стройплощадку будущего завода ровно тридцать лет назад — сразу после строительного училища. Закладывали фундамент под склад, а рядом сажали для себя картошку. Народ собрался молодой, по существу, деревенский. Как вечер — тут же, возле фундаментов, гулянье под гармошку. Петр Дмитриевич и с женой-то познакомился на строительной площадке и первенца привез во времянку, сколоченную рядом с будущими цехами. Так что сынишка рос вперегонки с первенцем башкирской нефтехимии! Двадцать лет отдал Пилюков «Синтезспирту», потом десять лет работал на других объектах и вот снова привел ставшую знаменитой бригаду на родные места. Двумя орденами его наградили, есть награды и у других ветеранов. Бригада никогда не работала спустя рукава, везде задавала тон. Но тут разворот работ «на феноле» поразил даже их.

— Укладывали по тысяче кубов бетона в месяц. А условия сложнейшие, земля нашпигована всякого рода коммуникациями, кругом действующие цеха!

Загодя, под грохот стройки сколачивали штат будущего производства. Один из тех новобранцев — начальник смены цеха Васим Вахитов. Как и Пилюков, он связал свою судьбу с заводом сразу после техучилища, семнадцать лет назад. Здесь же, в лаборатории, работает его жена.

— Процесс очень капризный, аппараты сложнейшие, но ничего, справляемся, многое доводим до ума,— рассказывал Васим.

Один из самых надежных его помощников — Анатолий Ямурзин. Пришел совсем юным на стройку да тут и остался.

— У меня и отец по соседству работает. Завод — судьба наша! Ближе людей, чем товарищи по работе, у нас нет. Такую спаянность, наверное, только у подводников встретишь: все общее, каждый зависит от всех.

Александр Михайлович Борисов, директор завода, чуть ли не буквально повторил то, что я уже услышал от других собеседников на заводе:

— Честно говоря, мы и сами не ожидали, что сумеем завершить строительство не только в срок, но и с опережением графика. С опережением вышли и на проектную мощность. Комплекс — крупнейший в стране! Он состоит из полусотни объектов, один другого сложнее. Как никогда, уделили внимание очистным сооружениям.

...И вот письмо Леонида Ильича Брежнева. Каждый из моих собеседников упоминал о таком письме как о большом факте из личной биографии. А это многого стоит. Письмо из Кремля!..

СТИХИ НА ОКОННОМ СТЕКЛЕ

Муин БСИСУ

«Стихи на оконном стекле» — так называется новая книга Муина Бсису, замечательного арабского поэта Палестины, активного участника борьбы за национальные права палестинского народа. Творчество Муина Бсису хорошо знакомо советским читателям: в СССР опубликованы два сборника его стихов — «Родина в сердце» и «Визитная карточка».

Новые стихи поэта навеяны событиями в арабском мире наших дней. Это суровые и правдивые строки — они продиктованы верой в победу правого дела, справедливым гневом, ненавистью к силам зла и лжи, любовью к родной земле.

СОЛОВЕЙ И МЕЧ

Когда кровь революций
течет по земле,
на могилах бойцов
вырастает шиповник надежды,
и невидимая сторона
Луны
обращается к нам,
и лучи на рассвете
дрожат,
словно ветки деревьев,
осыпанных щебетом птиц.
Крутится, крутится, крутится
мельничный жернов —
время, не переставая,
сыплет и сыплет зерно.

Время бежит —
мир о нас не узнает
во веки веков,
если мы не поднимем восстанья,
если друзьями не станут
меч революции
и соловей любви.

ЧЕЛОВЕК, ГОВОРИВШИЙ «ДА»

Он говорил: «Да».
Всегда.
Поддавать —
вместе, по маленькой? Да.
Поддаваться,
поддакивать? Да.
То в сахар, то в соль
язык обмакивать? Да.
Не ведать
ни зла, ни добра?
Скопом со всеми, в поту
горланить: «Ура»?
Плестись в никуда?
Да.
Он говорил только: «Да».
Все его знали.
А он не знал ничего —
ни совести,
ни стыда.
Жил превосходно —
без радости и без печали.
Всегда повторял
одно только слово: «Да».

Как-то раз
он случайно промолвил: «Нет».
Шепотом из-под подушки,
во тьме, в духоте ночной,
рядом с беременной спящей
женой.

Были заперты окна,
погашен свет.
Но маленький сыщик,
дремавший во чреве жены
спокойненько,
мог его выдать.

Маленький кактус
на подоконнике
мог его выдать.
Каменный лес за окном
и даже собственный дом
мог его выдать.
Человек,
говоривший одно только слово: «Да»,
нечаянно
вымолвил: «Нет».

И куда-то исчез навсегда,
и пропал его след.

БОГ И ПОЭТЫ

Голова твоего отца
прибита к стене —
на нее опускается ворон.
Голова твоего отца
упала, как яблоко, в грязь
под копыта чужих лошадей.

А ты
пьянствуешь с подлецами,
бормочешь блаженно:
— Сегодня мой день,
завтра тоже мой день.
Сегодня — выпивка.
Завтра — похмелье...

Если Он завтра
на землю с креста сойдет
и посмотрит вокруг,
Он от тебя отречется,
а может, сгорит от стыда,
а может, во гневе
покарает подонка...
Всего вероятней,
он плюнет тебе в лицо.

Эх вы, поэты!
Одни умирали,
спасая Штык государства,
другие — оберегая
государственный Барабан.
Третьи жертвовали собой
для государственного Сапога.
А четвертые тоже помрут —
ради чего?
Страна, что была твоей родиной,
стала предметом торга.
Умирает винтовка,
утратив мишень.

Я написал на облаке:
«Хватит. Долой цензуру!»
И в ту же минуту были
конфискованы небеса.

МУМИЯ

Фараон достойно спит
в саркофаге,
а над ним
на каменных стенах
нарисовал отличный художник
плоды фараоновых побед:
газель с обломанными рогами,
чайку
с выщипанным опереньем,
безъязыкого соловья...

Красавицы грудь
в паучьих лапах.
Рабы
и бамбуковые розги.
Весы
и отрубленные руки.

Фараон от подвигов устал
и теперь
достóйно спит в саркофаге.

Я ВСЕ ЖДУ

Кто купит лебединое крыло?
Стихи?
Венок?
Разбитый барабан?
Не холодно у вас
и не тепло.
Вам все равно,
жиреющим рабам.
Но я все жду.
Найдутся смельчаки —
придут и выбьют пыль
из ваших слов,
придут
и вырвут с мясом языки
у изолгавшихся колоколов!

ПТИЦЫ ИЗГНАНИЯ

Наконец,
самолет приземлился.
Каир возникает,
словно пронзительный крик
птицы.
И эта бездумная птица
с клювом, распяленным в крике,
с костями и кровью,
отравленными пустотой,
с клеймами бесчисленных виз
на изжеванных перьях —
я. Это я.
О, как хочется жить,
а моя страна
проглочена заживо
ненасытным китом!

Чемоданы стоят у дверей,
словно стая волков.
А вокруг пауки.
И торговцы рабами.
И долгая ночь
наступила для всех поэтов.

Одних выгоняют в шею —
вон из родимой страны,
других покупают задешево, оптом,
а третьих
ловят
и пришивают в темном углу.

Скитаюсь годами.
Дайте бутылку вина
и постель,
и немного покоя,
и немного свободы —
иначе свихнусь.

Нет у вас бога.
И разума нет.
И знамен.
Есть у вас только ножи
и луженые глотки.
В этой стране
нет героев,
и женщины их не рожают,
и барабаны не бьют
в честь рожденья детей.

Слышишь,
разносится гром.
Не слушай.
Видишь,
проходит убийца.
Не ужасайся.
День, словно фляга,
наполненная снятым молоком.
И остаются голодными
наши дети.

БЕЙРУТ ОСТАЕТСЯ ПОЗАДИ

Счастлив поэт в аэропорту.
Счастлив читатель в аэропорту.
Был безопасен путь сюда,
к трапу, где стоит самолет
иностранный.
И все о'кей.
И только мешок с песком
один
напоминает: это Бейрут.

Бейрут
не гибнет и не живет,
читает газетную статью,—
справа — убитый,
слева — мертвец.
Газета читается — жизнь идет.
Счастлив поэт,
доволен читатель:
скоро отправится самолет.
А этот жалкий мешок с песком
не будет мозолить глаза.
И однако Бейрут живет
и умирает
в своих стенах.

Горький город.
Пули. Хлеб.
Вино. Развалины. Облака.
Корабль, выброшенный на мель.
Запястья в наручниках.
Интервал
между трупами. И мишень.
Изрешеченная доска.
Афиша, исхлестанная дождем.
Длинные пальцы твои дрожат
над клавишами ночей и дней.
И птица весенняя парит
над руинами.
Взрывы бомб.
Газету печатает кровь. И боль.
Газету читает ночь. И смерть.
Тем временем в аэропорту
читатель доволен, счастлив поэт.
И стюардесса раздает
посадочные талоны. Ура!
Тысяча метров.
Бейрут позади.
Как хорошо!
Бейрут позади.
Можно газету почитать.
В Бейруте налаживается жизнь.
Как приятно.
И все о'кей.
Довольны все.
Бейрут позади...

Перевел
Михаил КУРГАНЦЕВ

Джеймс ОЛДРИДЖ

РОМАН

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ

Прощай,

Я толком не помню, как мы провели остаток дня. Помню только, с каким облегчением мы в половине восьмого наконец направились к стоявшему на улице «рено». Но когда я открыл дверцу машины, Пип остановился.

— Прости меня, Кит,— сказал он.— Боюсь, что не смогу это вынести.

— Ты что, не поедешь?

— Нет,— подтвердил он.— И пусть катится к черту вся их затея.

Я почувствовал запах аперитива. Глаза Пипа блуждали, хотя он, казалось, смотрел на меня.

Моника дернула его за руку.

— Тебе нельзя было пить,— сказала она.— Но все-таки поедем. Ты ведь обещал Доре.

— Ну и что же? Я отказываюсь от своего обещания.

— Из-за чего? Почему тебе не поехать и не отделаться от всего?

— Ты что, передумала? — спросил он с раздражением, и от него вновь запахло спиртным.— Ты же вчера требовала, чтобы я не ехал. Ты вела себя уж так по-французски. «Никогда, никогда, никогда!» — ведь это твои слова?

— Ну, а сегодня я тебе говорю: иди и узнай, чего они хотят.

— Я догадываюсь, что им нужно. Они хотят посмотреть на то, что осталось от поверженного Ловелла,— рассмеялся Пип.— Но я им такого удовольствия на этот раз не доставлю.

— Ты пьян,— рассердилась Моника.

— Может быть, Лестер хочет стать на четвереньки и попросить у тебя прощения,— сказал я.

Пип стукнул по крыше машины кулаком.

— Неплохая идея, Кит. Ты передай ему, чтобы он сюда пришел это сделать, а я туда не поеду.

— А может, ты все-таки поедешь туда сам и узнаешь, в чем дело? — смягчившись, сказала Моника.

— Да почему я должен разговаривать с этой сволочью? Почему я вообще должен находиться с ним в одной комнате? Не будет этого, мой друг,— произнес он по-французски.

— Ты действительно так решил? — спросил я, когда Айлин уже садилась в машину.

— Да, решил,— ответил Пип.— Я пойду вниз в деревню и спокойно поужинаю там один.

— Ладно, но что я скажу Доре?

— Да ничего, черт возьми! Скажи, что я передумал.

— Ну, как знаешь.

— Тебе противно, да? — спросил Пип, когда я уже включил мотор.

— Вовсе нет. Интересно, что бы ты сделал, если бы не выпил?

Мне было просто жаль его. Я знал, насколько подействовал на поведение Пипа аперитив, но также понимал, что именно появление Джуди и Террады вывело его из равновесия. И я уже видел, что ему придется напрячь все силы, чтобы сдерживать проявление своих чувств.

Мы уехали, а он остался, держа в руках кошку, которую снял с капота машины.

Окончание. См. «Огонек» №№ 5—12.

Когда мы, мрачные, появились у Доры, Террада и Джуди сидели на террасе и ждали Пипа. Увидев, что его нет, они обменялись тревожными вопрошающими взглядами.

— А где же Пип? — спросила Дора.

— Он передумал,— сказал я.

— Вот негодяй,— произнесла она спокойно, будто ожидала этого.

Я пытался сохранять серьезный вид. Но мне стало смешно, когда мы встретились с Террадой взглядом и даже не обменялись хотя бы легким рукопожатием. Дора, которая, судя по всему, подготовила эту встречу на террасе, положила свою пухлую руку Лестеру на плечо и сказала многозначительно:

— Ничего, Лестер, у нас еще много времени.

Но я в этом не был уверен.

Террада располнел и выглядел каким-то взъерошенным, с лицом в глубоких морщинах, с большими пухлыми руками и в мятой рубашке. Он выглядел и вел себя, как большой преуспевающий политический деятель, что меня удивило, потому что я имел глупость подумать, что Террада будет чувствовать себя неловко в присутствии близкого друга его жертвы.

Но по нему это было незаметно. Казалось, что он окружен какой-то глухой и прочной оградой, которую ничто не могло пробить.

— Я помню вас...— сказал он мне некоторое время спустя с таким видом, будто обращается к стене.

— Надеюсь, что так,— единственное, что я мог проговорить.

Все в этом доме вращалось вокруг Доры, которая уселась в кресло. Но сегодня Террада стал ее соперником. Вроде бы он никого в отдельности не видел. У него были озабоченные, отрешенные глаза, и слова он произносил в пространство, не обращаясь ни к кому, будто где-то вдали находился тот, кто должен их услышать. Он заполнил своей грузной фигурой большое кресло и начал изрекать мудро и интеллигентно свои мысли о европейской политике, о Де Голле, о Германии, об американском флоте в Средиземном море.

Но это было еще не все.

Я не сводил глаз с Моники и Джуди, потому что они наблюдали друг за другом, и понял, что скоро кто-то из них взорвется. Первая не выдержала Джуди.

— Это вы, наверно, уговорили Пипа не приходить сюда,— сказала она Монике.

Моника держала в руке стакан вермута, что было для нее не совсем обычно, поскольку она не любила пить ни до, ни после ужина. На секунду она перестала разбалтывать лед в стакане, и мне вдруг показалось, что сейчас Моника плеснет вино ей в лицо. Но, к моему удивлению, она спокойно ответила:

— Зачем мне делать такую глупость?

— Потому что вы считаете, вероятно, что его надо защитить от нас.

— Пип сам себя может защитить,— сказала Моника.— Он без меня решает, что ему делать. Он меня о таких вещах не спрашивает.

— Почему же тогда он не пришел?

— Он не хотел видеть вас,— ровным голосом ответила Моника. Оставаясь подчеркнуто спокойной и любезной, она показывала этим американцам, что не доставит им удовольствия видеть, как она сорвется. Но все же она не могла скрыть ноток презрения в своем голосе.

Тут Джуди удивила меня.

— Пожалуйста,— мягко сказала она Монике,— не могли бы вы попросить его поговорить с Лестером?

Я так и не понял, что означал этот тон: то ли Джуди демонстрировала свою воспитанность, то ли просила об одолжении. Но Монике все это не понравилось, и она ответила с раздражением:

— Почему вы обращаетесь ко мне? Я и так уговаривала его сегодня прийти. Я не хочу, чтобы он прятался от вас и от вашего солидного мужа. Если вам необходимо что-то решить, то вы должны встретиться и все выяснить. Я ему так и сказала. И не ждите от меня большего. Это его дело. Ведь он сам мужчина...

— Джуди, ты не беспокойся. Ведь еще много времени,— опять повторила Дора.

Я подумал, что пока счет в пользу Моники, потому что Джуди встала и вышла из комнаты.

На самом деле она решила пустить в ход последний свой козырь — сына. Она возвратилась вместе с мальчиком, который сразу направился к Терраде и прислонился к его коленям. Террада, не глядя, ласково обнял его своей большой рукой, продолжая разглагольствовать. Моника, вытянув ноги и побалтывая свой коктейль, всматривалась в вечернее небо. Но я думаю, она старалась решить, как отнестись к этой попытке воздействовать на ее чувства с помощью ребенка.

— Положение совсем ненормальное,— говорил Террада. Он имел в виду положение в Италии. А я подумал, что он намекает на ситуацию, сложившуюся между отцом, матерью, ребенком и любовниками. К счастью, повариха Доры мадам Лотта объявила, что через несколько минут будет первое блюдо, и мы уселись за большой белый стол на террасе. Я услышал, как Террада сказал мальчику, что ему пора спать, но тот явно не был намерен слушаться, да никто и не требовал этого.

— Сначала два первых блюда,— объявила Дора, пока мы рассаживались за столом.— А потом мой великолепный громадный морской окунь. Он вот таких размеров,— разведя руки, показала она.

В то время морской окунь считался самой вкусной и дорогой рыбой. Только что пойманного окуня можно было приготовить за десять минут, пока за столом доедали первое блюдо. Мы уже съели половину супа, когда вошла мадам Лотта и спросила у хозяйки, где рыба.

— Я положила ее на лед в ящик около кухни,— сказала Дора.

— Ее там нет.

Дора велела еще раз посмотреть. В конце концов она пошла сама, но рыбы на месте не оказалось. Потом мы все стали искать на террасе, около кухни, в большом заросшем саду, который с одной стороны вообще не был огорожен. Но рыба исчезла бесследно.

не та Америка

— Эти проклятые кошки! — возмутилась Дора.

— Кошка не могла утащить такую большую рыбину,— со слезами на глазах проговорила мадам Лотта.

— Значит, кошка человеческой породы,— громогласно заявила Дора.— Они видели ящик со льдом с той тропинки, по которой ходят.

Ясно, что кто-то из деревни проходил через сосновую рощу и прихватил с собой рыбу. Случай, конечно, нелепый, и мы все покатывались со смеху, особенно Моника, которая была на высоте по сравнению с этими угрюмыми американцами. Получилось так, что Джуди и Террада оказались не в своей тарелке. Они выглядели подобно голым скалам, о которые разбивался всплеск нашего легкомысленного веселья. Мы их не замечали, и когда мадам Лотта принесла огромное блюдо спагетти, мы встретили его радостными возгласами. Вино лилось рекой, и вечер остался бы очень приятным воспоминанием, если бы он устраивался ради нас. Но это было совсем не так, и потому все пошло впустую.

Расставаясь, Дора сообщила, что завтра она организует один из своих «ужасных» пикников. Она облюбовала укромное местечко на пути к Монте-Карло, куда еще никто не ездил и где при желании можно купаться нагишом.

— Пожалуйста, уговорите Пипа приехать,— шепнула она Монике по-французски.— Я очень вас прошу, Моника.

— Не волнуйтесь,— сказала Моника, не глядя на Джуди.— На этот раз он приедет.

— Там великолепное местечко! Сплошные заросли опунций! — прокричала нам вслед Дора, и мы уехали.

Глава 14

Я думаю, Моника поняла к тому времени, что избавиться от семейства Террады будет значительно труднее, чем ей казалось раньше. Сейчас, сообразив, с кем столкнулась, она хотела быть уверенной, что Пип не предстанет перед ними как жертва. Она хотела использовать его самого, чтобы нейтрализовать попытки Джуди спекулировать сыном. Что бы там ни было раньше, в том, каким сейчас стал Пип,— большая заслуга ее, Моники. И она не позволит Пипу проявлять слабость и прятаться, как раньше. На этот раз такого не будет. Сейчас, как никогда, он должен в открытую, без всякой посторонней помощи встретить их, чтобы оправдать хотя бы ее веру в него. Моника хотела показать этим американцам, что не боится за свое произведение.

На следующее утро мы уселись в «рено» и отправились вслед за «пежо» Доры к тому местечку в горах, неподалеку от Монако. Из-за покрывающих холмы опунций место казалось малодоступным. Я знал о нем, так как знал все закоулки между Сен-Жаном и Ментоной. И это Дору огорчило.

Джуди и Террады не было с Дорой. Они вместе с мадам Лоттой, знавшей дорогу, решили ехать в арендованной ими машине. Но маленький Лестер был с Дорой. И я подумал, что в этом проявился расчет Джуди, поскольку все свелось теперь к расчетам.

Мы выгрузили из «пежо» еду, напитки, стулья, подушки, зонты и стали спускаться по тропинке к живописному, покрытому галькой скалистому берегу. Но как только мы спустились, Моника, забрав удочки, ушла, чтобы не встречаться с Джуди и Террадой. Она не хотела опекать Пипа.

Пип остался с мальчиком, которого явно предупредили, чтобы он был вежлив и дружелюбен. Он, подобно Терраде, вел себя с большим достоинством и, казалось, был отрешен от всего.

— А что это такое? — неожиданно обратился он к Пипу.

Пип даже замер от удивления, что мальчик заговорил. Маленький Лестер показал на морской велосипед в нескольких сотнях метров от берега.

— Это сооружение имеет педали, как и велосипед,— сказал Пип.

Выслушав ответ, мальчик снова замолчал. Но Пип не хотел на этом закончить разговор.

— А ты катаешься на велосипеде? — спросил он.

— Нет, я не умею,— последовал ответ.

— А ты когда-нибудь пробовал? — настаивал Пип.

— Нет.

— А ты верхом умеешь ездить?

— Нет.

До сих пор мальчик владел собой и пытался вести себя как следует. Но чем дольше Пип его расспрашивал, тем больше маленький Лестер напоминал мне взрослого Лестера, так как я был уверен, что Террада никогда не катался на велосипеде и не садился в седло.

— А плавать умеешь? — продолжал спрашивать Пип.

— Немного.

— Что же ты тогда умеешь? Играть в теннис?

— Нет. Я играю в шахматы.

— С кем же ты играешь?

— Со своим отцом...

Пип поднял большой камень и с силой швырнул его в море рядом с тем местом, где сидела Моника.

— Я твой отец,— сказал он мальчику.

— Да, я знаю.

— Нам ведь особо не о чем говорить, не так ли? — сказал Пип.

Лестер отрицательно покачал головой, и Пип встал.

— Так давай и не будем, ладно? — сказал он и присоединился к Айлин и Доре, которые занимались хозяйством. Он попросил Дору дать ему штопор, открыл бутылку красного вина и, наполнив стакан, прохаживался по пляжу, с нетерпением поглядывая вверх, на дорогу. На какое-то время мальчик остался один, и он сейчас интересовал меня даже больше, чем сам Пип. Он совершенно спокойно сидел на камне, этот непроницаемый маленький человечек, терпеливо ожидая, когда же наступит конец тяжкому испытанию.

Для него оно кончилось, как только он увидел Терраду, Джуди и мадам Лотту, спускающихся по склону. Мы преодолели его совсем легко, но Террада испытывал затруднения. Джуди держала его за руку и помогала спускаться. И когда маленький Лестер бросился к ним навстречу, Джуди крикнула:

— Нет, нет, Лесси, не мешай, подожди нас внизу.

Мальчик остановился. Мы с Пипом наблюдали, как Террада медленно, с трудом спускается вниз, подобно завороженной птице, ожидающей приближения кобры.

Наконец Террада спустился и вместе с Джуди направился прямо к Пипу, который перекидывал камешек из руки в руку, чтобы обе они были заняты.

— Здравствуй, Пип,— сказал Террада.

— Здравствуй, Лестер,— последовал ответ.

А что еще они могли сказать друг другу? Они не обменялись рукопожатием. Не только руки у Пипа были заняты, но и он сам стоял немного спиной.

Террада никак не мог отдышаться. Он вспотел, и вид у него был болезненный.

— Мне надо присесть,— сказал он, не обращаясь ни к кому конкретно, и, направившись к небольшому камню, опустился на него, как медведь в цирке.

— Для него этот спуск — большая нагрузка,— сказала Джуди Пипу.

— Да я и сам вижу,— сказал Пип и отвернулся.

Дора крикнула нам, что обед готов.

— Ну как, доберешься, Лестер? — обратилась она к нему.

— Да, со мной все в порядке,— сказал он, и мы все поднялись к месту, где на клетчатой скатерти в идеальном порядке были расставлены тарелки с курицей, холодным мясом, помидорами, хлебом, огурцами, оливками и стояли четыре бутылки красного вина.

— Моника, иди сюда,— позвала Айлин.

— Я еще не кончила ловить рыбу,— отозвалась она.— Когда кончу, приду.

— Твоя холодная курица остывает! — крикнул Пип.

Моника не обращала на него никакого внимания, хотя он явно звал ее на помощь. Пип уже игнорировал Терраду, который, как и прежде, пытался вызвать к себе чувство жалости. Я поймал себя на мысли, что начал за него волноваться, но тут же решил не быть дураком.

Дора, Айлин и мадам Лотта разложили курицу и холодный ростбиф по пластиковым тарелкам, добавив каждому по помидору и куску огурца. Роздали ножи, вилки и стаканы. «Приятного аппетита»,— сказала Дора, и мы молча принялись есть, поскольку все ожидали, что разговор за столом должны вести Пип и Террада.

Но они, не проронив ни слова, продолжали есть. И Доре самой пришлось начать беседу. Она рассказала, как нашла этот уголок.

— Я обожаю опунцию. Я кладу ее даже во фруктовые салаты. Однажды, остановившись на холме, чтобы собрать ее немного, я увидела, что это можно сделать без всяких усилий внизу. Я спустилась к самому берегу и плавала здесь совсем голая в полдень, когда вся Франция сидела за обедом.

Я не мог сдержать смех. Я представлял себе Дору, грузную и обнаженную, погружающуюся в море, и хохотал. Дора все по-

нимала и смеялась вместе со мной. Смеялись, впрочем, и все, кроме мрачного Террады и угрюмого Пипа.

— А я правду говорю,— гремела Дора.— Местные рыбы подумали, что в их водах появилась новая порода кита.

Это послужило разрядкой, и мы стали говорить о миди-юбках, о туристах и продлении курортного сезона, предоставив Пипу и Терраде возможность молча предаться своим мыслям. Пикник вполне удался, и когда все было съедено, Пип снова позвал Монику, как будто знал, что должно произойти. Моника не откликнулась, и Террада встал, обошел всех нас и сел на камень рядом с Пипом. Мне кажется, Террада сам удивился не меньше Пипа, когда выпалил своим зычным голосом:

— Я думаю, настало время, Пип, нам поговорить.

Я видел, как у Пипа напряглась шея и костлявая спина.

— А зачем? — ответил он.— О чем мы можем с тобой говорить, Лестер?

Террада внушительно и глубоко вздохнул.

— Нам следует попытаться прийти к какому-то модус вивенди.

— К чему?

Террада посмотрел вокруг на остальных, будто для нас было просто непорядочно находиться здесь в этот момент, когда он не хотел, чтобы мы присутствовали.

— Ну, я говорю о некотором моральном компромиссе,— сказал он.— Я уверен, ты понимаешь, что я имею в виду.

Пип выдавил из себя короткий смешок.

— Ты имеешь в виду моральный компромисс с моей моралью или моральный компромисс с твоей?

Террада продолжал решительно:

— Мы должны прийти к какой-то форме взаимопонимания, Пип, чтобы мы могли жить в мире с самими собой.

— У меня нет никаких трудностей в этом отношении,— ответил ему Пип.— Это должно быть твоей проблемой, а не моей.

Террада даже не слушал его. Он смотрел в небо и, казалось, обращался к нему.

— Беда в том, что ты и я, мы оба ввели в заблуждение друг друга многие годы назад, Пип. В этом главная причина наших недоразумений.

— Главная причина, Лестер, в том, что ты объявил меня подрывным элементом в Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности. Так что не ищи других причин.

Террада помахал примирительно своей большой рукой.

— Нам бы не следовало прибегать к обвинениям в общественных инстанциях, Пип. Это была наша ошибка.

Я едва не взорвался, когда услышал это. Но Пип сдерживал себя и даже сохранил мрачное чувство юмора.

— Неужели ты забыл, Лестер, что не я обвинял тебя, а ты меня? Ты меня загнал в угол. Ты закопал меня.

Террада выглядел удивленным.

— Да, но я думаю, сейчас тебе следовало бы понять, что это было в какой-то мере неизбежно. Таким уж оказался ход развития тех проклятых событий. Я ничего не мог поделать. Все было предрешено, Пип.

На этот раз Пип рассмеялся вовсю.

— Ты просто великолепен! — сказал он настолько иронически-пренебрежительно, что Террада, по моему мнению, должен был обидеться или возмутиться. Террада же не расстроился и не возмутился. Он просто удивился, что Пип не понял его.

— Ты не смог понять Америку,— сказал он.— Ты никогда не хотел понять, что было поставлено на карту.

— Не вини Америку за то, что сделал мне ты, мерзавец,— сказал ему Пип.— По сути дела, если бы я не был приличным и добропорядочным американцем, преданным флагу и конституции и всем первым десяти поправкам, я мог бы простить тебя за все то, что ты мне причинил. Но ты мужик, Лестер, и ничем другим быть не можешь... Так что обращайся всегда ко мне, сняв шапку, и не фамильярничай со мной ни при каких обстоятельствах.

Меня вновь удивило то, что Террада намеренно оставался нечувствительным к этим выпадам.

— Я все еще считаю, что мы должны прийти к какому-то духовному взаимопониманию,— настаивал он, в то время как Пип окончательно впал в состояние безнадежного раздражения.

— Ну, хорошо, хорошо,— проговорил Пип.— Давай попробуем понять твои моральные принципы. Только какого рода мораль ты предпочитаешь? Какого понимания ты хочешь?

— Ты бы согласился пожать мою руку, сказать, что все это была не наша вина, и восстановить наши отношения?

У Пипа перехватило дыхание в тот момент. Я даже слышал, как скрипнули его зубы.

— Ты хочешь, чтобы я все забыл?

— Да,— сказал Террада.

— Все, что я пережил?

— Да. Абсолютно все, если ты согласен.

Пип надел очки, как будто ему хотелось рассмотреть Терраду получше.

— Я могу это сделать только в одном случае, Лестер,— сказал он.

Террада ждал. И я тоже. Ждали Айлин, Дора и Джуди. Даже маленький Лестер ждал ответа. Он не пропускал ни одного слова.

— Ты должен заявить, что давал ложные показания, что ты был доносчиком,— произнес Пип спокойно.— Ты должен отречься от всего, что говорил.

Террада был ошеломлен.

— Но я не могу этого сделать,— сказал он.

— Почему же?

— Потому что это невозможно. Я не могу повернуть вспять все, что произошло.

— Тогда чего ты хочешь от меня? — сказал Пип презрительно.— Чтобы я все принял на себя? Признал свою вину?

— Я только хочу, чтобы ты перечеркнул все в личном плане, Пип,— сказал в отчаянии Террада.— Чтобы между нами ничего не было.

Пип рассмеялся и шлепнул по земле рукой, как бы давая понять, что разговор для него окончен.

— Единственное решение для нас возможно лишь с помощью дуэльных правил. Тогда бы я смог убить тебя и сделать из тебя джентльмена.— И он засмеялся опять.

Я не знаю, как бы отреагировал на это Террада, но тут появилась Моника. На мгновение она остановилась, возвышаясь над всеми нами и с отвращением обозревая остатки нашего обильного пиршества. Она перебрала бутылки одну за другой и отбросила их.

— У тебя еще не осталось красного вина, Дора? — спросила она.

— Нет, дорогая,— ответила Дора.— Я купила лучшее шамберти и немного очень хорошего кларета.

— И ты позволяешь себе пить шамберти и кларет во время пикников?

— Да, позволяю,— ответила Дора.

— Ну, хорошо, я не могу,— сказала Моника.— Раз у вас нет красного вина, я пойду и приготовлю себе рыбный суп. Кит, дай мне ключи от дома.

Я дал ей ключи, и, подхватив свое ведерко с рыбой, она атлетическим шагом направилась вверх по склону, как сердитая кошка. С полпути она крикнула нам:

— Не провожайте меня. Я доеду на автобусе.

Пип почти не обращал на нее внимания. Он лежал на спине с повернутым к солнцу лицом, стараясь переварить весь разговор. Но Айлин толкнула его, сказав:

— Не лучше ли тебе последовать за Моникой, Пип?

— С ней все в порядке,— ответил он, не вставая.— Она хочет быть одна.

— Она расстроилась.

— Я знаю, что она расстроилась. Именно поэтому я хочу оставить ее одну.

— Но не сейчас,— настаивала Айлин.— Давай, Пип, иди за ней.

— О, боже ж мой! — воскликнул Пип и вскочил на ноги. Он побежал за Моникой, которая уже достигла вершины склона.

Террада следил за ним. Затем он вопросительно взглянул на Джуди. Я не знаю, были ли между ними какие-то условные знаки, но Террада, подхватив свои веревочные туфли, босиком ринулся за Пипом, неуклюже спотыкаясь и крича:

— Одну минутку, Пип. Я пойду с тобой.

Я видел их обоих, карабкающихся по склону сквозь заросли опунций. Терраде пришлось остановиться, чтобы надеть туфли. Он был неловок, почти беспомощен.

— Ты бы лучше его остановила,— сказал я Джуди.

— Нет,— сказала она.— По крайней мере это избавит его от необходимости разговаривать с Пипом на виду у всех других.

— Как тебе будет угодно,— сказал я, и мы оба смотрели, как они скрылись за поворотом дороги.

Дора встала и обняла жирной рукой Джуди, которая была вся в слезах.

— Приведем себя в порядок,— сказала она.— Не беспокойся, они вернутся.

Но они не вернулись. «Ужасный» пикник Доры окончился двумя часами позже и лег полностью на мои плечи. Я отнес стулья, коробки, зонтики, удочки вверх к машинам, и мы поехали домой в молчании.

Моника сидела на террасе. Она сказала, что ее подбросили на попутной машине.

— А где же он? — требовательным тоном спросила Моника.

Я сказал, что Пип побежал за нею, а Террада следом. Это значило, что Пип и Террада находятся где-то вместе.

Моника сказала по-французски:

— Глупая безнадежность вращает этот мир, так зачем мне беспокоиться из-за него?

Глава 15

Волноваться о Пипе мы начали лишь перед ужином. Но мы считали, что они сидят в каком-либо баре или бистро, разговаривая о своих больших и сложных проблемах. Мы знали, что у Доры их нет, так как она звонила и спрашивала, не вернулись ли они. Наконец сама Дора вместе с Джуди прибыли к нам за новостями. Было почти 10.30 вечера.

— Нет,— сказал я.— От них ни звука.

— Пожалуйста, Кит, поезжай, поищи их,— попросила Джуди.

— Где я их буду искать? Они могут сидеть в одном из тысячи бистро в Монте-Карло, в Ницце или бог знает где.

— Ну, пожалуйста,— просила она.

Тут Дора заявила, что во время обеда они пили вино, и если они хватили лишку, то кто знает, что они могут натворить и чем все кончится.

— Можешь представить себе, какую шумиху поднимут американские газеты, если эту парочку вместе подберут пьяными!

— Представляю, как они разделаются с Лестером, если все выльется наружу,— сказала Дора.

Моника ругнулась по-французски и сказала:

— Если у бога появится наконец здравый смысл, он даст этому произойти.

Но Джуди очень расстроилась.

— Не будьте жестоки,— сказала она.— Ведь в этом нет необходимости.

Моника ушла, с негодованием бросив:

— Оставьте Пипа в покое. Не трогайте его. Если вы тронете его, я с вами разделаюсь.

— Пожалуйста, Кит,— не унималась Джуди.— Попробуй найти их.

— Послушай, Джуди,— сказал я ей.— Меня не трогает репутация твоего Лестера и мне нет нужды спасать его.

— Я бы не просила тебя,— тихо сказала Джуди.— Но Лестер не совсем здоров, а пить он никогда не мог. Пожалуйста, Кит.

Я знаю. Но этим ты, может быть, сможешь оградить Лестера от больших неприятностей.

И опять все то же самое — победитель рассчитывает на помощь своей жертвы.

— Ты только сам не исчезни,— крикнула мне вслед Айлин.— Сразу же привози их обратно.

Я объездил все бары и бистро в Ницце и Вилльфранше и начал понимать, какая ответственность была взвалена на Пипа. Я побывал во всех знакомых мне местах и потом вспомнил, что однажды в Париже Моника рассказала, как иногда она находила пьяного Пипа на Северном вокзале. Он шел туда специально, чтобы со следующим поездом уехать в Америку. Я стал обыскивать небольшие станции и действительно нашел их на платформе станции Вилльфранш, возвышающейся над одним из самых красивых заливов мира. У них шел пьяный спор о папе римском.

Была полночь. Увидев меня, они заявили, что я должен ехать с ними. В 12.30 прибудет поезд из Ментоны, следующий в Марсель. Оттуда на лайнере «Андреа Дореа» они собирались плыть домой, в Нью-Йорк.

— Не то место здесь, Кит,— говорил Пип, сердито размахивая руками в сторону восхитительно красивого неба, распростершегося над синевой залива под нами.— Не то место, стар... рина.

— Ты прав,— сказал я.— Так что давай пойдем отсюда.

Террада мрачно молчал, но Пип был оживлен и в агрессивном настроении.

— Нужно ехать домой, Кит, старина. Здесь нет места для верноподданного американца, как я.

— Это правда. Вот и поехали сейчас домой.

Пип обнял меня и сказал:

— Мы ждем поезд с минуты на минуту. Тебе надо тоже поехать с нами. Ты должен проследить, чтобы со мной не сыграли злую шутку. Они это могут, Кит.

— Я все об этом знаю.

— Нет, ты не знаешь, о чем говоришь. Ты там не был.

— Там не был, но я здесь, и сейчас время ехать домой.

— Этого не будет! — агрессивно выпалил Пип.— Ты не обманешь меня.

— Я не собираюсь тебя обманывать. Я хочу, чтобы ты отправился домой. Моника очень беспокоится о тебе. Также и Джуди.

— Ха-ха!

Я слышал шум приближающегося поезда. Это шел экспресс, который явно должен был промчаться мимо маленькой станции дальше к Ницце. Пип его не услышал. Но Террада встал с деревянной скамейки и поплелся к краю платформы. Я схватил его сзади, но он меня оттолкнул. Я попросил Пипа помочь и услышал в ответ:

— Оставь этого подонка. Он убегает от Джуди.

Но тут Пип тоже услышал поезд и так же, как Террада, направился к краю платформы. Я схватил и того и другого под руку и держал, пока старый паровоз, трясясь и вздрагивая, не прошел мимо. После этого я их отпустил.

— Теперь я не могу уехать домой, Пип,— сказал Кит.— Пропустил чертов поезд.

— Ничего страшного,— ответил я.— Завтра будет другой. Ты можешь поймать марсельский.

— Врешь.

— Пошли домой. Уже поздно, и все это мне надоело.

Террада крепко спал, прислонившись к красной каменной стене, покрытой густыми кустами расцветающей бугенвиллеи.

— Не засыпай,— попросил я, поддерживая покачивающегося и шаркающего ногами Пипа. Я думал, что мне делать с Террадой. Тут Пип царственным жестом под-

нял руку и с силой толкнул Терраду в грудь.

— Ты знаешь, что может спасти этого голубого мерзавца?

— Знаю. Возвращение к Джуди.

— Единственно, что может спасти этого великого американца,— сказал Пип, дубася Терраду по мощной груди,— это прощение. Полное и абсолютное отпущение грехов. Но я, старина, просто не могу этого сделать, потому что я не папа римский. Меня бесполезно просить. Я ему говорю, что этого нельзя сделать без папской буллы. А он говорит, что это совсем не обязательно. Я не могу дать ему отпущение, как бы он ни просил. Только святой мог бы это сделать.

— Хорошо, Пип. Мы напишем папе римскому, только давай увезем Лестера, потому что сегодня больше поездов не будет.

— Так и быть, я тебе помогу,— великодушно откликнулся Пип.— Ведь это мне ничего не стоит.

Тут он с силой схватил Терраду за рубашку, встряхнул его, порвав при этом ворот, и сказал:

— Продукция «Сирс Робак».

Вдвоем мы кое-как доволокли Терраду до машины. Всего лишь дважды разбудив, мы запихнули его на переднее сиденье. Он проснулся еще раз, когда Пип стал петь гимн «Германия превыше всего», и сказал, что это национальный гимн Богемии.

— Ты не можешь этого отрицать! — прогремел Террада.— Не можешь!

На этом все кончилось. Они уже оба спали, когда я передал Лестера в руки измученной Джуди. Она даже не могла его поддерживать. Я хотел было помочь, но тут Дора схватила его и чуть ли не на руках внесла в дом.

— Я хочу поговорить с тобой,— сказала Джуди, когда я садился в свой «рено».— Мне нужно кое-что тебе объяснить.

— Объяснять тут нечего,— ответил я.— Лестер пьян, вот и все.

— Но ведь, как правило, он не пьет. А мне надо объяснить тебе другое.

И в этот момент Пип вдруг распахнул заднюю дверцу машины и, ткнув в Джуди пальцем, сказал:

— Ха, ха... Он ушел, и ты его больше никогда не увидишь. Он дождался своего поезда до Чикаго. И он сказал, что никогда не хочет тебя видеть снова. Он мне сам так сказал, хотя звучит это чертовски жестоко. Так что больше ты его никогда не увидишь. Бог забрал Лестера...

Я втолкнул Пипа в машину и тут же уехал, опасаясь, чтобы он снова не вылез. Когда мы вернулись на виллу, он уже спал. С помощью Моники мне сравнительно легко удалось раздеть его и уложить в кровать.

Когда я ей рассказывал о том, что происходило на станции, Моника сказала:

— А ведь в один прекрасный день он действительно сядет на поезд, и пусть это будет ему уроком.

Она спросила, не говорил ли Пип что-нибудь о своей жене и о ее муже.

— Ничего особенного,—ответил я.—Все это была пьяная болтовня.

— Он не говорил, что произошло между ним и Террадой?

— Ничего вразумительного. Тебе самой придется у него спросить.

— Если он пошел у них на поводу, я его убью. Я убью его.

Она не стала спать вместе с ним. От него несло вином.

— Я лягу в детской,— сказала она. И Айлин приготовила ей постель в углу комнаты. Когда мы оставляли Пипа, он улыбался во сне, как человек, у которого нет никаких забот. Айлин очень хотела узнать, что произошло. Я ответил, что ничего. И сразу же отправился в кровать, чтобы она не подумала, что я от нее что-то скрываю. Я ведь и в самом деле не знал, что между ними произошло, и не стал даже спрашивать об этом Пипа, когда он, весь надломленный, спустился к завтраку. Но Пип, дрожащей рукой поднеся чашку кофе к губам, спросил:

— Как тебе удалось увезти нас со станции, Кит?

— Ведь ты сам помог мне дотащить Лестера до машины.

— А я не упал?

— Нет.

— А ты там была? — обратился он к Монике.

— Слава богу, нет. Я тебя ждала, как маленькая терпеливая американская домашняя хозяйка.

— Насколько я помню, так оно и было. Я просто хотел уточнить.

Интересно, что еще удержала память Пипа? Я решил, что помнил он достаточно много. Террада же явно ничего не помнил, так как в одиннадцать к нам явилась Джуди. Она сообщила, что в три часа дня они уезжают в Париж.

— Находиться вдалеке от дома для него слишком опасно,— сказала она.— Ты можешь еще приехать и повидаться с ним, Пип. Я оставила его в постели. Он неважно себя чувствует.

Пип отрицательно покачал головой.

— Он не помнит, что было вчера ночью. Он не уверен... Ты все с ним уладил?

Я считал, что Пип помнил, что он говорил и чего не говорил. Но он себя не выдавал.

— Ну что, уладил? Да не будь таким! Ты ведь знаешь, что с ним, не так ли?

— Да.

— В таком случае ты понимаешь, как важно ему заполучить твою дружбу, Пип. Так будь же великодушен.

Я не знал, о чем она говорит, но Пип знал.

— Я всегда был настолько великодушен, насколько мог,— сказал Пип. И добавил с огромным достоинством: —...в связи с обстоятельствами.

— Хорошо, хорошо,— попросила Джуди,— скажи ему только, что ты его простил. Видишь, Пип, я говорю с тобой откровенно.

— Я уже сказал, что ему нужно. Прощение Лестеру может дать только тот, кто выше меня. Ему нужен священник, Джуди. Тот, кто может отпустить ему все грехи.

— Но он по-прежнему верит, что правильно поступил, Пип. Он не может себя изменить.

— Я тоже не могу себя изменить,— сказал Пип.

— В таком случае согласись, что вы смотрите на вещи по-разному и что он должен был поступить так, как он поступил.

— Все это дерьмо,— отрезал Пип, и лицо его посерело.

— Если ты хоть в чем-нибудь не пойдешь ему навстречу, ты будешь его настоящим палачом,— заявила Джуди.

— Вам бы лучше уйти отсюда,— сказала Моника.

— Я еще не кончила,— ответила Джуди.

Мы сидели под нашим большим лавровым деревом, прислушиваясь к хору цикад.

— Я приеду проводить его на станцию,— сказал Пип.

Перед уходом Джуди пожала ему руку.

Теперь все мы с ужасом ждали прощания. Пип, казалось, физически готовил себя к тому, чтобы найти мужество сделать то, о чем его просили. Он один пошел на прогулку, принял холодный душ, надел чесучовую летнюю рубашку и отутюжил льняные брюки. Пип немного поспал и, когда мы отправлялись на станцию, выглядел спортивно подтянутым.

На этот раз он сказал Монике, что поедет один. Но она тут же заявила, что мы поедем все вместе. Я тоже на этом настоял. Пип передернул плечами и сказал:

— Хорошо. Только не вмешивайтесь.

— В таком случае не строй из себя дурака,— резко сказала Моника.

В три часа двадцать минут мы все стояли под высокой прохладной крышей вокзала в Ницце. Мы приехали первыми, но через несколько минут с багажом гостей и носильщиками прибыла Дора, а уже за ней появился совсем не спортивный, больной и помятый Террада вместе с Джуди и маленьким Лестером. Все мы чувствовали себя неловко и с нетерпением ожидали поезда. Он стоял на этой станции лишь несколько минут, так что все надо было обговорить заранее.

Пип вел себя с нами очень весело и благодушно. Казалось, наконец он обрел свое душевное спокойствие. Террада же походил на человека, который должен был занять очень важный и трудный пост. Мы просто стояли и ждали. Джуди крепко держала маленького Лестера за руку, чтобы он не убежал к Терраде, и рассеянно разговаривала с нами. Потом мы услышали приближающийся поезд.

В это время Террада стоял в нескольких шагах от нас, и я слышал, как Джуди подавленным голосом просила Пипа:

— Пожалуйста, Пип, всего лишь одно слово!

Я видел, что на Пипа, как и прежде, стали давить — супруги Террады знали, как и в какой момент на него можно воздействовать. Они рассчитывали на его врожденную культуру, благородство, щедрость, чувство сострадания, которое так глубоко могут испытывать американцы. Я видел, что все это начало действовать на него.

Я подавал ему сигналы глазами: «Только не поддавайся. Не сейчас, Пип. Не уступай им, ради бога!»

Но Пип не воспринял мой сигнал, и по тому, как он потупил свой взор, я понял, что Террады, неизвестно каким образом, все же одержали верх.

Я отвернулся. Я ничего не хотел ни видеть, ни слышать. Но тут Джуди, чувствуя, что она побеждает, решила закрепить свою победу. И в этом была ее ошибка.

— Ты поступаешь правильно,— сказала она Пипу.— Ведь Лестеру надо возвращаться в ту Америку, частицей которой он является. И он не может сейчас идти ни на какой риск.

Это была роковая ошибка. Я увидел, как Пип выставил вперед свой свежевыбритый подбородок, будто этот его спортивно-аристократический вид мог иметь какое-либо значение. И он с удивительным облегчением вдруг проговорил:

— Когда-нибудь, Джуди, я возвращусь в ту Америку, к которой принадлежу я. И что же тогда будет?

Джуди ждала его дальнейших слов. Но ничего не последовало.

— Это все, что ты можешь мне сказать? — крикнула она.

— Абсолютно все,— ответил он, и, как бы не доверяя себе, обратился к Терраде и сказал, насколько мог жестко: — Прощай, Лестер, прощай, старик.

Поезд пришел. Террада в состоянии полной прострации повернулся и ушел в вагон, не попрощавшись ни с кем. По лицу Джуди текли слезы. А Пип сказал тем же равнодушным тоном:

— Прощай, Джуди, прощай, маленький Лесс.

Он поцеловал сына и помог ему подняться вслед за багажом. После того, как вошла Джуди, тяжелые двери вагона захлопнулись, и поезд тронулся. На мгновение их лица промелькнули в окне. Я никогда не забуду опухшие глаза Террады, вглядывающегося беспомощно в те пугающие горизонты, за которыми скрывалось ничто.

— Бедняга умирает от рака,— сказал Пип.— Ему осталось жить лишь несколько месяцев.

— Боже мой, так вот в чем дело!

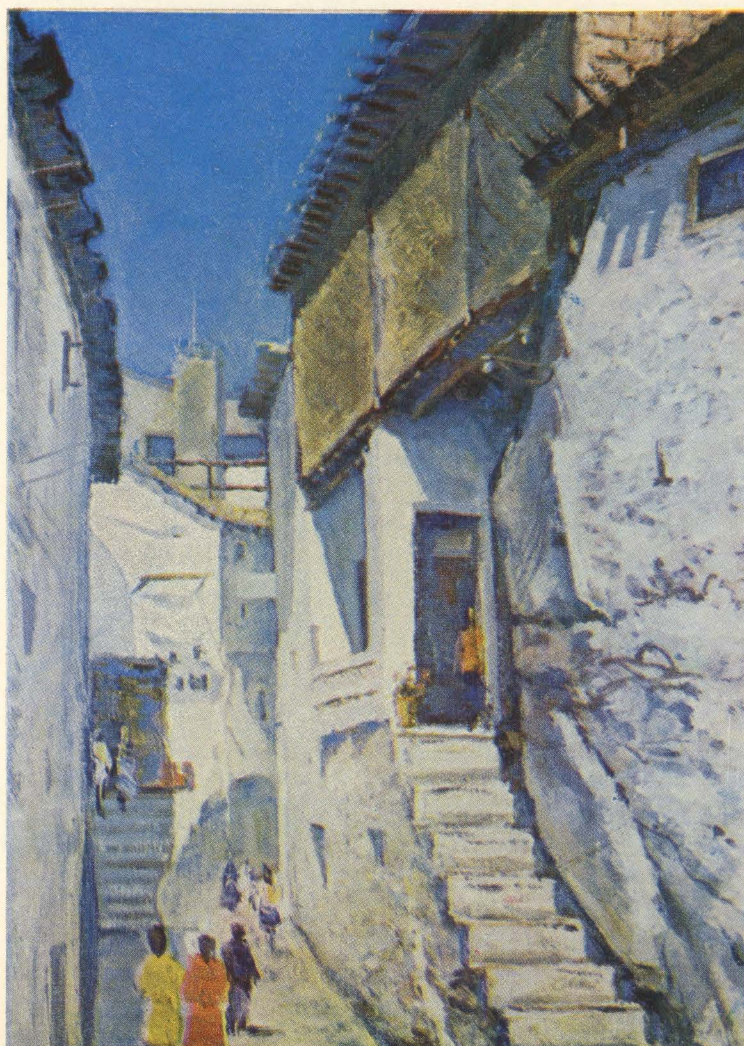
— Да. Но это не играет никакой роли, Кит. Ведь совершенно никакой. Верно, Кит?

И тогда я понял, что Пип действительно выдержал испытание. Он не только перенес позор и муку изгнания. Он переборол призывы к его американскому патриотизму, в основе которых лежало требование предать свои собственные принципы. Он даже пережил это. И мне кажется, он теперь знал, что полностью восстановил свое достоинство гражданина Америки.

Что касается меня, то я с восхищением смотрел на него и впервые за долгое-долгое время почувствовал, что для Америки есть надежда на будущее.

Перевод с английского Т. ОРЛОВОЙ.

В. Абакумов. Род. 1923. НОЧНОЙ МАДРИД.

ДВОРИК В ГРЕНАДЕ.

В. Бурлаков. Род. 1919. ГВАДАЛКВИВИР.

В ТОЛЕДО.

ПО ДОРОГАМ ИСПАНИИ

В. АБАКУМОВ

Не так давно в Москве, в Доме дружбы, состоялась выставка работ Виталия Васильевича Абакумова и Всеволода Федоровича Бурлакова, созданных под впечатлением поездки в Испанию. Экспозиция была организована в связи с учредительной конференцией общества «СССР — Испания».

Несколько лет назад большая группа советских художников посетила Испанию. Это была первая после длительного перерыва поездка деятелей нашего искусства на родину Веласкеса и Гойи.

Был конец сентября. Прекрасная пиренейская осень со своими слегка приглушенными красками наложила особый отпечаток на настроение всей нашей поездки.

Когда самолет стал снижаться, мы увидели морские причалы крупного порта, строения, утопающие в темной зелени, уже несущей на себе первые следы осени, архитектурные ансамбли из светлого камня.

Но вот самолет приземлился, и мы попали в невысокое помещение аэропорта, набитый пассажирами таможенный зал. Помещение было современным, похожим на многие построенные в последние десятилетия авиапорты мира. Ничего собственно испанского здесь не было.

Но, впрочем, испанский темперамент, знакомый нам по книгам, картинам, музыке, танцам, проявился уже здесь. Наши чемоданы, наполненные сувенирами, главным образом изделиями палехских, федоскинских, дымковских мастеров, вызвали у таможенников несвойственные их профессии восторги. Конечно, мы преподнесли дары нашим первым ценителям.

А за стеклянными дверями аэровокзала нас ждала Испания.

Знакомство со страной мы начали с Барселоны, которая поражает художника сочетанием старых построек и современной архитектуры. Шумные бульвары, ярко освещенные улицы, бесчисленные вывески, реклама. Создается впечатление, что жизнь здесь не утихает и ночью. На центральном бульваре в киосках продолжается торговля, торгуют всем — черепахами, открытками, попугаями, маленькими обезьянками, винами. Музеи города, готические соборы, каравелла Колумба, причудливые создания архитектора Гауди произвели захватывающее впечатление.

В Барселоне существует еще одно чудо испанской культуры — архитектурный музей, который занимает целый квартал города. Здесь представлено зодчество многих веков и многих провинций Испании.

Следующий город, который мы посетили, была Севилья, древний город на реке Гвадалквивир. Кто не помнит пушкинских стихов:

Ночной зефир
Струит эфир.
Шумит,
Бежит,
Гвадалквивир.

Наше представление об Испании, в которую мы были влюблены с детских лет, с тех пор, когда по школьным картам следили за испанской войной, при ближайшем знакомстве не раз смещалось. Так, например, оказалось, что Гвадалквивир очень спокойная река. В этом мы убедились, зачарованно глядя с моста на ее спокойное течение. Но обаяние пушкинских строк осталось незыблемым.

Севилья хранит в самой себе память тысячелетий своего существования. Ночью в городе подсвечены все постройки мавританской эпохи, более поздние здания, которым тоже много лет.

Ночью я открыл ставни гостиничного номера и был ошеломлен: такого ощущения я никогда не испытывал. Протяни руку, и словно ощутишь бархат. Художники говорят об одной из красок: сажа бархатная. Ночь была такая же темная-темная. Казалось, что ее можно было резать на квадраты, что из нее можно лепить.

Утром следующего дня мы отправились на экскурсию в церковь святой Макарены, покровительницы тореадоров. Нас поразило великолепие убранства. Мавританская резьба, золотые украшения, скульптура в человеческий рост, раскрашенная в натуральные цвета. Святая Макарена одета в красивое платье, украшенное изумрудами, на лице ее слезы, сделанные из бриллиантов: она оплакивает погибших тореадоров.

У подножия скульптуры костюмы тореадоров, которые перед боем приходили сюда молиться, а после удачи приносили в дар свою роскошную боевую одежду.

Испанская архитектура, удивительное градостроение, внутреннее убранство храмов настолько заполнили наше воображение, что с живописью Испании подробно мы стали знакомиться только в Толедо.

Собственно говоря, и в Толедо мы особенно живо почувствовали дух испанской истории. Этот город ревностно соблюдает правило, касающееся всех испанских городов,— строго охраняет свое прошлое. Самое незначительное изменение внешнего вида любого дома здесь запрещено. Городские власти издали специальные законы по этому поводу. Даже замена одного старого кирпича, вызванная необходимостью, становится предметом особого внимания властей, архитекторов, художников. Надо сказать, что любовь всех толедцев к своему городу служит лучшей гарантией исполнения таких законов.

Вообще испанцы тщательно берегут все национальное. Не только архитектуру, не только живопись или скульптуру, но и сам быт, национальные привязанности, которым всегда остаются верны. И приезжим они с веселой гордостью показывают свои праздники, свои карнавалы, на которых танцуют знаменитый танец фламенко.

...В Севилье известный советский искусствовед Владимир Семенович Кеменов спросил директора гостиницы, где находится церковь святого Эрменгильдо, в которой должен быть портрет падре Кристобаля Суареса де Рибера работы Веласкеса. Хозяин гостиницы и сотрудники туристской фирмы не знали этого и уверяли, что там нет Веласкеса. Оказалось, что вместо ожидаемой картины, которая была написана специально для этой церкви, теперь висела не совсем точная ее копия без подписи. Подлинник же забрали в севильский музей. Увидел его Владимир Семенович только на выставке во дворце Алькасаар.

В Толедо есть музей Эль Греко. В церкви Сан Томе находится одна из лучших его картин — «Погребение графа Оргаса», на которой художник изобразил всех знатных толедцев, написав и свой портрет. Надо сказать, что раньше для меня богом в живописи был Веласкес, за ним шел Гойя, потом Мурильо и Сурбаран. Но когда в Толедо мы увидели живопись Эль Греко, для нас всех он стал первым из испанских художников. Его сила — в фантастическом мастерстве, в психологическом раскрытии образа. Он удивительно улавливает асимметрию лиц в ее тонких, почти незаметных нюансах — смещение глаз, подбородка. Неуловимо, но это жизнь, и это видит мастер. У Веласкеса живопись реальная, мощная, сильная. Так же писали Мурильо, Сурбаран. А Эль Греко не особенно нагружает холсты. В его картинах на библейские сюжеты фигуры несколько утрированно вытянуты и все же создают удивительное ощущение своеобразной гармонии. Даже если ты сначала сопротивляешься этому, то постепенно, поверив художнику, входишь в его мир и выйти оттуда уже не можешь — он тебя захватывает, покоряет. Мы увидели десятки работ Эль Греко. И радостно, что краски на картинах художника звучат так же ярко, как и прежде.

...Мы едем по дорогам Испании. То серый, то черный асфальт шоссе вьется среди бесконечных белых песчаных дюн. Вдали возникают и исчезают четко организованными группами оливковые деревья. Зелень неяркая, как будто покрытая пылью.

Но вдруг совершенно неожиданно происходит смена пейзажа. Дорогу обступает зелень, вырастает скала, мощная, острая. Кончилось спокойное плоскогорье. Под этим впечатлением я написал картину «Дороги Испании».

Деревни Испании — белые-белые. Дома в один плотный ряд, ни просвета между ними, ни переулочка. Посредине таверна.

Как-то наш автобус остановился рядом с другими туристскими автобусами в таком селении. В таверне продолжали сидеть крестьяне, невозмутимо потягивая вино. Но когда кто-то крикнул, что один из автобусов привез русских, все изменилось. От сонливой чопорности не осталось следа. Нас обступили, громко приветствовали, начался радостный обмен значками.

В Мадриде нашу группу очень тепло и гостеприимно принял известный испанский скульптор Хуан де Овалос.

Мы обошли многие мадридские музеи. Но основное время нашего пребывания в столице Испании прошло в Прадо — в великолепной сокровищнице мировой живописи, где целые залы занимают картины Веласкеса,— это самое лучшее в мире собрание его гениальных портретов и композиций, таких, как «Взятие Бреды», «Менины», «Пряхи». В других залах — работы Рубенса, Сурбарана, Мурильо...

И нам посчастливилось увидеть шедевры Рафаэля!

День наш был заполнен, как день каждого туриста. Но мы художники. И, конечно, стремились находить время, чтобы работать. Сделали много зарисовок, набросков, этюдов. Многие из них были показаны на выставке в Доме дружбы.

ПАРИЖСКИЕ НАХОД

Очередная встреча в творческом клубе «На «Огонек» состоялась с человеком, чье имя широко известно. Илья Самойлович ЗИЛЬБЕРШТЕЙН, видный ученый, доктор искусствоведения,— многолетний автор нашего журнала. А начиналось все так...

Более полустолетия назад в одном из номеров «Огонька» было напечатано необычное объявление. Оно уведомляло читателя о том, что с нового, 1927 года журнал начинает публикацию «коллективного романа 25 авторов».

Теперь это сочинение, задуманное первым редактором «Огонька» Михаилом Кольцовым, представляет библиографическую редкость: оно никогда не переиздавалось, хотя в числе его авторов были такие выдающиеся таланты, как А. Толстой, К. Федин, Л. Леонов, М. Зощенко, Б. Лавренев, И. Бабель, А. Новиков-Прибой, А. Грин и другие замечательные писатели. Одним из «организаторов» занятного произведения был Илья Зильберштейн, в те годы ленинградский представитель нашего журнала, молодой исследователь, литературовед и искусствовед, напечатавший к тому времени в «Огоньке» ряд статей о Пушкине, Полежаеве, Льве Толстом, а в «Библиотеке «Огонька» выпустивший книжку «Из бумаг Пушкина. Новые материалы».

Много с тех пор утекло воды, нет в живых большинства авторов «коллективного романа», ставшего своеобразным экспериментом-шуткой крупных мастеров пера. Но роль в этой затее самого И. С. Зильберштейна весьма знаменательна и как бы символизирует всю его поистине подвижническую деятельность, без которой черты русской литературы и искусства были бы далеко не полны. «В нем, — как сказал Ираклий Андроников, — соединились даровитый, многознающий и памятливый исследователь литературы с журналистом самой высокой квалификации, который может раздобыть решительно все». Скоро выйдет уже 90-й том «Литературного наследства», издания, которому И. С. Зильберштейн посвятил сорок восемь лет жизни и которое известно теперь всему ученому миру.

У истоков «Литературного наследства» стоял тот же Михаил Кольцов: именно к нему пришел в 1931 году И. С. Зильберштейн с проектом выпуска сборников неизданных материалов по истории русской литературы и общественной мысли. Эту идею Кольцов поддержал, и через восемь месяцев первая книга уже увидела свет.

А сколько нужно было затратить энергии, знаний, времени, настойчивости, чтобы его коллекция отечественной и западноевропейской живописи и графики, собираемая всю жизнь и предназначенная И. С. Зильберштейном для передачи государству, стала такой превосходной!

История знакома с различными гранями подобной деятельности: еще на рубеже столетий ее представлял С. П. Дягилев, вдохновитель журнала «Мир искусства», организатор триумфального шествия по Западной Европе русского балета. Непосредственная преемственность дела собирательства и сохранения русских национальных реликвий в данном случае очевидна: вот уже больше двадцати лет дружит Илья Самойлович с ближайшим сподвижником Дягилева, всемирно известным танцовщиком и балетмейстером С. М. Лифарем, и именно с этого знакомства начались знаменитые «Парижские находки» — возвращение домой бесценных сокровищ нашей литературы и искусства.

В 1966 году И. С. Зильберштейн поехал на три месяца во Францию, отыскал и привез в Центральный государственный архив литературы и искусства СССР 12 тысяч первостепенных документов. Значение этого правого дела было понято, его поддержала общественность, лучшие люди нашей науки и культуры. Вот, например, строки из письма П. Капицы, С. Коненкова, Л. Леонова, Г. Улановой, Д. Шостаковича и И. Эренбурга, опубликованного в «Литературной газете» вскоре после возвращения И. С. Зильберштейна из первой поездки в Париж: «Немало нынешних владельцев ценнейших рукописных материалов и архивов уехало за рубеж, в частности во Францию, еще детьми. Многие эмигранты, которые сознательно покинули Россию в 1917 году, не приняв Великой Октябрьской социалистической революции, на протяжении последующих десятилетий изменили свое отношение к нашей стране. В большинстве — это люди, с любовью относящиеся к русской культуре, и мы не сомневаемся, что многие из них будут рады отправить на Родину хранящиеся в их архивах реликвии. В этом отношении характерны строки из письма В. Н. Звегинцова к И. С. Зильберштейну: «Вы не можете себе представить, какой камень спал с моей души после того, что благодаря Вам удалось все эти предметы вернуть домой, на Родину».

Поездки, оказавшиеся делом большой культурной важности, продолжались, стали регулярными, и теперь привезенные Ильей Самойловичем Зильберштейном рукописные материалы и произведения русской живописи хранятся не только в ЦГАЛИ, но и в Центральном партийном архиве, в Музее Л. Н. Толстого, в Третьяковской галерее, в Музее изобразительных искусств, в музее Репина «Пенаты», в Театральном музее имени А. А. Бахрушина, в Музее музыкальной культуры имени М. И. Глинки, в Государственном музее А. С. Пушкина, в музее «Домик М. Ю. Лермонтова» в Пятигорске, в Ленинской библиотеке. А «Огонек» уже больше десяти лет с удовольствием представляет «Парижским находкам» свои страницы, где увлекательно рассказывается о розыске неизвестных пушкинских материалов и наследия декабристов, произведений Венецианова, Боровиковского, Петра Соколова, Кипренского, Карла и Александра Брюлловых, Репина, а также картин Лермонтова, рукописей Гоголя, Тургенева, Льва Толстого, Горького...

Недавно И. С. Зильберштейн возвратился из очередной поездки в Париж. И вот что он рассказал:

И. С. Зильберштейн выступает в клубе «На «Огонек».

Фото Г. РОЗОВА

Обсуждение замысла коллективного романа «Большие пожары» для журнала «Огонек». Ленинград, 1926 год. Слева направо: М. Е. Кольцов, Б. А. Лавренев, А. Н. Толстой, И. С. Зильберштейн, М. Л. Слонимский, Л. С. Рябинин, К. А. Федин.

— Пушкин в «Путешествии в Арзрум» вспоминает слова своего приятеля П. В. Шереметева, побывавшего во французской столице: «Худо, брат, жить в Париже: есть нечего; черного хлеба не допросишься!» Что верно, то верно: черного хлеба действительно не допросишься потому, что его попросту нет, но зато Париж до сих пор представляет большие просторы для поисков и находок. Именно для этих поисков я и должен был поехать в октябре прошлого года во Францию по командировке Министерства культуры СССР. Однако неожиданно возникло еще одно дело, и дело это оказалось непосредственно связано с «Огоньком». Десять лет назад в серии моих работ «Парижские находки» был напечатан большой очерк «Иван Тургенев, Лев Толстой, Анатоль Франс», повествующий благодаря новооткрытым материалам о том, как Иван Сергеевич Тургенев после выхода в свет французского перевода «Войны и мира» поднял на ноги весь литературный Париж, начиная от Флобера и кончая молодым Анатолем Франсом.

Очерк, видимо, имел международный резонанс. Во всяком случае, когда в Москву на толстовские торжества приезжал живущий в Париже внук великого писателя С. М. Толстой, он просил, чтобы я выступил с этой темой на юбилейном толстовском коллоквиуме во Франции. Итак, 8 октября я уехал, а три дня спустя уже стоял на трибуне. Надо сказать, что толстовский праздник в Париже прошел чрезвычайно интересно: представители десяти стран

мира сделали более тридцати докладов и сообщений, посвященных величайшему гению русской литературы. Шесть дней пролетели как один миг, и по окончании коллоквиума, не теряя времени, я занялся тем, ради чего и приехал в Париж.

Собственно, первая если не находка, то приобретение было сделано на самом симпозиуме: Сергей Михайлович Лифарь преподнес мне «царский подарок» — том «Стихов о Прекрасной Даме» Александра Блока. На титуле книги надпись по-французски, слова Флобера — «Высокой идеей бесконечности я дышу, она меня притягивает», а затем уже по-русски — «О, искавший Флобер, ты предчувствовал нас. От неизменного почитателя Александра Б л о к а, СПБ, 1911». Книга была подарена Блоком поэту Бальмонту, который в числе других немногих книг взял ее за границу. Для меня же это оказался подарок дорогой вдвойне — не только оттого, что я преклоняюсь перед Блоком, но и оттого, что сейчас мы готовим двухтомник «Литературного наследства», ему посвященный. Там будет, в частности, большая публикация «Дарственные надписи Блока на книгах», где фигурируют свыше двухсот редких автографов, и этот безоговорочно их увенчает. Тем более что Флобер в духовной жизни Александра Блока и его семьи занимал значительное и особое место.

Добавим к этому, что С. М. Лифарь сделал на экземпляре книги Блока знаменательную передаточную надпись: «Илье Самойловичу Зильберштейну, литературному «просветителю просвещенных» — верному другу Отечественной культуры...»

— Еще несколько слов о Сергее Михайловиче Лифаре. Недавно я составил список того, что подарил он Родине за последние двадцать лет, и список этот занимает несколько страниц. Только в последний свой приезд в Москву он передал немало замечательных вещей, в том числе автограф предисловия, составленного Тургеневым в 1878 году к публикации им в петербургском «Вестнике Европы» одиннадцати писем Пушкина (десять к невесте и одно к будущей теще). Подлинники этих одиннадцати писем гения русской литературы также хранятся в коллекции С. М. Лифаря, и вряд ли найдется в нашей стране человек, который не был бы счастлив, узнав, что эти реликвии все же вернутся на Родину.

Но уже теперь, во время моего последнего посещения Парижа, Сергей Михайлович снова безвозмездно передал ряд замечательных вещей. Среди них — альбом известной в прошлом меценатки М. К. Тенишевой: в нем девяносто великолепно сохранившихся акварелей Головина, Коровина, Якунчиковой, Малютина и других известнейших русских художников. Альбом интересен, в частности, и тем, что ни одна акварель никогда не публиковалась и не экспонировалась.

От Лифаря же привез я и десять автографов русских художников, писателей, самые интересные из которых — два письма Маяковского. Кроме Маяковского, в этой подборке автографов письма Левитана, Репина, Рериха, Серова...

Парижские находки бывают подчас совершенно неожиданны. К примеру, один из знаменитых книжных антикваров подарил СССР исполненную в 1905 году великолепную работу скульптора Н. Л. Аронсона «Молодой пролетарий» — совершеннейшую жемчужину пластического искусства, на которую претендует теперь Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина, где этот мастер пока не представлен. Кстати, А. В. Луначарский вспоминал, как он вместе с В. И. Лениным посетил в 1904 году в Париже мастерскую этого скульптора, взявшегося в дальнейшем за создание образа Владимира Ильича. Теперь бюст, выполненный из красного мрамора, находится в Музее В. И. Ленина в Москве. У того же антиквара удалось получить и необычайно интересный альбом, заполненный редкими открытками, изображающими участников балетных спектаклей, показанных в 1910-х годах в Париже в «Русских сезонах» Дягилева.

Многое передала из архива отца, замечательного художника и деятеля культуры Александра Николаевича Бенуа, его дочь А. А. Черкесова: например, эскизы декораций и костюмов для инсценировки по роману Достоевского «Идиот», имевшей в 1920-х годах в Париже необыкновенный успех. Все листы редкой сохранности, они не выцвели, а пролежали больше пятидесяти лет в закрытых папках: эта сюита — неповторимая тема для публикации.

Я уже говорил, что в Париже много возможностей, и в эту поездку тоже мне удалось коечто разыскать. Вот книга Герцена с дарственной надписью Жорж Санд. Вот второй и третий выпуски записок декабристов, подаренные им же супруге Бакунина. Эту замечательную женщину Герцен упоминает в 1858 году в письме к историку Жюлю Мишле: «Бакунин женился на дочери ссыльного поляка, он живет в Иркутске под надзором полиции. Царь хотел его полностью амнистировать,— посланник саксонского короля протестовал!» Вот «Воспоминания Екатерины II», изданные Герценом и преподнесенные им прогрессивному деятелю Луи Блану.

Вообще хочу сказать, что книги с дарственными надписями — это нечто совершенно особое. Если держишь такую книгу в руках или просто смотришь на нее, будто бы ощущаешь те движения души человека, которые происходили в нем, когда он дарственную надпись делал. Особенно это чувство трепетно, если дарители Герцен, Тургенев, Толстой, Достоевский, Блок — в нем приобщение к этим великим людям.

С именем Герцена связана и еще одна парижская находка, но на этот раз не моя, а замечательного нашего художника и искусствоведа Степана Петровича Яремича, частенько наезжавшего во Францию в начале нынешнего века. Это — чудесная многофигурная миниатюра на медной пластине, внизу подпись: «1825 год. Летунов». Теперь мне удалось раскрыть историю вещи. Живописец Иван Летунов — крепостной знаменитого сенатора Яковлева, дяди Александра Ивановича Герцена, автор портретов его отца и матери. Я выяснил, что миниатюрная картина ведет свое происхождение из коллекции П. П. Свиньина, владельца первого «Русского музеума». Однако при его жизни собранием этим никто не интересовался, и со временем он его распродал: многое ушло за кордон. Вот так зачастую открываются новые имена замечательных русских художников.

Из Франции привез я также множество фотокопий писем Петра Ильича Чайковского. Дело в том, что там остался архив его большого друга, видного музыкального критика Г. А. Лароша. Письма на редкость содержательные, а одно из них трогает до слез. Еще не изучена биография Петра Ильича во всех деталях, но письмо, в котором он за три месяца до своей кончины просит Лароша одолжить ему тысячу рублей, высвечивает трагическую черточку жизни великого композитора.

А вот еще одна неожиданная вещь, которая, к счастью, также вернулась в Россию. Известно, что иконография Сергея Есенина весьма незначительна, его прижизненных художественных изображений сохранилось крайне мало. Этот лист из альбома А. Н. Бенуа — Есенину здесь двадцать лет. В давние годы лист попал в США. Теперь он в Москве.

В Париже удалось получить значительную часть архива писателя Алексея Михайловича Ремизова. Есть в нем сочинение «Как научиться писать?», напоминающее работу Маяковского,— соображения на эту тему заполнили три увесистые тетради. Привезено в Москву многое из наследия Петра Александровича Нилуса, художника, большого друга Бунина. В ЦГАЛИ хранится около ста семидесяти писем Нилуса к Бунину, свидетельствующих о чрезвычайной близости их отношений. Кроме занятий живописью, Нилус пробовал свои силы в прозе, и многое получалось у него весьма недурно. Вот что писал ему Куприн в 1923 году: «Ивану Алексеевичу Бунину я послал твои рукописи. Прочитал их. Один рассказ (заглавие — имя собственное), где киносъемки, просто очарователен. Из всех твоих рассказов, а я почему-то их в последнее время полюбил, он выпирает. Но что это у вас, молодежи, за мода? Или боязнь, или обычай никогда не закончить рассказа, а оборвать его — этакий «полутон». Страшит вас сюжет, грозит пальцем тень Чехова? Нахожу эту манеру искусственной и невежливой. Но вообще пишешь ты и мужественно и нежно и ни на кого, кроме косолапого, скуластого, зоркого и милого Нилуса не похож». Мне думается, что критические замечания Куприна отменно хороши, содержательны и не утратили своего значения по сегодня, если применить их к некоторым молодым современным литераторам.

Книги с автографами, привезенные из Парижа.

Завершая наш разговор, мне хотелось бы вернуться к имени и образу Сергея Павловича Дягилева. Ведь, по существу, благодаря ему сохранились в неприкосновенности многие из бесценных реликвий нашей культуры, которые сегодня постепенно возвращаются на Родину. Ныне в издательстве «Изобразительное искусство» подготовлен двухтомник «Сергей Дягилев пропагандирует русское искусство»: здесь его статьи, интервью, интереснейшая и обширнейшая переписка. О том, кем был Дягилев, хорошо сказал в связи с открытием посвященной ему в 1939 году выставки Н. К. Рерих: «Сергея Павловича мы любили. Он совершал большое русское дело. Творил широкие пути русского искусства. Все, что делалось, было своевременно и несло славу русского народа далеко по всему свету. С годами можно лишь убеждаться, насколько работа была особенно трудною. Сколько враждебности и навета окружало все, что слагалось Дягилевым и «Миром искусства».

Но и в самые трудные часы Дягилев не падал духом. У него хватало природной стойкости, чтобы одинаково на своих плечах выносить и разрешать самые запутанные положения.

Весь «Мир искусства» — журнал, портретная выставка, балет, опера,— все это легко теперь перечислять, но трудно измерить, какая бездна энергии потребовалась для каждого из этих дел...

Очень показательно, что Дягилева в последние годы потянуло к библиофильству. Он почуял, что надо спасать и окружить особою бережностью. Дягилев и Бенуа дали незабываемый путь искусства. Хулители на все найдутся. Наверное, кто-то поносит «Мир искусства» вообще. Но история русского искусства сохранит это движение на одной из лучших своих страниц».

О возвращенных в Россию сокровищах и о том, что еще, к сожалению, остается за рубежом, я мог бы говорить без конца, мог бы и работать по сорок восемь часов в сутки, если бы такое было возможно. Новые очерки я принесу, конечно же, в «Огонек»: ведь именно здесь все для меня начиналось. Первое, чем я займусь, будут «Письма русских корреспондентов к Бальзаку». Во Франции я работал над ними в Национальной библиотеке: это интересные по своему содержанию письма наших соотечественников — они необыкновенно расширяют представления о российских культурных связях в те далекие времена, освещают новые серьезные штрихи истории. Как такое не подготовить и не напечатать?

Что ж, и редакция и, надеемся, читатели будут ждать этих очерков с большим нетерпением. Парижские находки продолжаются...

Рассказ доктора искусствоведения И. С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙНА записал А. БАСМАНОВ.

КИ ПРОДОЛЖАЮТСЯ

ВОСХОЖДЕНИЕ

Новым успехом советских фигуристов закончился чемпионат мира в Вене. Две золотые медали, одну серебряную и одну бронзовую увезли домой наши спортсмены. Наибольший успех выпал на долю учеников Елены Анатольевны Чайковской. Владимир Ковалев во второй раз стал чемпионом мира, оставив позади таких сильных мастеров одиночного катания, как англичанин Р. Казенс, спортсмен из ГДР Я. Хоффман, американец Ч. Тикнер, а Наталия Линичук и Геннадий Карпоносов также во второй раз завоевали первенство по танцам в исключительно напряженной борьбе с венгерской парой — Кристиной Регоци и Андрашем Салаи и своими товарищами по команде Ириной Моисеевой и Андреем Миненковым.

Перед отъездом в Вену мы попросили тренера Наталии Линичук и Геннадия Карпоносова Е. А. Чайковскую написать о том, как создавалась танцевальная пара Линичук — Карпоносов. К тому, что было написано о них до отъезда на чемпионат мира, автору пришлось дописать всего несколько слов.

Елена ЧАЙКОВСКАЯ,
заслуженный тренер СССР

Фото А. БОЧИНИНА

«Как вы угадали в них будущих чемпионов?» — иногда спрашивают меня о Наталии Линичук и Геннадии Карпоносове. И я не знаю, что мне ответить. Просто не знаю, что и сказать, ибо вначале и речь не шла о том, что они когда-нибудь начнут танцевать вместе. Была у меня танцевальная пара Елена Жаркова и Геннадий Карпоносов. Многократные призеры первенств страны, участники чемпионатов мира и Европы, чемпионы Всемирных зимних студенческих игр 1972 года в Лейк-Плэсиде. И была совсем еще юная Наташа Линичук, которую привела в 1971 году ко мне ее мама и попросила посмотреть: «Может быть, возьмете ее к себе, а партнер потом отыщется». Пути их хотя и сошлись в нашей динамовской школе, но никто не думал, что именно Карпоносов станет ее партнером.

Наташа Линичук до этого сменила уже двенадцать тренеров. Ориентиров расставляли перед ней так много, что можно было бы потеряться. Но она все-таки не потерялась. Я это заметила сразу. И именно это решило тогда ее судьбу. Как сейчас помню: каток «Кристалл», звук гуляет и путается в рифленом потолке, свет голубоватый и холодный. Девочка с высоким лбом, неулыбчивая и вся натянутая...

Когда я знакомлюсь с новичком, я никогда не прошу его специально мне что-нибудь показывать. Просто выпускаю его на лед и говорю: «Покатайся, поскользи, сделай то, что тебе приходит в голову. Катайся вместе со всеми, а в конце тренировки посмотрю, что ты умеешь...» Новичок ведь не знает, что годами я выработала в себе особое зрение, которое охватывает сразу весь каток. Я запоминаю даже то, что находится, так сказать, на периферии — в боковых секторах обзора.

Вернусь, однако, к Наташе. И сегодня помню, как сразу, не раздумывая, выехала она на простор катка. Уже тренировались чемпионы Европы и мира Людмила Пахомова и Александр Горшков, уже начали прокат отдельных частей произвольного танца Елена Жаркова и Геннадий Карпоносов, пошли на высокие поддержки Галина Карелина и Георгий Проскурин, и между ними заскользила тоненькая девчонка. Вот взмахнула она рукой. Набрала скорость. Сделала поворот, другой. Конечно, слабенькая еще. На фоне других в особенности. Но проехала мимо, посмотрела искоса — даже с вызовом. Снова взмахнула рукой и пошла дальше, по следу старших.

Подъехал к борту Карпоносов, заулыбался:

— Ну и нахалка девчонка...

Когда закончилась эта первая тренировка Линичук в моей группе, я сказала, что беру ее к себе. И вновь внимательно посмотрела, как она отреагирует на это сообщение. Приняла сдержанно. Даже как должное. И это мне тоже понравилось: не люблю заискивающих улыбок, чрезмерных благодарностей, расшаркиваний.

Я покривила бы душой и погрешила бы против истины, если бы сказала, что после той первой тренировки всерьез подумала о перспективах Наташи. В предолимпийском сезоне мне было о ком и о чем думать. И для начала я дала ей только одно задание: выучить все танцы, «сев на хвост» Пахомовой и Жарковой. Постараться заучить все сложные шаги из их произвольных программ.

«Кататься будешь пока одна. Работы у тебя хоть отбавляй. Учись у старших. И я и они тебе помогут, если что-то не поймешь. Но больше старайся запоминать сама. Я проверю еще не раз, как ты запоминаешь то, что видишь на тренировке. Это тебе будет как на экзаменах в школе...»

И пошла Наташа Линичук кататься по следу Пахомовой и Жарковой. Кататься, не стесняясь и не смущаясь. Не останавливаясь.

Вот так, от тренировки к тренировке, складывалось у меня представление не только о физических и пластических возможностях Линичук, но — что не менее важно — о ее психологической устойчивости, умении показать себя и побороться за себя.

А что же Карпоносов? Он тренировался как всегда. Он вместе с Жарковой оставался в обойме сборной, выступал на всех крупнейших соревнованиях. И неизменно оставался в команде третьим номером.

Третий, замыкающий в сборной команде — место нелегкое. И вот почему. Если ты из года в год занимаешь эту позицию, если и на международных состязаниях пробиться вперед из-за спины двух других пар ты не можешь, то хочешь того или не хочешь, а начинаются разговоры о бесперспективности, о том, что «вокруг третьего места в команде надо обострить борьбу», что, вполне возможно, вообще надо заменить третью пару более перспективной, пусть даже она пока и послабее, но вдруг у нее дела пойдут лучше?

Жаркова не вынесла тяжести пресса, давившего на третью пару. Она решила сосредоточиться только на учебе в институте иностранных языков. Мне было очень жаль, когда эта милая, умная и тонкая девочка решила расстаться со спортивными танцами. Жаль не только потому, что мы не закончили вместе с ней нашу общую работу, жаль потому, что Лена уходила, так и не сказав своего главного слова.

Лена объявила о том, что уходит, весной 1972 года. Гена решил остаться. Срочно требовалась партнерша. И вот именно тогда впервые серьезно мы задумались о том, что Наташа вполне может заменить Жаркову. Правда, опыта у нее никакого. Технику надо собирать по крупицам, и при этом еще очень быстро. Кроме того, существовал и некий возрастной барьер — Гена старше почти на шесть лет, это в нашем спорте целое поколение. Поймут ли они друг друга, сойдутся ли их характеры, чтобы создать новый цельный общий характер, помогающий бороться и побеждать?

Вопросов вставало в те дни множество. Конечно, Наташе импонировало то, что она начнет танцевать с таким опытным, сильным партнером (напомним, у нее ведь вообще не было еще никакого партнера!), что перед ней сразу забрезжат горизонты сборной команды страны. А Гене импонировала мягкость и женственность Наташи. В шестнадцатилетней девчонке уже проглядывали те черты, которые через несколько лет сделают ее всеобщей любимицей. А кроме того, не напрасно ведь почти два года Наташа ездила по следу и Пахомовой и Жарковой. Не напрасно присматривалась и запоминала каждое их движение. Не напрасно старалась каждый чужой шаг сделать своим, прочитать сложный текст чужих танцев так, чтобы он стал родным. Мы к этому времени проделали с Наташей такую колоссальную работу, что она вполне могла сразу стать в пару с Геной. А зная ее настойчивость и целеустремленность, я не сомневалась и в том, что Наташа сделает все, чтобы преодолеть пока еще огромную дистанцию, разделявшую их с Геной в спортивной технике.

С первого дня, с первой тренировки было ясно, что новую пару ждут труднейшие испытания, что легкого возвращения в сборную не будет. Вакуум в ней мгновенно был заполнен. Лидером, причем недосягаемым, были Людмила Пахомова и Александр Горшков. Вторая позиция была за Татьяной Войтюк и Вячеславом Жигалиным, с которыми так долго вели борьбу Жаркова и Карпоносов; а вслед за ними пристроилась молодая одаренная пара — Ирина Моисеева и Андрей Миненков. Таким был состав сборной на очередных чемпионатах мира и Европы. И казалось, ничто не сможет поколебать шансы тех, кто был за Пахомовой и Горшковым.

Но потребовался только год, чтобы нанести сокрушительный удар. Мы сконцентрировали наши силы. Мы выбрали для нанесения удара именно те участки, которые считали уязвимыми. Расчет оказался правильным.

Мы сразу «сели» на обязательные танцы. Партнеры не слишком отличались ростом. Рычаги были примерно одинаковыми (в спортивных танцах иногда следует обращаться к терминам из механики), и это облегчало подгонку их друг к другу. И еще облегчало работу то, что у молодой пары перед глазами был пример чемпионов мира. Я ведь делала замечания не только Наташе и Гене, но и Миле с Сашей. И не единожды обращала внимание на то, что новая пара внимательно прислушивается к тому, на что я обращаю внимание в танцах чемпионов. Поток двойной информации делал свое дело. В «школе» Наташа и Гена прыгали буквально через «класс» и уже к началу первого своего общего сезона были способны бороться за место в сборной.

Нам нужна была платформа для дальнейшего рывка вперед. И здесь спешка могла только повредить. Конечно, неплохо сразу попасть в ряды сборной, но и торопиться не надо. Так я думала сама и так приучила думать свою вторую пару. Я не раз напоминала им одну из самых важных нравственных заповедей первого нашего олимпийского чемпиона фигуриста Николая Александровича Панина-Коломенкина: труднее и почетнее хорошо проиграть, чем плохо выиграть. Для Карпоносова с его извечной любовью и преклонением перед справедливостью и верой в то, что хорошая работа рано или поздно себя покажет в полном блеске, эти слова Панина были стимулом в работе.

«Школа» давала нам один за другим крепчайшие блоки для платформы успеха. Уже в первой своей произвольной программе новая пара показала не только изобретательность, не только хорошее исполнительское понимание замыслов танца, но и хорошее владение коньком, открывавшее дорогу для дальнейшего совершенства. Спасибо тебе, «школа»! Спустя пять лет, после того как Наташа и Гена станут чемпионами мира, одна из сильнейших фигуристок недалекого прошлого, Джуди Швомейер (в танцевальной паре вместе с Джоном Сладки она несколько раз была призером чемпионатов мира), скажет, что она потрясена обязательными танцами Линичук и Карпоносова, что они возвратили ее к славным старым временам, когда все танцоры крепко учили азы танцевальной науки.

Ранней осенью 1973 года Наташа с Геной должны были выехать на международные состязания в Англию, где стартовали почти все сильнейшие танцоры мира. В этом турнире были заявлены сразу три советских дуэта: Татьяна Войтюк и Вячеслав Жигалин, Светлана Алексеева и Александр Бойчук и Наташа с Геной. В заявочном листе фамилии были записаны именно в таком порядке, и международные судьи сразу получали как бы ориентир.

У других пар на этом турнире были и иные преимущества. Алексеева и Бойчук поехали в Англию со своим тренером Виктором Рыжкиным. Специалисты в фигурном катании знают, как трудно выступать фигуристу без тренера. Наташа и Гена моей поддержки в Англии не имели. Они могли рассчитывать только на себя. На свою «школу». На новый произвольный танец, в котором я впервые попробовала показать — пусть еще и не до конца,— что нового мы хотим принести в мир спортивных танцев на льду.

Поскольку этот же произвольный танец мы готовили и к будущим чемпионатам страны, Европы и мира, скажу о нем несколько слов. Мне очень хотелось — и в какой-то мере удалось — ярко показать дарование новой партнерши Карпоносова, ее мягкость, лиричность, внутреннюю чистоту. Зная, что у Наташи есть одно важнейшее для любого фигуриста качество, которое мы, тренеры, называем «плюс старт» и которое означает, что данный спортсмен, выступая на состязаниях, не только не тушуется, а, наоборот, добавляет в свою программу еще нечто новое, яркое, преображая уже привычные движения, я попросила Наташу в Англии и на тренировках вести себя, как на соревнованиях, чтобы танец заиграл еще до того, как судьи начнут оценивать его, сидя за своими пультами.

Линичук и Карпоносов, как потом они мне сами признавались, все время чувствовали мое незримое присутствие. Они строго выдержали весь график тренировок, предшествовавший официальному

выходу на лед, и судьи, неизменно занимавшие свои места на трибунах, смогли сравнить советские пары до старта.

Вердикт был почти единогласным: Наталия Линичук и Геннадий Карпоносов занимают второе место, проигрывая только чемпионам Великобритании. Две другие советские пары значительно уступают им и в «школе» и в оригинальном и произвольном танцах. Успех был полным и безоговорочным. Он открыл через несколько месяцев на чемпионате страны дверь в сборную. Линичук и Карпоносов сразу занимают второе место и едут на чемпионат Европы вторым номером команды!

Казалось, путь вперед открыт, но прошел только один сезон, и мы убедились, что легкой дороги не будет. Только в 1977 году на токийском чемпионате пришла к нам победа, хотя тогда еще никто не замечал ее и даже не верил в ее возможность. Я считаю, что мы переломили ход событий именно тогда, когда встали на бронзовую ступеньку пьедестала почета. И даже не так медаль обрадовала нас, как небольшой, мимолетный разговор Лауренса Демми, руководителя технического комитета по танцам, с Карпоносовым. Он сказал приблизительно следующее: «Я не очень верил в возможность прогресса вашей пары. Сейчас я могу сказать, что ошибался. Вы танцуете отлично, и у вас есть хороший запас, чтобы развить успех...»

Еще задолго до начала нового сезона я проанализировала все его компоненты и пришла к выводу, что никогда еще не было такой благоприятной ситуации для штурма главной высоты. В числе трех обязательных танцев, которые должны были показывать на соревнованиях фигуристы, было и танго «Романтика», которое я сочиняла для Пахомовой и Горшкова. Это достаточно сложный танец, требующий тонкой и точной техники. В нем есть сложные узлы, разобрать которые очень нелегко непосвященному. И хотя танго в исполнении Милы и Саши было снято на пленку, записано на видеомагнитофоны, чтобы новые поколения исполнителей знали, как его надо танцевать, я-то знала, что оно таит новые возможности.

Второе наше преимущество мы нашли в том, что на очередной сезон всем танцорам было задано домашнее сочинение на тему «Пассодобль». Этот оригинальный танец был нам по душе. Испанский марш для выхода тореадора и его свиты на арену как нельзя более соответствовал характеру и темпераменту пары в целом и Гены в частности. А это особенно ценно именно в пассодобле, поскольку партнер здесь играет главную роль.

Ну, а произвольный танец должен был стать новой и самой высокой вехой на нашем пути. План его был разработан на самом пороге сезона. В традиционные четыре части «произволки», резко отличающиеся по рисунку, по темпераменту, по набору изобразительных средств, мы хотели вложить все наше сегодняшнее понимание спортивных танцев на льду. И при этом сохранить некую традиционность, строгость, даже, если хотите, внутреннюю интеллигентность танцев, не превращая их в шоу, не управляемое никакими спортивными законами.

Таковы были наши расчеты, наши замыслы. И мы осуществили их полностью.

Я не люблю описывать свои танцы. Мне только хотелось бы объяснить читателям, почему был избран такой сюжет для произвольного танца, а не какой-нибудь другой. Первая часть танца — танго. Строгое. Без всяких излишеств. Традиционное. Звучное. Заразительное. Втянув зрителей (и судей, конечно!) в свой танец, Наташа и Гена должны были далее ошеломить всех современным ритмом. На огромной скорости они показывали набор сложнейших шагов, поддержек, вращений, которые символизировали темп современной жизни, современного спорта. Скульптурная остановка в конце второй части рассекает танец на две части. Теперь начинается партия нашей лирической героини. На первом плане Наташа. Наконец она может показать все, чем богата внутренне, показать всю духовную и физическую красоту русской женщины, с ее тонкой музыкальностью и трепетностью чувств. Наташа полностью созрела для этой роли. И когда зрители вместе с танцорами вновь бросаются в плясовую мелодию, в которой звучат и цыганские нотки, и венгерские, и молдавские, они делают это даже с некоторой неохотой. Тем радостней и звучней финал, в котором танец втянул в свой вихрь и танцоров и всех, кто танцевал в этот вечер вместе с ними.

Таково короткое либретто произвольного танца-78. Как оказалось, чемпионского.

Опять-таки не хочу пересказывать ход событий в том сезоне. Наташа и Геннадий были вторыми на состязаниях сильнейших в Одессе, потом вторыми на первенстве Европы. Внимательный наблюдатель мог бы уже в Страсбурге заметить, как склоняется чаша весов в сторону моих учеников. Двое судей — из Англии и ФРГ — дали первые места Линичук и Карпоносову. Оставалось сделать лишь последний шаг. В Оттаве, на чемпионате мира.

Наташа и Гена тренировались почти на пределе. Физическом в первую очередь. Но психологически они готовы были еще и еще прибавлять. Это тоже входило в ту программу подготовки, которую мы спланировали за много месяцев до приезда в Оттаву.

Ход самих соревнований был прост. Все три обязательных танца выиграли Наташа и Гена. Таким же практически было и наше преимущество в пассодобле. А в произвольном победа хотя и досталась нам с меньшим преимуществом, но дала возможность закрепить достигнутый перевес.

Не помню, что было со мной тогда. Я вообще не анализирую свои чувства. После того, как вместе с Наташей и Геной прокатала весь произвольный танец и, опустошенная, перевела дух, я могла только молча ждать оценок, хотя и знала, что они будут предельно высокими, и в общем-то они меня даже и не интересовали.

Мгновения победы — это очень личные мгновения. И я иной раз даже жалею, что есть телевидение, от которого не спрячешься, и что оно может, не требуя никакого на то разрешения, в любую минуту вторгнуться в нашу личную спортивную жизнь.

Праздник для меня длился только до тех пор, пока ехали к борту Наташа и Гена. Потом зажглись цифры победы, мы повернулись, чтобы уйти за кулисы, и я сказала напоследок: «Вот с этой минуты и начинается у нас подготовка к новому сезону». Заключение далеко не парадное. Иному оно даже и настроение могло бы испортить. Но я видела, как улыбается Наташа, как, ничего не понимая, с каким-то даже восторгом смотрит на меня Гена,— и знала, что действительно новый сезон для нас уже начался.

Чем мне закончить? Я все откладываю этот момент, потому что Наташа и Гена продолжают выступать, они снова на льду, они показывают миру наши новые находки и открытия. А для того, чтобы финишировать без финиша, познакомлю читателей с одной встречей, с одним маленьким негласным экзаменом, который состоялся в начале нового сезона 1979 года, в дни, когда шел турнир на приз газеты «Нувель де Моску». В Москву после длительного перерыва прилетел Лоуренс Демми. Мы ждали его приезда с особым волнением, потому что он не принимал участия в работе судейских бригад на прошлогодних чемпионатах Европы и мира, новых танцев Наташи и Гены не видел и мог ориентироваться только по той картинке, которую дало ему телевидение. В соревнованиях Наташа и Гена не участвовали, и Демми приехал на нашу очередную тренировку в динамовском спортивном комплексе.

— Итак, с чего начнем? — Лоуренс Демми, поздравив Наташу, Гену и меня с успехом на чемпионате мира, сохранял все-таки деловой тон. Ему не терпелось поскорее увидеть, что подготовлено чемпионами, чтобы защитить свой чемпионский титул. Это, как вы сами понимаете, очень важно, поскольку прогресс должен быть безостановочным!

Обязательные танцы пролетают мгновенно. Демми дает несколько небольших советов, связанных с деталями, обычно почти незаметными даже для лучших специалистов. Он высоко оценивает «школу» и говорит, что она на чемпионском уровне.

Наступает черед вальса — нового оригинального танца. Вообще создать новый вальс — задача чрезвычайно трудная, поскольку тема давно и фундаментально всеми обработана. Но мы нашли несколько абсолютно новых решений, которые потребовали высочайшего технического мастерства. Думаю, что сложнейшие повороты на одной ноге, с помощью которых Наташа и Гена кружатся справа от судей, пока вряд ли доступны кому-нибудь, кроме них самих.

Лоуренс Демми сразу понял суть нового вальса и восторженно оценил каждую нашу находку. Он даже сказал — это вообще было для нас особенно дорого,— что такая постановка вальса кажется ему рекордной, лучшей за всю историю существования оригинальных танцев. Вальс ребята танцевали без устали. Серию за серией. Демми просил показать ему отдельно все самые эффектные места, что-то записывал в свой блокнот и в итоге заявил, что и вальс — чемпионский.

А затем настал черед новой произвольной программы. Каждую часть танца мы в полную силу катали по нескольку раз. Демми просил повторять для него эти части подряд, чтобы составить полное впечатление обо всей программе, и в любом порядке, который устраивал нас. Почти все в программе Демми очень понравилось. Но при этом он попросил нас сохранить первую часть старого танца — танго: «Это очень эффектный, эмоциональный отрывок. Он произвел огромное впечатление год назад. И если вы еще раз покажете его зрителям и судьям, вы доставите им огромное наслаждение. Танго прекрасно вводит всех в мир танца. И вы добьетесь этим и еще одного — пусть и побочного, но важного эффекта: покажете преемственность ваших чемпионских программ».

Через месяц Наташа и Геннадий впервые стали чемпионами Европы в Загребе, а в марте в Вене — во второй раз чемпионами мира.

Н. Линичук и Г. Карпоносов.

В. Ковалев.

Виктор ПРОНИН

ЭТА ТЯЖЕЛАЯ ЛЕГКАЯ ЖИЗНЬ

Зрелище, скажем прямо, озадачивало: небольшой, примыкающий к дому огород был окружен высоким, плотным, почти без щелей, забором. Не дом, не двор, а именно огород. Почерневшие от времени доски торчали угрожающе и неприступно. Правда, со стороны двора мне удалось найти калитку, перекошенную тяжелым амбарным замком. Да и сама калитка больше напоминала настоящую амбарную дверь. Вроде и нехорошо заглядывать за чужие заборы, но любопытство взяло верх. Огород как огород. Перекопанная земля, увядшая ботва картошки, кое-где виднелись свежие следы лопаты — урожай, видимо, уже убрали.

К этому дому в Калужском переулке города Серпухова меня привело письмо Анатолия Алексеевича Щербакова. Вот несколько строк из его письма: «Уважаемая редакция! Я вынужден обратиться к вам за помощью. Моя жена воспитывает сына по принципу: бери от жизни все плохое. И подтверждает этот принцип собственным примером. Саше сейчас тринадцать лет, он растет эгоистичным и мстительным. Что из него будет дальше, каким он вырастет? Сейчас жена подала на развод, но я попросил суд перенести заседание. Может быть, удастся помириться. Дело в том, что у нас есть еще дочь, и я не могу представить, что из нее вырастет черствый и нахальный эгоист. Поэтому для меня главное — сохранить семью...»

И вот мы с Анатолием Алексеевичем Щербаковым, сорокалетним худощавым человеком, беседуем о его незадачах. Он не удивился моему приезду, только кивнул. Дескать, понятно, так и должно быть. В его глазах — усталость, даже какая-то опустошенность. Оказывается, писал он не только в наш журнал, писал и в центральные газеты, в местную печать, подал несколько заявлений в суд...

— А! — Он махнул рукой и отвернулся. — Меня не понимают. Она, говорят, мать, и у нее все права. А я хочу только одного — воспитать своих детей честными, порядочными людьми. — Он вынул из кармана пачку смятых бумажек и, не глядя, протянул их мне. Это были ответы из газет и журналов, из судов и прочих инстанций. Ему писали, что воспитание детей — дело родителей, и никто не имеет права помешать им воспитывать сыновей, дочерей порядочными людьми, гражданами своей страны. Писали, что отношения с женой — его личное дело...

— Вот так и отвечают.— Он грустно посмотрел на меня, вздохнул, сложил истертые на сгибах бумажки в каком-то одному ему известном порядке и сунул их в карман. — Вот так и отвечают,— повторил он. — Я написал заявление в суд, но со мной даже не поговорили. Жена подала на развод, и я вынужден был подать встречный иск. Я хочу, чтобы ребенка оставили мне. Я должен, обязан спасти хотя бы дочку, чтобы она не выросла черствой и нахальной эгоисткой... Это так ужасно! — Он посмотрел на меня в упор, и я не смог вынести его взгляда, столько было в нем боли и смятения.

К тому времени я уже прочел его заявление в Серпуховской народный суд. Щербаков писал: «Обещаю воспитывать дочь личным примером».

— Скажите, а ваша жена...— начал было я, но Анатолий Алексеевич перебил меня:

— Это черствый и нахальный человек. Ее личный принцип — надо жить хитро. Она вышла за меня, пользуясь моей слабохарактерностью.

Его взгляд устремился в пространство, будто где-то там, в туманной дали, он видел себя в прошлом, видел момент совершения роковой ошибки.

Признаюсь, последние слова Анатолия Алексеевича настораживали. Без конца повторяемые обвинения в том, что жена хочет жить хитро, устоявшийся стереотип — «черствый и нахальный эгоист», да еще столь охотное признание собственной слабости, бесхарактерности... Все это не вязалось с его настойчивостью, весьма трудоемкой перепиской, твердым решением самому воспитать дочь, которой нет еще и трех лет... Образ Анатолия Алексеевича неожиданно раздвоился, поплыл.

— Меня всегда интересовали вопросы морали, нравственности, — неуверенно проговорил Щербаков, видно, почувствовав мои сомнения. — Я часто откликаюсь на выступления в прессе... Наши дети — что может быть важнее, а? — Он пытливо глянул на меня, как бы проверяя: «Каково сказано?»

Разговор наш происходил в одном из пустых залов серпуховского суда. Вот-вот должно было начаться рассмотрение заявления жены Щербакова — Людмилы Константиновны — о разводе. Неожиданно к нам подошла Татьяна Александровна Мартынова — инспектор по охране прав детей. На суде ей предстояло выступить представителем органов опеки. Щербакова она, по всей видимости, знала и раньше, но тем не менее ее первый вопрос показался мне бесцеремонным.

— Простите, — быстро проговорила она, — мне надо кое-что уточнить... Вот когда пятого августа, Анатолий Алексеевич, вы вернулись домой слегка... — Мартынова на секунду замялась,— слегка пьяным, когда вы и вашу жену и девочку на улицу вышвырнули...— Татьяна Александровна решила, видимо, не выбирать выражения.— Вы не помните, какая у дочки была температура?

— Вы путаете, — снисходительно улыбнулся Щербаков. — Это было не пятого августа. Это было на несколько дней позже.

— Но у девочки была скарлатина?

— Говорят...

— И как раз в это время у вашей жены был приступ радикулита.

— Я полагаю, — значительно произнес Анатолий Алексеевич, поставив указательный палец на спинку стула, — что об этом лучше спросить у нее.

— Хорошо, — кивнула Мартынова. — И еще... Скажите, вы в самом деле взяли со своей жены триста рублей за то, чтобы прописать ее?

— Видите ли, эти деньги... Не все, правда... Но они...

Когда Мартынова отошла, Щербаков снова повернулся ко мне — продолжить разговор о воспитании. Он опять начал говорить о своей позиции, о том, что его мечту видеть дочь хорошим человеком истолковывают, как кому заблагорассудится. Говорил он с прежней печалью в голосе, сцепив от волнения пальцы и глядя на меня в упор.

Вначале показалось, что он меня разыгрывает. В самом деле, не мог же он не понимать, что после вопросов Мартыновой, после его ответов продолжать разговор в том же тоне попросту невозможно. Но нет, Анатолий Алексеевич не шутил. К вопросам инспектора он отнесся так, как если бы она спросила его, который час. Ответил и забыл. И я понял: он привык. Ее вопросы для него были настолько обычны, ему так часто приходилось отвечать на них во всевозможных инстанциях, что Щербаков даже представить не мог, насколько ошарашивающе они звучат для человека неподготовленного.

— А почему вы хотите, чтобы суд отдал дочку вам? — спросил я. — Только из-за того, что жена неправильно ее воспитывает?

— Не только,— скупо улыбнулся он. — Есть кое-какие соображения. — Анатолий Алексеевич повертел в воздухе растопыренной пятерней.

А потом начался суд, и многие люди, хорошо знавшие Щербакова не один год, говорили о его «соображениях», о нем самом, что называется, открытым текстом. Происходящее даже трудно было назвать судебным разбирательством, поскольку разбираться в общем-то и не в чем было. Все, кто подходил к свидетельской трибунке, в один голос осуждали Щербакова. Надо отдать должное судье Раисе Сергеевне Жуковой, которая сумела распиравшие людей чувства втиснуть в рамки строгого судебного протокола и раскрыть перед присутствующими настоящее лицо Анатолия Алексеевича. Вполне возможно, что у Раисы Сергеевны была цель и покрупнее — открыть глаза самому Щербакову. Но, право же, не ее вина, что этого сделать не удалось. Не пожелал Щербаков взглянуть на себя прямо и нелицеприятно.

Вполне возможно, он сам даже не представляет, какую колоритную фигуру являет собой. Контраст между возвышенными словами и пакостливыми поступками был настолько невероятен, что, признаюсь, приходилось делать над собой усилие, чтобы поверить свидетелям. Все время хотелось сделать поправку: дескать, возможно, нечто подобное и было, но не так, не настолько, не в такой мере... Сам Щербаков сидел тут же, выслушивая показания с печальной улыбкой непонятого человека.

— Скажите, Щербаков, это ведь не первый ваш брак? — задала вопрос судья.

— Второй.

— Как второй?! — нарушая строгий порядок, схватывается с места мать Щербакова. — А Шуру ты забыл? А Машу, а Галю? А Таю?

— Вот с Таисией я и был расписан, — поясняет Щербаков.

— За что вы были осуждены на год? — спрашивает судья.

— Неуплата алиментов. Первой жене. Таисии.

— Злостная неуплата алиментов,— уточняет Раиса Сергеевна.

— У меня были серьезные мотивы... Постоянной работы я тогда не имел, и в связи с этим... Видите ли, меня не везде понимали...

— Значит, и пятнадцать лет назад вас тоже не понимали... Вы давно работаете на последнем месте?

— Не очень... Недели две.

— Ваша дочь родилась чуть больше двух лет назад... Сколько раз вы за это время сменили место работы?

— Может, три... Или четыре. Если не считать нынешнюю мою работу, то так и получается.

— Почему вы увольнялись? — продолжает задавать вопросы судья.

— За пьянки его выгоняли! — опять не выдерживает мать Анатолия Алексеевича. — Ишь, чего придумал — не понимают его! Придет пьяным — ему еще на стол бутылку ставь. Вот тогда его понимают. А не поставишь — беги к соседям прятаться. Ведь его за неуплату алиментов — где? — в Казахстане поймали. Вон куда шастанул! Он и за первой женой с топором бегал, все стращал, чтоб на алименты не подавала... Дочка школу не кончила, работать пошла, до сих пор заикается... А чего, вы думаете, он малышку себе требует? Чтобы алименты не платить! Соображения, вишь ли, у него всякие! Одно у него соображение — знает, что девочка все

равно с нами будет жить. Не нужна она ему. Он же бьет ее, девочка боится подходить к нему!

— Что скажете, Анатолий Алексеевич? — спрашивает судья.

— Полагаю, что характер у меня неплохой, менять мне его не надо. Истице надо менять отношение ко мне. Мои поступки она истолковывает превратно, оскорбляет...

— Как она вас оскорбляет?

— Говорит, ей нужно, чтоб я на мужчину был похож!

— Может быть, она хочет, чтобы вы достойнее себя вели?

Жена Щербакова, Людмила Константиновна, работает няней в детском комбинате. Там о ней самого хорошего мнения. Отмечают ее любовь к детям, чуткость, трудолюбие. Но вот выступает представитель комбината, и тут проясняется еще одна черта Анатолия Алексеевича, черта в полном смысле слова подловатая, иначе не скажешь. Оказывается, собрал он однажды кое-какое бельишко в доме и отправился с узелком в детский комбинат. Так, мол, и так, жена моя украла у вас эти вещи, прошу сделать выводы. Разворачивает суетливо узелок, трясет перед изумленным директором наволочкой, простынкой, в глаза смотрит. Вот что удивительно — в глаза смотрит.

— Позвольте!—отвечают ему.— Да это не наши вещи! У нас и покрой другой, и размер, и материал, да и штампики на наших вещах, а тут нет...

Пришлось Анатолию Алексеевичу свернуть свой узелок.

Наибольшую раскованность он чувствовал, конечно, дома. Не один и не два раза приходилось соседям спасать Людмилу Константиновну, спасать в буквальном смысле слова, успокоить Щербакова удавалось лишь с помощью милиции. Опять же с участковым удалось отнять у Анатолия Алексеевича детскую одежонку — ни в какую не хотел отдавать платья, носочки, одеяльце своей дочери, которую так сильно хочет воспитывать «личным примером». В своей части дома с отдельным ходом он запер вещи, повесил замок — и весь разговор. И тарелки запер, и ложки, и кастрюли. Да что там ложки-кружки — детскую кроватку грозит только через суд отдать!

Вот до чего «принципиальность» довела человека!

Невольно возникает вопрос: а может, он того, не в себе маленько? Нет, во всех действиях Щербакова, сколь бы странными они ни были, прослеживается четкая, жесткая линия. Вот что пишет в рапорте своему начальству участковый инспектор, побывавший у Анатолия Алексеевича дома: «Имея целью заставить жену уйти с ребенком из дома, он подвергает ее побоям, угрожает ей, применяя для этого нож, косу, топор, избивает ребенка. В действиях А. А. Щербакова усматриваются признаки статьи 113 и статьи 206, часть вторая УК РСФСР...» Другими словами, речь идет об истязании и злостном хулиганстве. К пяти годам лишения свободы присудят Анатолия Алексеевича, если он будет обвинен по этим статьям.

Может быть, и не стоило говорить о Щербакове так подробно, но и промолчать тоже никак нельзя. Ведь не просто пакостит человек, не просто жизнь ближним своим поганит. Он при этом еще и отчитывает их, произносит высокие слова, ссылается на уважаемые инстанции. К своему заявлению в суд Щербаков приложил ответы из редакций — вон, дескать, сила какая за мной стоит.

Рассказать о Щербакове стоит еще и потому, что не столь уж одинок он в своих попытках передернуть карты и выдать черное за белое. Наверно, в каждой редакции могут назвать одного, второго, пятого автора писем, пытающегося свою некрасивую возню прикрыть авторитетом газеты или журнала. Да и в каждом суде вам расскажут о единоверцах Щербакова, пускающихся во все тяжкие, только бы уйти от тех обязанностей, уходить от которых честный человек не имеет права.

Расчет Щербакова был построен на том, чтобы высокими словами замаскировать свои невысокого пошиба помыслы. А ведь просчитался человек. Сам себе жизнь испортил, и в этом есть некая железная закономерность. Невозможно нарушить законы человеческой порядочности и остаться безнаказанным. Возмездие может прийти немедленно, может отодвинуться на годы, но оно неизбежно настигает человека в виде народного суда, суда товарищей, суда своей собственной совести... Преступление себя не окупает. Щербаков не поверил в эту старую истину. Решил проверить. На проверку ушла жизнь.

А сколько пришлось перенести Анатолию Алексеевичу, чтобы облегчить себе жизнь! Убегая от алиментов, он метался по всей стране, петлял, менял места жительства, места работы, пока не угодил на скамью подсудимых. Отсидев год и стараясь посильнее досадить жене, стараясь, чтоб меньше от него на ребенка перепадало, он месяцами не работал, перебиваясь случайными заработками, не стремился выучиться чему-то дельному, приличную квалификацию получить. Не ценя коллектив, куда его принимали, предприятие, где работал, он уходил, уезжал, убегал, не связанный ни долгом, ни товарищескими отношениями с людьми...

Тяжелая, ох, тяжелая жизнь пошла у Анатолия Алексеевича!

После суда мы задержались с ним на несколько минут в коридоре. Анатолий Алексеевич был грустен. Не выплатив еще алименты первому ребенку, он будет по суду платить и второму...

— Скажите,—спросил я,—а этот забор вокруг огорода... Зачем?

— Ну как же, там картошка! Жена повадилась — и себе берет, и им варит.

— Кому... им? — спросил я несколько огорошенно.

— Ну как, моим... Отцу, матери. Я и письмо написал на завод, где они раньше работали... Чтоб пристыдили их, чтоб неповадно было картошку без спроса брать... Да! — вдруг воскликнул он.— А ваш журнал так и не ответил мне на вопрос! Я в письме спрашивал об одной закономерности... Какой человек, не задумываясь, подаст руку помощи в трудную минуту, а какой не подаст... А?

В самом деле, было такое письмо от Щербакова, и вопрос этот он, как говорится, затрагивал. Но, честно признаюсь, ничего я не смог ему ответить. Смотрел на него во все глаза и не мог выдавить из себя ни слова... Бывает.

ЯЗВА АМЕРИКИ

Книжная полка международника пополнилась новой книгой Александра Кривицкого «На том берегу, или кое-что о Пентагоне и его окрестностях». Имя публициста Александра Кривицкого хорошо известно читателю. Его яркие, боевые, увлекательные статьи часто появляются на страницах «Литературной газеты», многих других наших изданий. Вышедшая книга «На том берегу» — это сборник статей и памфлетов, в которых автор рассказывает о друзьях и врагах разрядки в США.

Обладая большой эрудицией, привлекая к своему рассказу много интересных фактов, историй и личных наблюдений, проводя аналогию между порой парадоксальными событиями, Александр Кривицкий раскрывает мир далекой и во многом не познанной страны — Америки, ее духовную суть, нравственные принципы, пристрастия. Автор размышляет сам и заставляет думать читателя, делать сравнения, собственные выводы. Ему удается как бы исподволь ввести читателя в круг своих мыслей. Вместе с автором читатель идет долгими дорогами журналистской жизни, и всегда и везде Александр Кривицкий остается небезучастным рассказчиком. Главное же достоинство книги в том, что автор основывает ее на неопровержимом документальном и фактическом материале.

Хотя тематически главы и различаются, однако они имеют одну общую тенденцию, общий стержень, составляя единую, цельную картину, крепко сколоченную публицистическую книгу. Страстность публициста проходит через каждую строчку «На том берегу».

«На теле Соединенных Штатов немало язв. Но одна из самых опасных — Пентагон. Это язва незаживающая. Она пугает окружающих мифической «советской угрозой». Она гонит вверх температуру инфляции внутри страны. Она отравляет международные отношения, мешает оздоровляющему землю процессу мирной разрядки» — так автор начинает свой рассказ о военном ведомстве США, «верного военно-идеологического оруженосца» американской реакции. В этом зловещем пятигранном здании рождаются бредовые мысли атомных стратегов, авантюрные планы американских вояк. Автор с доскональным знанием предмета раскрывает историю зарождения этой каменной громады, вобравшей в себя сонм генералов и адмиралов, кибернетиков и психологов, ординарцев и секретарей, статистиков и шифровальщиков.

Само слово «Пентагон» стало нарицательным, символом американской военщины, жаждущей нажать на спусковой крючок третьей мировой войны. Александр Кривицкий показывает зловещие фигуры «первых номеров команды Пентагона». Здесь министры обороны США, такие, как Макнамара, Лэйрд, Шлесинджер, Браун и иже с ними. Все они — ставленники большого бизнеса и в меру своих сил «заправляли горючим пентагоновскую машину, пугали население и конгресс советской угрозой, требовали все новых военных ассигнований».

Книга Александра Кривицкого «На том берегу» читается легко, насыщена большим жизненным материалом. Она наверняка найдет своего читателя, который почерпнет в ней много интересного и полезного для себя.

Д. ВЛАДИМИРОВ

Александр Кривицкий. На том берегу, или кое-что о Пентагоне и его окрестностях. М., Политиздат, 1978, 254 стр.

ДРУЖБА ЦИРКОВАЯ

На третьем этаже московского Дома культуры «Чайка» выставлены призы и награды эстрадно-циркового коллектива, основателем и художественным руководителем которого вот уже девятый год является Леонид Борисович Мельников.

Смотрю на эти награды и вспоминаю то время, когда пришла сюда совсем маленькой, робкой девочкой. Меня поразила простота и непринужденность отношений. Я получила здесь первые уроки актерского мастерства и полюбила сцену, научилась понимать прекрасное, ценить человеческую дружбу...

Создавая студию, Л. Б. Мельников справедливо считал, что цирковой трюк ради трюка — это еще не искусство. Он стремился научить нас мыслить, фантазировать, выражать свои чувства средствами циркового искусства.

— Моя задача — создать актера, а потом уже появится акробат, гимнаст или иллюзионист,— говорит режиссер.

Я побывала на занятиях младшей группы, шел урок сценического движения. Дети, только что бегавшие по сцене со смехом и криками под звуки циркового марша, вдруг преобразились. Высоко поднятые головы, выпрямленные торсы — да, они всем своим существом выражали достоинство и гордость. Менялась музыка — менялись дети... Здесь видны были и полет детской фантазии, и красота, и духовное совершенство.

О своем руководителе Галя Мударисова говорит коротко: «Таких больше нет».

Клоуны С. Епишкин (Блинчик) и Б. Мельников (Пончик).

Для многих учеников Мельникова клубная сцена открыла дорогу в профессиональное искусство. Слесарь Ю. Крюков теперь иллюзионист Росконцерта. Табельщица Е. Осокина стала воздушной гимнасткой; В. Силицкий — артист цирка; И. Насекина выступает в Росконцерте в оригинальном жанре.

Дипломы I и II степени первого Всесоюзного фестиваля самодеятельного творчества трудящихся — признание успехов коллектива. Не эстрадно-цирковой школы, не студии, а именно коллектива: ведь недаром говорят, что цирковая дружба самая крепкая.

З. ДЗЕРАНОВА

ДЕРЕВЯННАЯ ПТИЦА

Александр МИЛОВСКИЙ

Грузный никелированный самовар наконец запыхтел в кухне, Александр Иванович принес его в горницу, поставил с подносом на стол и дунул в угли.

Пока мы ждем, чтобы чай настоялся, я вдруг замечаю, что по стенам и потолку задвигались причудливые черные тени. Подняв глаза, понял причину видения: висящая под потолком большая деревянная птица мерно плыла в воздухе, поворачиваясь вокруг своей оси и паря в теплых потоках, поднимающихся над самоваром.

Чтобы увидеть этих птиц, целую стаю которых выпустил из своих рук Александр Иванович Петухов — человек среди ценителей русского народного искусства известный, если не сказать знаменитый, я и ехал сюда, на Север, в поселок Волошка Архангельской области, расположенный ближе к Вологде, чем к Белому морю.

Висели в былые времена такие птицы под потолком почти что в каждом доме на Севере: покой охраняли, от напастей берегли, и называли их «святой

дух». Но времена святых духов давно миновали, а вместе с ними упорхнули из крестьянской избы и деревянные птицы. Улетели и следа не оставили; ведь самую захудалую корзину крестьянин на всякий случай на чердак забросит — авось, пригодится, зряшную же вещь держать не станет. А так как тонкие сухие крылья лучше любой лучины для растопки, то и судьба у тех дедовских сказочных птиц была общая — в печь. А. И. Петухов — один из немногих мастеров, кто помнит, как они выглядели, как делали их во времена его детства. Здесь, в Волошке, и вылетела вновь на свет деревянная, или, как ее называют, драночная птица, вылетела из-под крыши петуховского дома, но уже, конечно, не как святой дух, а как редкий, возрожденный вид народного искусства.

— Если подумать,— рассказывает Александр Иванович,— то к этим птицам я, наверное, всю жизнь шел,— так уж судьба склеилась. Родом я с Малой Шалги из-под Каргополя. В летнее время все, конечно, в поле работали, а зимой, да и летом, перед ярмарками, ремеслами разными занимались. Корзины плели, бондарничали. Поделки продавали в Каргополе на базаре и возили на ярмарки в другие города — Архангельск, Шенкурск, Вытегру, Ошивенск, Онегу, даже в Петербург. Художествами мало кто на продажу и раньше занимался — все больше для себя. Дом украсят резьбой — ведь в красивом доме и жить приятнее.

Увлекся рассказом Петухов, и его широко раскрытые голубые глаза смотрят на меня в упор, ревниво наблюдая, насколько интересно мне его слушать.

— Я с раннего детства полюбил красоту. Не мог мимо красивого дома пройти, не залюбовавшись. Игрушек в продаже тогда почти не было, ребятишкам их делали кому отец, кому дед. Я сколько себя помню, вырезал себе игрушки сам. Резьбой украшал — ромбиками, треугольниками.

В восемь лет резал по дереву уже неплохо: от отца, от соседей научился. Где-то увидишь,— придешь домой, сделаешь так же, чтобы не забыть рисунок. А память у меня зрительная особая была: стоило один раз посмотреть — и перед глазами каждый завиток стоит. Потом это умение очень мне пригодилось.

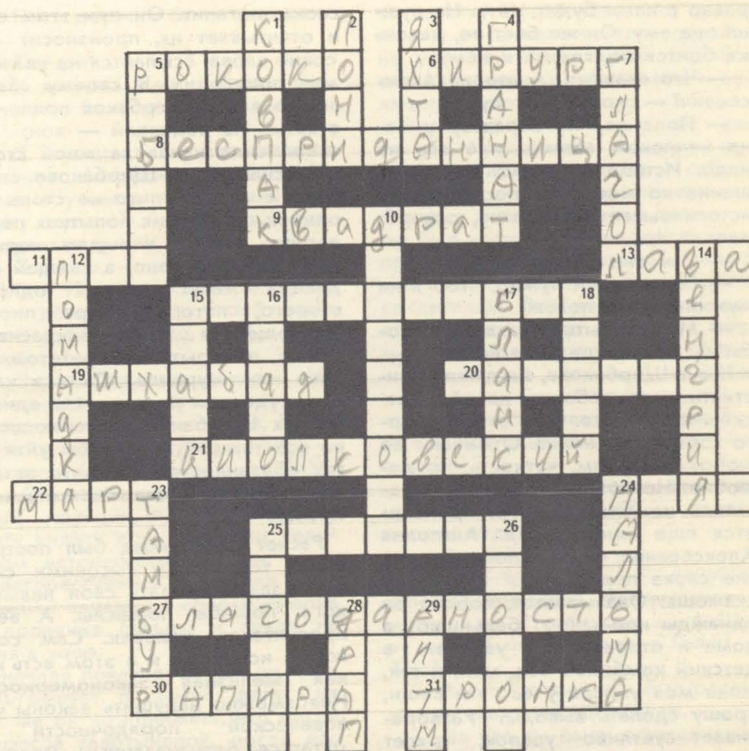
Почему стал делать птиц и что вижу в них? Для меня это и дань уважения к предкам, их верованиям, и просто вещь, украшающая жилище.

В каждом деле, конечно, свои премудрости. Почва у нас в окрестностях сернистая; деревья, впитывая минеральные соли и серу, древесину имеют жесткую, грубую, расщепить ее на дранки очень трудно, поэтому заготовку — нужна сосна или ель — я сначала вывариваю, а потом медленно сушу — провяниваю — год, а то и два, потом снова развариваю, прежде чем расщепить птице хвост и крылья...

Птицы Петухова немного отличаются от тех, что были в старину,— признается сам мастер: они у него тщательнее отделаны. Те были попроще, понеказистее. Петухов любит плавность, округлость линии, завершенность формы, гладкость поверхности идеальную. Он всегда выкладывается до конца, шлифует до зеркального блеска. Дом, что сам построил,— не изба, а терем из русской сказки. Туеса из бересты, что делает мастер, на музейную полку просятся. И птицы в его доме висят гладкие, одни с крупным округлым телом, словно вот-вот снесут яйцо, другие — с вытянутым, удлиненным, более изящным корпусом и хохолком на голове. Совершенно белые,— когда только что сделаны,— они приобретают со временем цвет спелой пшеницы, и четко проявившаяся структура дерева рисует на их полированном брюшке перья. Словом, птицы эти — загляденье.

...Наутро в мастерской Петухов выбрал из десятка поленьев в углу заготовку для птицы, выдернул из балки топор и быстрыми экономными движениями изготовил к работе на толстом сосновом чурбаке. Сильным и точным ударом отсек наискось угол, вторым виртуозно выбрал дерево с обратной стороны, и у полена наметился плоский хвост. Еще несколько прикосновений топора обрисовали вздернутую голову. Грубая, еще без крыльев, птица уже летела к нам из глубины веков. Пройдет несколько часов, и она станет в золотых руках мастера такой же живой и прекрасной, как та, что кружила вчера над самоваром.

Пос. Волошка,
Архангельская область.

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Стилистическое направление в европейском искусстве в XVIII веке. 6. Врач. 8. Пьеса А. Н. Островского. 9. Прямоугольник. 11. Курорт в Крыму. 13. Подземная горная выработка. 15. Рыба семейства карповых. 19. Столица союзной республики. 20. Приток Пянджа. 21. Советский ученый, основоположник теории межпланетных сообщений. 22. Месяц года. 24. Навигационное устройство. 25. Естественное неорганическое химическое вещество. 27. Официальная высокая оценка труда, действия. 30. Спортивное оружие. 31. Роман О. Гончара.

По вертикали: 1. Командир партизанского соединения в Великой Отечественной войне. 2. Лошадь низкорослой породы. 3. Спортивное, прогулочное судно. 4. Южное плодовое дерево. 5. Испанский живописец XVII века. 7. Часть речи. 10. Автор картины «Спящая Венера». 12. Молочный сахар. 14. Государство в Европе. 15. Зодиакальное созвездие. 16. Приспособление для ловли животных. 17. Лист бумаги с печатным заголовком. 18. Река в Красноярском крае. 23. Закрытая площадка пассажирского вагона. 24. Остров в Средиземном море. 25. Химический элемент. 26. Советский писатель. 28. Ткань для пальто. 29. Равномерное чередование каких-нибудь элементов.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 12

По горизонтали: 7. «Репетиция». 8. Дарование. 10. Парча. 11. Соловей. 12. Данте. 15. «Родник». 16. Рулет. 17. Уборть. 18. Сарабанда. 20. Антресоль. 21. Пропорция. 25. Констанца. 30. Оптика. 31. Верди. 32. Иматра. 33. Порту. 34. Вязание. 35. Перов. 36. Дипломник. 37. Инспекция.

По вертикали: 1. Метафора. 2. Песчанка. 3. Виноград. 4. Дагестан. 5. Парадокс. 6. Чистотел. 9. Колли. 13. Экваториал. 14. «Дубровский». 19. Азия. 20. Арык. 22. Рапсодия. 23. «Приятелю». 24. Изваяние. 26. Официант. 27. Арабеска. 28. Цирконий. 29. Орган.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Цех готовой продукции Волжского автомобильного завода. В 50 стран мира держат путь «Жигули». (См. в номере материал «Вас вызывает ВАЗ».)

Фото Э. Эттингера

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Александр Иванович Петухов и его работы. (См. в номере материал «Деревянная птица».)

Фото А. Миловского

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ, Н. А. ИВАНОВА, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Н. И. БУДКИНОЙ.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 214-33-70; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 212-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-32-45.

Сдано в набор 01.03.79. Подписано к печати 20.03.79. А 00637. Формат $70\times108^{1}/_{8}$. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1 800 000 экз. Изд. № 545. Заказ № 291.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

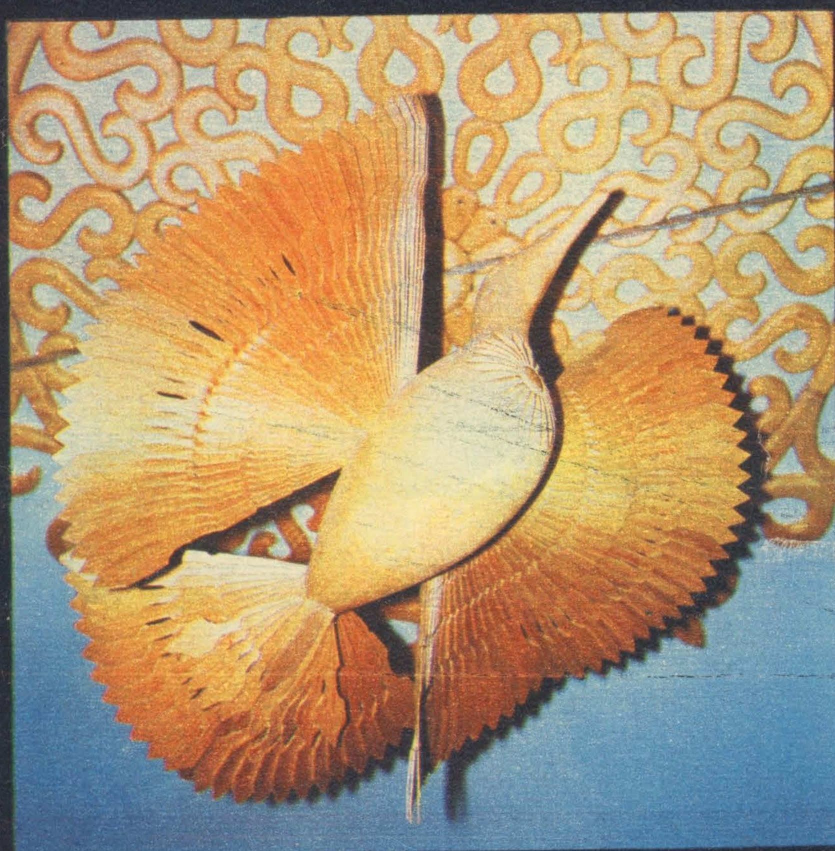
УРОК ИСТОРИИ ПЕКИНУ

АГРЕССОР ДОЛЖЕН ВИДЕТЬ В НЕМ КОНЕЦ СВОЕЙ ИГРЫ С ОГНЕМ.

Рисунок **КУКРЫНИКСОВ**

Цена номера 35 коп.
Индекс 70663